

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 42

УДК 81
ББК 81
Я410

Рецензенты:

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2011. —
Вып. 42. — 144 с.

ISBN

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов — студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 —
в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 — в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 —
в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 — в 2001 г., выпуски 21, 22 —
в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 — в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 — в 2004 г.,
выпуски 29, 30, 31 — в 2005 г., выпуски 32, 33 — в 2006 г., выпуски 34,
35 — в 2007 г., выпуск 36 — в 2008 г., выпуски 37, 38, 39 — в 2009 г., вы-
пуски 40, 41 — в 2010 г.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN

© Авторы статей, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

<i>Филимонова Е.Н.</i> «Небесная» тема в русских переводах с корейского и китайского языков	4
--	---

ЛИНГВИСТИКА

<i>Филиппова М.М.</i> К вопросу о ключевых концептах американского менталитета	27
<i>Видерман М.Е.</i> К вопросу о типологии англоязычных терминов контрактного права	35
<i>Яжгунович О.А.</i> К вопросу о функционировании терминов гражданского права (на материале терминов недвижимости)	43
<i>Герасименко Д.В.</i> Политическая корректность и стратегия вежливости	49
<i>Сухорукова Н.И.</i> Лексические маркеры авторитетности источника сообщения в специализированном финансовом дискурсе	56
<i>Альотаиби Султан Маджед (Королевство Саудовская Аравия)</i> Состояние современных систем машинного перевода с русского языка на арабский	69

ЛИНГВОСТИЛИСТИКА

<i>Изотова А.А.</i> Идиоматичность, символизация и аллюзивность в произведениях С. Моэма	76
---	----

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Изотов А.И.</i> Материалы к «Чешской грамматике»	85
---	----

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

«Небесная» тема в русских переводах с корейского и китайского языков

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2011

Целью настоящей статьи является анализ таких понятий, как *небо*, *луна*, *солнце* и *звезды* в культурах двух стран Кореи и Китая и описание их основных символических значений.

Н е б о

Небо повсеместно связывается со сверхъестественными силами, является символом превосходства, властных полномочий, духовного просвещения и вознесения (см. [Трессидер 2001: 235]).

Культ *Неба* развился на Дальнем Востоке в глубокой древности. Еще в первых веках нашей эры корейские племена поклонялись *Небу*, в честь которого, как свидетельствует «Саньго чжи», в десятом месяце приносились жертвы (см. [Пак 1961: 120]). Иногда такие жертвоприношения устраивались и перед началом военных действий (см. [Джарылгасинова 1972: 162]). Ю.В. Ионова полагает, что культ *Неба* в определенной степени мог быть связан с конфуцианством, которому свойственно признание *Неба* как верховного владыки, наделенного божественной волей [Ионова 1969: 172]). Однако Р.Ш. Джарылгасинова считает, что культ *Неба* у корейских племен появился до проникновения в Корею конфуцианства. «По мнению древних когурёсцев, жизнь и судьба людей зависели от духов *Солнца*, *Луны* и многочисленных *звезд*, «населявших» *небо*». Однако культ *Неба* у корейцев никогда не был идолопоклонническим; изначально он был связан с *солнцем*, светом, что преломилось в древних мифах и ритуальных празднествах, сопровождающихся плясками, песнями и жертвоприношениями *небесным духам*: у племен пуё – Ёнго (Встреча *Солнца* в сопровождении барабана), у когурё – Тонмэн (Клятва Востоку – восходу *солнца*), у восточных йе – Мучхон (Танцы *Небу*), у махан – моление Чхонсину (Духу *Неба*) [Концевич 2001: 411-412].

Дальневосточными народами *небо* почиталось как источник космической силы. В чжоуской натурфилософии вместе с Землей *Небо* являлось составной частью концепции космогенеза, разработанной и активно воспринятой даосизмом с ее последующим развитием. По этой концепции, мир исходно пребывал в хаотично-недифференцированном состоянии, затем произошло его разделение на «верх» и «низ» и поляризация на светлое (мужское, ян) и темное (женское, инь) начала, кото-

рые, вступив во взаимодействие друг с другом, произвели триаду новых сущностей – *Небо*, *Землю* и *Человека*. *Небесный мир* состоит из девяти вертикально расположенных слоев, или сфер. По древнекитайским астрологическим и космологическим представлениям, *небо* делится вдоль (по меридианам) и поперек (по параллелям), и эти линии как бы образуют сеть, покрывающую *небесный купол* изнутри. Считалось, что существовал мировой *Небесный стержень*, который проходил через центр *небесного* и *земного пространства*, а также восемь балок-опор, расположенные в крайних точках четырех частей и получастей света, которые подпирали собой *небесный купол*. В концепции нашло отражение образное представление о *Небе* и *Земле* как божественной супружеской паре, порождающей все сущее, которые впоследствии трансформировались в концепцию Женского и Мужского космических начал (см. [Хрестоматия... 2004: 669]). Эти концепции описаны в художественной литературе:

«Каким был довременный мир, – // С чьих слов до нас дошло преданье? // Не выделялись «верх» и «низ», – // Как нам досталось это знание? // Великий Хаос был безмолвно пуст, – // Кто смог установить его пределы? // Ничто не обретало свойств и форм, – // Как разобраться в этом всем сумели? // Вдруг появился свет, отдельно – тьма, – // Как то случилось и в какое время? // И пара Инь и Ян триаду родила, – // Причины в чем подобных изменений? // Из девяти слоев, сказали, *небосвод*, – // Кто их считал и их число проверил? // Все сущее чьим создано трудом? // Кто первым на себя взвалил такое бремя? // *Небесной сети* кто вязал узлы? // *Небесный стержень* – где его основа? // И восемь балок почему прочны? // Восток и юг – как могут без опоры? // *Небесный круг* на девять поделен полей, // Их каковы границы и размеры? // Для каждого есть множество примет, // Но кто узнал и изложил приметы? // Как образуют пару *Небо* и *Земля*? // На дюжину долей зачем их делим? // Как в высях держатся и *солнце* и *луна*? // В порядок полный как пришли *созвездья*? // Восходит *солнце* из Кипящих вод, // У скал Мэнсы оказывается к ночи, // Кто указал, где сядет, где взойдет, // И путь его смог рассчитать так точно? // Полночного светила яркий свет // Зачем же гаснет, чтобы вновь родиться? // Ущербным *месяцем* как может обратиться // И стать опять *луною* полнолицей?» [Хрестоматия... 2004: 77-78].

Небо управляет стихиями:

«Должно быть, *небеса* к нам снизошли – // И ливень ниспослали благодатный» [Бамбук в снегу 1978: 277].

Небо – пространственный образ, высшая точка вертикально ориентированного пространства:

«Как на картине, // Грозозятся горы // И в *небо* лучезарное // Глядят» [Ли Бо 2000: 47].

Небо – цветовой образ:

«И взмыл под голубые *небеса* // Стрелою, выпущенной из лука...» [Бамбук в снегу 1978: 86]; «Тянутся к югу // диких гусей караваны, // Плавно скользят // по грустно-серому *небу*» [Яшмовые ступени 1989: 326]; «...в инее *небо* седое» [Чистый поток 2001: 144]; «Хлынул дождик с черных *небес*» [Китайская пейзажная лирика 1984: 181]; «Я вижу, как в единый цвет заката // Окрались и *небо* и река» [Бамбук в снегу 1978: 91].

Образ *неба* эксплицируется тактильным образом:

«*Небом* холодным // жемчужина эта дана» [Чистый поток 2001: 136].

С *небом* связаны звуковые образы:

«Уже уходит осень, // и в *небе* – крик гусей» [Китайская пейзажная лирика 1984: 232].

За *небом* закреплена временная характеристика. *Небеса* могут выступать в качестве знака времени года (осени и зимы):

«Мрачнеет, мрачнеет осеннее *небо*...» [Чистый поток 2001: 209]; «Зима и на земле и в *небесах*...» [Бамбук в снегу 1978: 245].

Небо указывает на время суток:

«Вновь пробуждаются образы в нас, // мысли, как птицы, вольны, // В *небо* ночное взлетают они // глянуть в зеркало *луны*» [Ли Бо 2000: 341].

В корейской поэзии *небо* – родоначальник всего живого на Земле, включая человека:

«Два тела из единого создав, // Велело *Небо* быть жене и мужу. // Вдвоем им суждено и жизнь прожить, // И в общую, в свой час, сойти в могилу...» [Бамбук в снегу 1978: 95].

Небо – начало, регулирующее жизнь людей:

«И жизнь и смерть нам посылает *Небо*»; «*Небо* пищу нам послало // Иль духи океана принесли? // Когда бы эту рыбу мы не съели, // В живых остался бы хоть кто-нибудь?» [Бамбук в снегу 1978: 277; 278].

Главным посредником между *Небом* и людьми считался император, поэтому первым его официальным титулом был «Тянь цзы» – «Сын *Неба*» [Верная Чхун Хян 1990: 361]. Китайцы подчеркивали божественное происхождение его власти [Жизнеописания... 1985: 449]. Это нашло отражение в корейской и китайской литературе:

«Правитель – словно *Небо* над людьми, // А люди – как Земля под этим *Небом*...» [Чон Чхоль 2009: 100]; «И ездит на слоне китайский Сын *Небес*, // И ездит Сын *Небес* корейский в колеснице» [Верная Чхун Хян 1990: 55].

Небо отождествляется с величием:

«Я подал тому, кто как *Небо* высок, // однажды поутру доклад...» [Чистый поток 2001: 197].

Небо – это видимая часть огромного пространства. В корейской литературе *небо* ассоциируется с громадными размерами: «В небе, что раскинулось над нами // На девяносто тысяч долгих ли...» [Бамбук в снегу 1978: 89], поэтому оно зачастую выступает в качестве «единицы измерения» как моральных ценностей (в таких сравнениях малое сравнивается с огромным): «Мой муж спасен <...> благодаря огромной, как *небо*, доброте вашего батюшки, первого министра...» [Записки...1985: 183], так и материальных: «На листе бумаги, огромном, как голубое *небо*, хотелось бы мне рассказать о своей тоске и подать это *небесному государю*» [История о верности Чхун Хян 1960: 101]; «Юнмэнь поднял над головой свой веер и сказал: “Этот веер достигает *тридцать третьего неба* и бьет по носу бога Диши”» [Афоризмы... 2004: 130]. Заметим, что в буддийской мифологии *тридцать третье небо* – высшее *небо*, правителем которого считалось божество Диши [Афоризмы... 2004: 382].

Небо устанавливает для человека нравственные нормы, является критерием оценки его морально-нравственных качеств.

Небо – эталон нравственной чистоты:

«Мысли ее были чисты, как осенние воды и высокое *небо*...» [Жизнеописания... 1985: 63]; «Пусть я умру, душа моя останется чистой, как *небо* и земля» [Роза и Алый Лотос 1974: 338]; «О мой супруг, непорочный и чистый, как *небеса*!» [Верная Чхун Хян 1990: 130].

Под Небом строит свою жизнь отшельник, покинувший мир «суеты» и поселившийся на природе. *Небо* и *небесные светила* он использует в «хозяйственных» целях:

«Шатер из *Неба* и Земли построю, // Луной и Солнцем освещу его, // А воды синие морей полных // Я стану черпать чашей для вина – // И под звездой полуденной Ноин // Забуду навсегда, что значит старость!» [Бамбук в снегу 1978: 126]; «С хмелю в горы забредем // И возляжем, где попало, // Изголовье – мир земной, // *небо* – чем не одеяло!» [Ли Бо 2000: 331].

Небо и Земля рассматриваются отшельником в качестве самых близких родственников:

«Земля и *Небо* мне – отец и мать, // Мир окружающий – жена и дети» [Бамбук в снегу 1978: 166].

Небо играет роль собеседника:

«*Небо* меня спросило: // Куда свой путь направляю // В этой земной стороне?» [Китайская пейзажная лирика 1984: 164].

Красота окружающей природы не может заглушить тоску отшельника по родному дому:

«Но красота *небес* // и эта даль лесная // От одиноких дум меня не исцелят» [Китайская пейзажная лирика 1984: 32].

В корейской литературе *небо* связывается с любовной тематикой. *Небо* – поверенный в делах любви:

«Известны только *Небу* одному // Страдания любви неразделенной. // Так пусть же *Небо* милого заставит // Ко мне вернуться, вновь меня любить!» [Бамбук в снегу 1978: 224].

Небо зарегистрировано в названиях:

«В *Поднебесной* сейчас царит мир и спокойствие» [Роза и Алый Лотос 1974: 342].

Страной Западного неба на Дальнем Востоке называли Индию. В корейской литературе – это некие фантастические земли, расположенные на западе (см. [Повесть о Чёк Сенные 1996: 119-120]):

«Хоть я и молод, но хотел бы отправиться в *страну Западного неба* и добыть чудесную жемчужину...» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 119-120].

Небо встречается в образных сравнениях. Мастерство игры на музыкальном инструменте ассоциируется с различными образами природы, в том числе с величием *неба*:

«Она взяла медиатор и заиграла: страсть и скорбь звучали пронзительно... Казалось, будто разлилось бескрайнее море, а над ним раскрылось во всю ширь безоглядное *небо*» [Сон ... 1982: 116].

Небо отмечено во многих метафорических выражениях. *Небесный* (или Верховный) *Владыка*, по народным верованиям корейцев и китайцев, стоял во главе всех божеств и духов (см. [Ким Си Сып 1972: 159]).

«Так узнай же, что *Небесный Владыка* не стал рвать нить, соединявшую нас с тобою, потому что союз наш был непорочен» [Ким Си Сып 1972: 50].

Небесные пещеры – жилище бессмертных [Ли Бо 2000: 364].

«Вот он путь в *Небесные Пещеры* –/жить – не умирать!» [Ли Бо 2000: 347].

Девятое Небо – обитель бессмертных, которая располагалась на девятом ярусе даосского рая (см. [Светлый источник 1989: 475]).

«Так сказал небожитель // И на журавле вознесся // Ввысь к *Девятому Небу*, // Откуда спускался ко мне» [Светлый источник 1989: 394].

Путь в небесах – Млечный Путь:

«*Путь в небесах*, // *Путь в небесах*! // Осенью горы он освещает // в дальних степях» [Чистый поток 2001: 157].

Небо входит в состав фразеологизмов. Выражение «*содержание Небес*» – означает ‘положенное *небом* счастье, жизнь’:

«Вы скушаете еще двадцать мер риса и двадцать мер муки. И ваше “*содержание Небес*” на этом кончится!» [Пу Сун-лин 2007: 233].

Небо используется в гиперболических выражениях: «Гнев поднялся у него *до небес*...» [Верная Чхун Хян 1990: 102]; «И потому чувства мои к стране Мин огромны, как *небо*...» [Сон... 1982: 719], а также в стерео-

типных вводных предложениях, вставляемых для усиления сказанного: «...закричали они так громко, что казалось, будто обрушились горы и реки, содрогнулись *небо* и земля...» [Верная Чхун Хян 1990: 108].

В иносказательном выражении, имеющем значение ‘ничто в мире не совершенно, у всех есть недостатки’, также употреблена лексема *небо*:

«Говорят, что даже *небо* не очень высокое, а *солнце* и *луна* не совсем ярки. Но ты-то почему называешь себя непочтительным сыном?» [Записки... 1985: 231].

Небо зарегистрировано в корейских и китайских пословицах:

«Недаром сказано: “Дела замышляются людьми, а вершатся на *небесах*”» [Би Сяошэн 1992: 73]; Если приложить все силы, то и *Небо* победишь; Помыслы народа – помыслы *Неба*; Если людей много, то и они побеждают *Небо*; Смотреть на *небо* сквозь бамбуковую трубку; *Небо* с бобовую дольку кажется и мн.др. [Лим Су 2003: 48; 300; 317].

В переводных произведениях *небо*, *солнце*, *луна*, *звезды* часто используются в качестве символического компонента в предложениях-клятвах, а также молитвах:

«О *небо*! *Солнце*, *луна*, *звезды*! Верьте – я не виновна ни в чем!» [История о верности Чхун Хян 1960: 613]; «Государь-*Небо*, государыня-Земля, духи *солнца*, *луны* и *звезд*! Обратите к нам свои взоры!» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 82]; «Обращаюсь с мольбой ко всем девяти *небесам*...» [Цветы сливы 1998. Т.2: 121].

Л у н а

Для корейской литературы характерно пристальное внимание к *луне*. *Луна* в дальневосточной литературе всегда была одним из любимейших образов. *Луну* отличает богатая символика. Полная *луна* – символ красоты и спокойствия у буддистов, а в Китае – большой семьи. «*Луна* утренняя» – полная *луна* во время сентябрьского равноденствия – по естественным причинам является символом изобилия и повсеместно связывается с любовью и браком [Трессидер 2001: 20].

Луна – активный световой: «Она над нами высоко плывет? // Мала, а света на весь мир хватает. // Кто может тьму ночную озарить, // Кто может яркостью с *Луной* поспорить?...» [Бамбук в снегу 1978: 133]; «Глубокая полночь вокруг меня, // Но я не зажгу свечи – // Так ярко горит в *небесах* *луна*, // Что с нею светло в ночи» [Ду Фу 2000: 314] и цветовой образ: «Белая *луна* на страже станет...» [Бамбук в снегу 1978: 207]; «Молочно-белый *лунный свет*...» [Книга дракона 2002: 144]; «Над горами Тянь-Шань // Золотая восходит *луна*» [Ли Бо 2000: 137].

Луна – образ, основанный на тактильной модальности:

«Это – осень душистая // во дворце на холодной луне» [Китайская пейзажная поэзия 1984: 239]; «...яркая луна бросала холодные лучи на густую траву...» [История о верности... 1960: 612].

Луна – самая верхняя точка вертикальной оси ночного пейзажа:

«Взошла луна на пик крутой горы – // И все окрестности вдруг осветлели. // На целых девяносто тысяч ли // Уходит ввысь огромный свод небесный. // И все же поднялась к нему гора // И острием луны его проткнула!» [Бамбук в снегу 1978: 112]; «Луна вдали // Плышет над облаками...» [Ли Бо 2000: 100].

Луна и солнце всегда находятся в непрерывном движении:

«Луна – как и солнце: // Она остановки не знает» [Ду Фу 2000: 114].

С луной, лунным светом связан комплекс представлений о вечности и неизменности:

«Луна отшельника восходит снова, // Как над Стеною Красной у Янцзы. // Она все та же, что была когда-то, // Но где же сам отшельник Су Дун-по? // Наш бренный мир покинул он навеки, // А мне оставил полную луну!» [Бамбук в снегу 1978: 185]; «Вчера я снова видел тот же месяц, // Что мне светил в минувшие года. // И в эту ночь взошел на небо месяц // И светит также ярко, как светил. // Сейчас я понимаю: все на свете // Меняется, лишь месяц никогда» [Бамбук в снегу 1978: 189].

Древние измеряли время по циклам луны. На основе лунных фаз была создана специфическая система летоисчисления, принятая в странах Дальнего Востока, так называемый лунно-солнечный календарь или китайский календарь. Это нашло отражение в дальневосточной литературе:

«Наступила седьмая, осенняя луна» [Жизнеописания... 1985: 75]; «Сон Чхун Хян, рожденная в год мыши, в пятую луну – месяц мыши, в двадцатый день тигра и час лошади... уже несколько месяцев томится в тюрьме» [Корейские повести 1954: 154].

Луна – знак четырех времен года:

«Я стану в горах любоваться весенней луной» [Ли Бо 2000: 74]; «Луна встает над темными горами... // Цветут цветы»; «От луны осенней свет струится»; «На снег ложится ясный свет луны» [Бамбук в снегу 1978: 195; 284].

Своим движением луна и солнце демонстрируют быстрый ход времени. По дальневосточным представлениям, луна является символом идеи времени:

«Красота – как молния – // Промелькнула и исчезла. // Время – как порыв ветра. // И вот уже на зеленой траве белый иней, // а вместо солнца восходит луна» [Книга дракона 2002: 131].

Луна может выступать как образ, несущий идею временного, проходящего. Луна проходит разные фазы в своем развитии. Прохождение

фаз *луной* ассоциируется с быстрым ходом времени и в жизни человека, молодость скоротечна. Движение светил *в небе* – движение времени, замедлить их движение – значит, задержать наступление старости (см. об этом [Бамбук в снегу 1978: 302]).

«– Скажи какую *луну* – когда она серпом или когда круглая – ты любишь больше? – неожиданно спросила Хун... Лотос улыбнулась. – *Луну* люблю серпом... – Все так отвечают, – сказала Хун. – Но ведь *луна* не всегда серп, а цветы не всегда полуоткрыты. Так и человек: быстро пролетят молодые годы – и глядишь, уже седина в волосах заблестела!» [Сон... 1982: 530-531].

Различные фазы *луны* олицетворяют собой этапы расцвета и упадка государства, его взлеты и падения:

«Когда *луна* восходит молодая, // *На небесах* она – как узкий *серп*. // А в середине месяца *луна*, // Как зеркало, становится округлой. // Пора расцвета и пора упадка, // Должно быть, *Небом* определены!» [Бамбук в снегу 1978: 176].

Так называемый «*подлунный*» мир противостоит *миру «солнечному»* как в пространственном плане, так и временном, причем мир «суеты» отделен *от подлунного* горами.

«Вниз посмотрю – внизу синее речка. // Вверх посмотрю – там горы зеленеют. // Багряной пыли облака густые // Сюда не доберутся никогда. // И помыслам мирским нет места в сердце, // Когда восходит над землей *луна*» [Бамбук в снегу 1978: 63].

В моделировании картины *подлунного мира* участвуют звуковые образы: крик гуся, плеск ручья, звуки музыкальных инструментов и другие:

«В ночи, когда *луна* стояла *в небе*, // Гусь пролетел, пронзительно крича...»; «Сиянье *луны* и плеск ручья // Ночной порой беседку наполняют»; «Когда в окно его глядит *луна*, // слышны из дома звуки каягы-ма?» [Бамбук в снегу 1978: 178; 77]; «Плачет цикада, скорбя *о луне* // возле перил изогнутых...» [Чистый поток 2001: 235].

Сумерки, *закат солнца* занимают в художественных произведениях Дальнего Востока одно их центральных мест. Появление *на небе луны* ассоциируется с концом рабочего дня, возвращением домой после длительного трудового дня:

«Ночь опустилась над рекой осенней... // Я удочку смотала, снимаюсь с места – // В такую пору рыба не берет. // Плыву домой в убогом челноке, // Груженном только чистым *лунным светом*» [Бамбук в снегу 1978: 61].

В дальневосточной художественной литературе покинувший мир «суеты» человек обретает смысл жизни лишь ночью, с восходом *луны*.

Дневное время не представляет для него никакой ценности. В это время отшельник, как правило, спит:

«Я пробудился в комнате своей // От птичьего чириканья и свиста. // По веткам дерева, дождем омытым, // *Луч солнца* заходящего скользит» [Бамбук в снегу 1978: 151].

Уход человека в мир природы в дальневосточной литературе связывается с ночью и *луной*. Наградой отшельнику за то, что он покинул мир «суеты» становится *луна*:

«От всех сует мирских я отрешился – // И *небом* мне ниспослана *луна*» [Бамбук в снегу 1978: 79].

В ночное время отшельник изучает творения древних ученых и пишет стихи, это самое плодотворное для него время:

«Здесь скит я вижу, чистенький такой, // Как будто ключевой водой омыт он. // Здесь мудрость древних можно постигать // И воспевать луну, ручей и ветер» [Бамбук в снегу 1978: 82].

Многие его философские размышления связаны с *луной*:

«Кто отрезает *от луны* краюшку? // Кто полноликой делает *луну*? // Вода бежит в реке не иссякая, // Но исчезает утренний туман. // Зачем и что явилось и исчезло – // Как может знать об этом человек?» [Бамбук в снегу 1978: 179].

Луна есть квинтэссенция Инь, а с Инь, согласно дальневосточным представлениям, начинается в мире все сущее, и поэтому «*луна* бережит душу, будит воспоминания, влечет за собой длинную цепь ассоциаций» [Ли Бо 2000: 355]:

«У самой моей постели // Легла *от луны* дорожка. // А может быть, это иней? – // Я сам хорошо не знаю. // Я голову поднимаю – // Гляжу *на луну* в окошко. // Я голову опускаю – // И родину вспоминаю» [Ли Бо 2000: 355].

Луна – образ, характеризующийся способностью к разного рода контактам с человеком. *Луна* – это:

– вечный попутчик странствующего: «А *луна* – куда бы ты ни пошел – // Последует за тобой» [Ли Бо 2000: 63]; «Лишь к вечеру я собираю снасти // Домой иду, с собою взяв *луну*» [Бамбук в снегу 1978: 82];

– желанная гостья: «Под вечер жду я гостью дорогую – // *Луну*, навеки преданную мне!» [Бамбук в снегу 1978: 186];

– друг: «С единственным своим и верным другом – // *Луною* – эту ночь я проведу»; «Лишь несколько друзей всегда со мною: // Бамбук прямой, Сосна, Вода, Утес. // Когда же над восточною горой // *Луна* восходит, я ее встречаю! // И, кроме этих пятерых друзей, // Никто на свете больше мне не нужен!» [Бамбук в снегу 1978: 118; 131];

– собеседница: «*Луна*, скажи мне: в древности седой // Был на меня похож Ли Бо бессмертный?» [Бамбук в снегу 1978: 173];

– собутыльник: «И одиноко пью вино, // И друга нет со мной. // Но в собутыльники *луну* // Позвал я в добрый час, // И тень свою я пригласил – // И трое стало нас» [Ли Бо 2000: 55].

Луна – одно из воплощений человека после смерти:

«О, если бы умерла я // И стала *луною в небе*, // Чтоб тихим светом проникнуть // В окна покоев его!» [Чон Чхоль 2009: 112].

Луна – эталон независимости:

«Прохладный ветерок нельзя купить, // И никому не служит ясный *месяц*!» [Бамбук в снегу 1978: 80].

Однако царство *луны* заканчивается с рассветом:

«*Луна* бледнеет, *звезд* почти что нет. // И колокол за шторой прозвенел, // И возвестила иволга рассвет» [Китайская пейзажная лирика 1984: 100].

Луна на Дальнем Востоке всегда была и остается источником постоянного эстетического наслаждения, объектом поэтического поклонения. У людей возвышенного склада было принято в одиночку или вместе с друзьями гулять тихой ночью, любуясь при этом ясной *луной* и озаренным ею пейзажем. Музыка, вино, изысканные беседы, лотос, белеющей первозданной чистотой *при лунном свете*, или какие-то другие цветы считались желанными атрибутами утонченного времяпрепровождения (см. об этом [Ли Бо 2000: 356]).

«Настала середина осени – пора любования *луною*» [Цветы сливы 1998. Т.1: 229]; «Но все они любовались *луной*, // Как я люблюсь сейчас» [Бамбук в снегу 1978: 64].

Луна связана с любовной тематикой:

«О светлая *луна*, ты заглянула // В дом к милому, в восточное окно! // Скажи, *луна*, он спит сейчас один? // Или в объятьях девушки любимой? // Поведай обо все, что увидала: // Я буду знать – мне жить или умереть!» [Бамбук в снегу 1978: 191].

В любимом на Дальнем Востоке *лунном пейзаже* присутствует тема разлуки: «*Луна*, что светит над жемчужной шторой, // Звук флейты, что пришел издалека, – // Зачем они всю ночь меня тревожат, // Моей печали не дают уснуть?.. // Три тысячи меж нами долгих ли – // И я один, и сердцу нет покоя!» [Бамбук в снегу 1978: 494], а также тоска по далеко уехавшему любимому человеку: «Уехал мой муж далеко, далеко // На белом своем коне, // И тучи песка обвевают его // В холодной чужой стране. // Как вынесу тяжкие времена?.. // Мысли мои о нем, // Они все печальнее, все грустней // И горестней с каждым днем. // Летят осенние светлячки // У моего окна, // И терем от инея заблестел, // И тихо плывет *луна*» [Ли Бо 2000: 135].

Луна – участник военных походов:

«При свете тусклой луны несколько минских воинов с факелами в руках погоняли лошадей, тащивших повозки» [Сон ... 1982: 171].

В дальневосточной поэзии указывается национальная принадлежность луны:

«С китайской луною // Бойцы простились» [Ли Бо 2000: 307].

Форма луны в разных фазах представляется народам Дальнего Востока идеальной, многим предметам придавалась эта форма:

«Волосы – темные тучи – она расчесала гребнем в форме *полумесяца*...» [Роза и Алый Лотос 1974: 312]; «Луки, изогнутые, как *месяц*» [Яшмовые ступени 1989: 180]; «Круглый веер – такой, как *луна*» [Хрестоматия... 2004: 130].

Луна входит в состав корейских и китайских имен:

«И на зов Хобана выступила Вольчхуль, “*Месяц плывущий*”; Мать ее, по имени Вольмэ – “*Лунный цвет сливы*”, пребывала теперь на покое» [Корейские повести 1954: 114; 75]; «Она родилась в середине восьмой луны, поэтому ее и нарекли Юэ-нян, что значит “*Лунная дева*”» [Цветы сливы 1998. Т.1: 112].

На Дальнем Востоке с луной сравнивается внешность как женщины, так и мужчины:

«*луноподобная красота*» [Ким Ман Чжун 1961: 79]; «Сидевшая под картинами Чхунхян была прекрасна, как *ясный месяц*» [Корейские повести 1954: 91]; «Юноша красив, как ясная осенняя луна, повисшая над безбрежным морем...» [Сон... 1982: 186].

Национально-культурная специфика мышления двух этносов проявляется и в традиционных эталонных сравнениях частей тела красавицы. Лицо красавицы отождествляется с луной:

«Ян, улыбаясь разглядывал прелестное лицо женщины, которое напоминало *ясную осеннюю луну*...» [Сон... 1982: 115]; «красавица, с лицом, как *молодая светлая луна*» [Ссянъчхон кыйбонъ 1962: 60].

Исключительное значение придавалось форме бровей. Брови ассоциируются с *полумесяцем*:

«Словно *два молодых месяца* изогнутые брови» [Цветы сливы... Т.1. 1998: 44]; «...брови округлым *полумесяцем* раскинулись...» [История о верности Чхун Хян 1960: 197].

Восхищались также и узким разрезом глаз, подобным народившемуся *месяцу*:

«...он любовался *узкими*, точно только что *народившийся месяц*, глазами Аймэй» [Би Сяошен 1992: 181].

Блеск глаз красавицы сопоставляется с сиянием таких светил, как *солнце* и *луна*:

«...глаза сияли, словно *луна* или *солнце*...» [Сон... 1982: 34].

Для жителей Дальнего Востока совершенная форма рук – это *полумесяцы*:

«Обеими нежными ручками, похожими на яшмовые *полумесяцы*, Чхунян крепко ухватила за веревки...»; «...молодой янбан осторожно взял девушку за обе руки, нежные, светлые, как *серпики луны*» [Верная Чхунян 2003: 24; 58].

Луна выступает в качестве критериев оценки морально-нравственных качеств человека, его чувств и эмоциональных состояний, особенностей поведения, а также разного рода эталонов.

Луна служит образцом нравственной чистоты и непорочности:

«Подобная *луне* после дождя, // Ясна ваша душа и дух ваш светел» [Бамбук в снегу 1978: 269]; «А она чиста и прекрасна, как ясная *луна* в безоблачном небе...» [Сон... 1982: 109]; «Сердце мое // сходно с осенней *луной*; // В мутном пруду // непорочной блестит белизной» [Чистый поток 2001: 117].

Такое качество человека, как скромность, также сравнивается с *луной*:

«В правильных чертах ее лица угадывалась душа скромная, как новорожденная седьмая *луна*...» [Сон... 1982, 137].

Особенности поведения оценивались на Дальнем Востоке через призму *луны*:

«...она величава, как *луна*...» [Сон... 1982: 65].

Девушка, находящаяся в смятении, ассоциируется на Дальнем Востоке с *луной*:

«Она походила <...> на светлую *луну*, затянутую темными тучами» [Роза и Алый Лотос 1974: 334].

Лексема *луна* встречается и в других сравнениях:

«Стихи похожи на отражение *луны* в реке...» [Сон...1982: 43].

В гиперболическом выражении упоминаются *луна* и *солнце*:

«Он рыдал так громко, что показалось, будто померк свет *солнца* и *луны*, опечалились травы и деревья» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 83].

Луна зарегистрирована нами в метафорических выражениях. Метафорическое выражение *времена покоя при луне* означают ‘правление совершенномудрого государя’ (здесь: время правления династии Корё) (см. [Бамбук в снегу 1978: 287]).

«Объехал я руины городов // Когда-то процветающего царства. // Все те же горы здесь, все те же реки – // но люди прежние ушли навек... // О времена “*покоя при луне*”, // Ужели были вы не сновиденьем?» [Бамбук в снегу 1978: 48].

В художественной литературе отмечены метафорические названия двух светил: *золотой ворон* (*солнце*) и *яшмовый заяц* (*луна*). По давним

преданиям, *на солнце* живет *золотой ворон*, а *на луне* – *заяц*, который толчет в ступе снадобье бессмертия [Ли Юй 1995: 538]:

«Тем временем *золотой ворон* уже скрылся на западе, а на востоке появился *яшмовый заяц*» [Ли Юй 1995: 108]; «О *заяц яшмовый*, куда бежишь ты? // О *ворон золотой*, куда летишь? // Зачем, безумные, спешите вы, // Как будто кто-то гонится за вами? // А надо было б каждый раз, друзья, // Вам отдыхать, как десять ли пройдете!» [Бамбук в снегу 1978: 201].

Луна в корейской поэзии также именовалась *цветком лотоса*. Под «*Звездой Рассвета*» подразумевается Венера, которую в Корее называют Утренней, когда она восходит на востоке, и Вечерней, когда она заходит на западе (см. [Чон Чхоль 2009: 156]).

«Восходит *Звезда Рассвета*. // *Лотос* цветы раскрывает» [Чон Чхоль 2009: 129].

Луна входит в состав речений фразеологического характера (далее РФХ):

РФХ *цвет у воды и у небес един!* широко использовалось как знак определенной пейзажной ситуации в корейской поэзии XVII–XVIII вв. [Бамбук в снегу 1978: 314]:

«Над западной грядой далеких гор. // Садилось *солнце*, в море отражаясь. // Оно застлало водные просторы // Шелками красными и голубыми. // Где *небо* тут? И где вода? Кто знает? // “*Цвет у воды и у небес един!*...”» [Бамбук в снегу 1978: 276]; «Над рекою падает белый иней, и *цвет воды сливается с цветом неба*» [Верная Чхунхян 1990: 342].

Многие фразеологизмы с лексемой *луна* связаны с любовной тематикой:

«Еще в молодые годы я пошел по стезе наслаждений, как говорится, “*стал бродить под луной среди цветов и ив*”» [Би Сяошэн 1992: 17]; «Разговор зашел о «*делах с красавицами при луне*» [Би Сяошэн 1992: 19]; «Певичка затворила двери дома и наотрез отказывала тем развратникам, кои имеют обыкновение шататься по кварталу Пинкан: не желала быть более “*цветком под луной*”» [Би Сяошэн 1992: 31].

Луна отмечена во многих легендах. Как гласит легенда, *на Луне* находится *Лунный дворец* – Просторный студёный дворец, обитель феи Чан-э(Хана) [Бамбук в снегу 1978: 307]:

«Лицо ее как цветок, обликом – *луна*, будто Хана из *Лунного дворца* спустилась сюда...» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 32]; «С тобой в покои *Лунного дворца* // Еще недавно мы входили вместе. // Так почему же старость я встречаю // Совсем одна от милого вдали?» [Бамбук в снегу 1978: 242].

Лунная черепаха – в такой образ претворялись в сознании китайцев древности и средних веков темные пятна *на луне*. Этот образ вступает в

качестве символа долголетия [Китайская пейзажная лирика 1984: Приложение]:

«Не от холода ли в эту ночь // Черепаха с луны пропала?» [Китайская пейзажная лирика 1984: 117].

По дальневосточным мифологическим представлениям, считалось, что на Луне живет волшебная жаба. Очень часто у нее три ноги, означающих лунные фазы, а также прошлое, настоящее и будущее. Полагали, что луна убывает потому, что ее поедает мифическая Лунная Жаба, а во время лунных затмений жаба заглатывает Луну. В Древнем Китае трехногая жаба была символом бессмертия, сказочного богатства и волшебства:

«Однажды, когда ярко блистало осеннее небо, а яшмовый свод был прозрачен и ясен, когда свет луны потоком струился на землю, я запрокинула голову и стала смотреть на лунную жабу и коричное дерево» [Ким Си Сып 1972: 67].

По другой легенде, известный китайский поэт Ли Бо утонул, слишком перегнувшись за борт лодки, чтобы «губами коснуться отображения луны» (см. об этом [Бамбук в снегу 1978: 312]). Упоминания об этом находим в художественной литературе:

«Луна взошла. // И посреди реки на якорь стала... // Вот так Ли Бо заворочен был сказкой // И утонул, когда ловил луну!» [Бамбук в снегу 1978: 265].

По китайским мифологическим представлениям, на земле жил небесный сват – Лунный старец, который связывал вступающих в брак невидимой красной нитью (см. [Роза и Алый Лотос 1974: 408]).

«Душа моя пришла в смятение, полна страстными чувствами. Пусть свяжет нас нитью Лунный старец...» [Роза и Алый Лотос 1974: 316-317]; «Лунный старец счастливых супругов//нитью связал, сочетая, // Чтоб согласие меж ними сияло, // словно луна золотая» [Ким Си Сып 1972: 19].

Луна зарегистрирована в пословицах:

Голодавший три дня волк и на луну рычит [Лим Су 2003: 62].

С о л н ц е

Во всем регионе Юго-Восточной Азии существовал *солянный культ*, отражавший суточный и годовой *солнечные циклы*. В основе мифологической базы древней корейской культуры лежит миф о Женщине-Солнце и ее родителях. Этот миф является одним из основных мифов древней корейской культуры, аналоги этого мифа встречаются в китайской, японской и некоторых других культурах Дальнего Востока. Жизнь Женщины-Солнца являет собой модель общих космогонических пред-

ставлений древних корейцев о порождении и поглощении *солнца* [Мифологический словарь 1992: 215].

В Китае *солнце* было императорской эмблемой, знаком Ян в даосской философской системе, но никогда не считалось верховным божеством в китайском пантеоне [Трессидер 2001: 348].

Вместе с луной и звездами *солнце* – знак гармонии космоса:

«Из первозданного хаоса возникли и земля, и *небо*, они породили *солнце*, луну и *звезды*, планеты и живых существ» [Сон... 1982: 703].

Солнце – главная часть вертикально ориентированного пространства:

«Над отмелью песчаной тает мгла. // Из-за горы уже восходит *солнце*» [Бамбук в снегу 1978, 133].

Солнце – элемент идеальной картины природы. *Солнце* прекрасно и во время своего восхода, заката, а также в зените:

«Когда ж заплавившее *солнце* // Отделилось от моря, // Замерли в восхищенье // Все десять тысяч царств! // Оно поднялось так быстро // И все вокруг осветило, // И каждая волосинка // стала тогда видна!»; «Над Венценосным Пиком светит *солнце* // Как хороша излуцина Ильгок!»; «Садится *солнце* за Сосновой кручей. // Как хороша излуцина Сагок! // Вершины скал и сто закатных красок // Отражены зеркальной гладью вод, // Теснеет лес, журчит родник прозрачный... // И восхищением души полна» [Бамбук в снегу 1978: 257; 81; 82].

Солнце – источник света:

«Восходит *солнце*, // Осветив жилища...» [Ду Фу 2000: 173].

Небесные светила – эталоны яркости:

«Имя этому двойному мечу – Лotosовый, он блистает, словно *солнце* и луна, сверкает, как *звезда*» [Сон... 1982: 179-180].

Солнце – цветовой образ. За ним закреплены белый, желтый, а также красный цвета и его оттенки:

«Белое *солнце* // скрылось-ушло за горы» [Яшмовые ступени 1989: 41]; «*Солнце* желтое на небо выйдет» [Бамбук в снегу 1978: 207]; «*Солнце* красное село» [Китайская пейзажная лирика 1984: 210]; «Скользят по белесым волнам пурпурные блики *солнца*...» [Хрестоматия... 2004: 216]; «От жары и от жажды // Потрескались губы, // На багровое *солнце* // Печально смотрю я» [Ду Фу 2000: 248].

Образ *солнца* эксплицируется тактильным образом:

«Раскаленное *солнце* // у западной встало стены» [Китайская пейзажная лирика 1984: 69].

У *солнца* есть свои «спутники» – звуковые образы:

«И слышу вновь, как птицы весной // с восходом *солнца* поют» [Облачная обитель 2000: 144].

С одной стороны, *солнце* – источник тепла: «От жара *солнечных лучей* // вода почти вскипела...» [Хрестоматия... 2004: 344], с другой – причина засухи: «*Солнце* в небе ярко светит, но все иссушает...» [Книга дракона 2002: 155].

Солнце связывается с ходом времени. Восход и заход *солнца* символизируют неизменный ход времени. По убеждениям корейского поэта, если остановить движение *солнца*, то можно остановить время:

«Трудиться стану я и день, и ночь // И цепь составлю в десять тысяч звеньев. // В заоблачную высь ее заброшу // И *солнце* захвачу и придержу – // Чтоб время медленнее проходило, // Чтоб медленней старели мать с отцом!» [Светлый источник 1989: 355].

В дальневосточной литературе определяется участие *солнца* в моделировании времени в пределах года, отображении сезонных изменений природы:

«Вешнее *солнце*, город в цвету...» [Классическая поэзия... 1977: 452]; «Только красные тучи, сжимая осеннее *солнце*, // Устремились на юг» [Китайская пейзажная лирика 1984: 151].

Не только времена года, но и время суток рассматривается в зависимости от местоположения *солнца*, которое в дальневосточной художественной литературе имеет свои специфические метки:

«Раннее *солнце*, // в утренней дымке роса» [Яшмовые ступени 1989: 104]; «*Солнце* жаркое льет полдневный луч...» [Классическая поэзия... 1977: 456]; «*Солнце* вечернее, // спрятавшись в вязах и тутах, // Греет усталого путника // старое платье» [Ду Фу 2000: 442]; «Закатное *солнце*, // цепи горных вершин. // ...скрыла вечерняя мгла» [Яшмовые ступени 1989: 104].

Солнце играет большую роль в жизни человека. Человек любит красотой *небесного светила*:

«Гляжу я, как *солнце* // Блестит, пламенея, // Сквозь гребень // Зеленой волны – // И всю эту прелесть // Ты ценишь сильнее, // Придя // Из песчаной страны» [Ду Фу 2000: 225].

Солнце – его помощник в хозяйственных делах:

«Пусть у меня всего одна рубаха – // Я выстираю дочиста ее, // На жарком *солнце* высушу, а после // Проглажу хорошенько и надену...» [Бамбук в снегу 1978: 88].

Если для обычного человека закат олицетворяет конец рабочего дня: «Ток-огород // приготовлен для жатвы с полей. // *Солнце* садится – // домой возвращаются люди» [Чистый поток 2001: 158], то деятельная жизнь покинувшего «мир суеты» человека начинается только после заката. Дневное время, по мнению М.И. Никитиной, у отшельника не пользуется большим вниманием, так как оно в корейской поэзии связывается с «миром суеты» [Никитина 1994: 61].

Отшельник живет уединенно, однако помимо *луны* неизменным ежедневным его гостем становится предзакатное *солнце*:

«В одиночестве жду – // может, скоро пожалует гость. // А в открытых дверях // предзакатное *солнце* стоит» [Яшмовые ступени 1989: 91].

Время заката скоротечно. Отшельник пытается с пользой использовать это время:

«Высматриваю место для уженья, // Слежу, как *солнце* за холмы заходит... // Как хорошо мне в этот тихий час!» [Бамбук в снегу 1978: 153]; «Грядя осенних гор *в лучах закатных* // Погружена в речную быстрину. // С бамбуковой удочкой в руках // Сiju в убогом челноке на речке» [Бамбук в снегу 1978: 79].

Несмотря на свое трепетное отношение к *луне*: «Ты не горюй о том, что *солнце* село, – // На небо поднимается *луна*!» [Бамбук в снегу 1978: 148], и на то, что *солнце* не всегда светит и обогревает отшельника, закат *солнца* он встречает с грустью: «В своей одежде из холстины грубой // В убогой хижине встречаю зиму. // Пусть закрывали *солнце* облака, // Пускай *лучи* его меня не грели, // Но в час, когда за западной горою // Оно исчезнет, – слез я не сдержу!» [Бамбук в снегу 1978: 74].

Закат *солнца* – время, которое связывается отшельником с тоской по своей оставленной родине:

«Заходит *солнце* – // грустно на чужбине» [Чистый поток 2001: 259]; «Мне жаль, что *солнце* // В дымке золотой // Уже склонилось низко над водой. // И свет его // Течет за родником, // И путник // Снова вспоминает дом» [Ли Бо 2000: 45].

Закат *солнца* символизирует разлуку с любимым:

«На речном берегу // предстоит нам расстаться с тобой, // Одиноким твой парус // Умчится далеко-далеко. // словно легкое облачко, // Ветер тебя понесет. // Для меня ты – как *солнце*, // Ужели же время заката?» [Ли Бо 2000: 70].

Цвет закатного *солнца* является эталонным, с ним сравнивается цвет вина:

«Прелестницы дарят улыбки, подносят чарки ароматного вина, которое алеет, будто *солнце* на закате» [Цветы сливы 1998. Т.1: 319].

В дальневосточной художественной литературе величие и неизменность *солнца* соотносится с брэнностью человеческой жизни:

«*Солнце* встает // из восточных змеиных теней, // *Солнце* восходит // с самого дна земного. // Небо измерит – и снова // просит приюта у западных вод... // *Солнцу* дано, // раз возникнув, не прекращаться. // А человек – не эфир изначальный, // где уж ему уходить – возвращаться!» [Ли Бо 2000: 328]; «За горы западные *солнце* село, // Чтоб над Восточном морем снова встать... // И только человеческая жизнь, // Уйдя однажды, больше не вернется!» [Бамбук в снегу 1978: 169].

Солнце – участник боевых действий:

«Утром вхожу я в лагерь к Восточным Воротам; // вечером буду стоять на Хэянском мосту. // *Солнце* заходит: светит на знамя большое. // Кони заржали; ветер свистит и свистит. // Ровный песок; тысяча стройных палаток; // полк и отряд, каждый был призван сюда» [Ду Фу 2000: 496]; «*Солнце* играет на щитах и доспехах, развеваются шелковые знамена, лица воинов внушают страх и почтение» [Сон... 1982: 469].

Солнце и луна – узор на одежде:

«...одежды расшиты изображениями Дракона, на плечах вытканы *солнце* и луна, блестящие, как три *небесных светила*...» [История о верности Чхун Хян 1960: 232].

Солнце – символ долголетия. Это нашло отражение в художественной литературе:

«В виде пожелания счастья на свитках были нарисованы десять символов долголетия – *солнце*, журавль и другие...» [Роза и Алый Лотос 1974: 322].

Солнечный луч – эталон скорости:

«Быстрее, чем *солнечный луч*, // За тысячи верст уношусь...» [Хрестоматия... 2004: 143].

В корейских и китайских художественных произведениях сравнение красивых людей с *солнцем* встречается не так часто: «В цветущем возрасте она подобна *солнцу*, сияющему в *небесах*...» [Малявин 1997: 355]; «Почитая и уважая его за учтивые манеры и всегда прекрасный, как восходящее *солнце*...» [Записки... 1985: 40], как сравнения с *луной* или двумя основными светилами одновременно: «Он – будто *солнце* и *луна* висят в синем *небе*, его необыкновенный облик отличается от тех, кого видишь *под луной*...» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 33].

Стан красавицы отождествлен с *лучом солнца*:

«Ее прекрасный стан в дымке алого шелка, словно *луч закатного солнца*, виднеется сквозь только что опустившийся туман...» [Верная Чхун Хян 1990: 30].

На Дальнем Востоке у глаз центром притяжения является их блеск:

«Глаза Феи сверкали, <...> как ясное *солнце* летом» [Сон... 1982: 243].

Блеск женских глаз – это и «сияние *солнца* и *луны*» [Мудрость китайского быта 2003: 338].

Румянец на щеках красавицы ассоциируется с полдневным *солнцем*:

«И полдневное *солнце* // Горело у ней на щеках» [Ли Бо 2000: 151].

Выражение лица, внутренняя духовная красота человека, запечатленная на лице, связывается с сиянием *солнца*:

«...лицо излучало свет, затмевая *солнце*» [Жизнеописания... 1985: 63].

В дальневосточной ментальности *солнце* олицетворяет моральную чистоту и незапятнанность:

«Я думаю, сударь, как *солнце* и *месяц*, // намеренья ваши чисты...» [Чистый поток 2001: 205]; «Вечернее *солнце* – вот тебе друга душа» [Ли Бо 2000: 288].

Солнце отмечено и в других сравнениях:

«Мячи то взлетали *в небо*, напоминая *солнце* на восходе, то стремительно падали вниз, словно *луна* под утро» [Сон... 1982: 561]; «...я увидел человека в короне из яшмы и жемчуга, сверкавших, как *солнце* и *луна* и все *звезды на небе*...» [Малявин 1997: 387]; «Будто *лучи солнца* сверкнули у них в руках латунные знаки...» [Верная Чхун Хян 1990: 108].

Вместе с *луной* *солнце* встречается в гиперболических выражениях:

«Он рыдал так громко, что казалось, будто померк свет *солнца* и *лун*ы, опечалились травы и деревья» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 83].

Солнце зарегистрировано нами в составе метафорического выражения, обозначающего ‘чью-либо особую одаренность, необычность’:

«Ван словно дитя дракона и феникса – на нем печать *солнца*» [Ссяньчхон кыйбонь 1962: 44].

Солнце – неизменный элемент дальневосточных преданий. По астральным представлениям древних когурёсцев, напоминавших китайские, *солнце* изображалось в виде ворона, три лапы которого символизировали три фазы солнечного положения в течение дня: восход, зенит и заход [Концевич 2001: 411-412]. В Китае характерной эмблемой *солнца* служит красный диск с трехлапым вороном [Трессидер 2001: 349].

Солнце отмечено в составе устойчивого выражения, восходящего к преданиям о юности цзиньского императора Минди (323-326). Рассказывается, что, будучи еще мальчиком, он присутствовал при приеме его отцом (Юань-ди, 317-323) посланника из Чанъани (захваченной в то время «варварами»). На вопрос отца: что, по-твоему, ближе – *солнце* или Чанъань? – мальчик-принц ответил, что Чанъань, так как никто еще не видел посланника, прибывшего с *солнца*. Но когда ему на следующий день задали тот же самый вопрос, он ответил, что ближе, разумеется, *солнце*, так как, подняв голову, видишь *солнце*, но не видишь Чанъани [Хрестоматия... 2004: 747].

«Я все говорю: как близко *солнце*, как далеко до Чанъани...» [Хрестоматия... 2004: 630].

Звезды

В дальневосточной литературе часто упоминаются *звезды* и *созвездия*.

Вместе с *луной* *звезды* определяют время в пределах ночи:

«Вот и луна // на небо вышла ночное, // Звезды вокруг // замерцали трепещущим светом» [Ду Фу 2000: 444]; «В небе зажглись звезды, потемнели горы, туман пополз по полям и равнине» [Сон... 1982: 67].

Звезды – знак времени года:

«Осенние звезды // летят над далекой рекой» [Китайская пейзажная лирика 1984: 70].

Издревле на Дальнем Востоке существовала вера в священные звезды, с которыми связывалась судьба людей. Крупные звезды считались символами великанов, героев, мудрецов, а мелкие – символами простых смертных. В Когурё, например, молились духу чудотворной звезды Ёнсон в созвездии Чин, от которой зависело благополучное земледелие. В средние века особенно почитались духи звезд Ноинсон (Долголетия) и Тхэбэксон (кит. Тай-бо), созвездия Большая Медведица (Пукту чхильсонсин) и Канопус (Намсон) [Концевич 2001: 411-412]. Особым почитанием у древних когурёсцев пользовались семь звезд Большой Медведицы, изображение которых часто встречается в погребальной живописи [Джарылгасинова 1972: 162-163].

«Я давно уже знаю вас. Смотрю на вас с восхищением, с уважением, как смотрят люди на звезды Ковша или на святую гору Тай» [Пу Сунлин 1999: 33].

На Дальнем Востоке совершались жертвоприношения духам Северного Ковша, так китайцы называли ковш Большой Медведицы [Цветы сливы 1998. Т.1: 363]. Духи звезд Большой Медведицы, которые, согласно представлениям китайцев, записывали все деяния человека, как хорошие, так и дурные, и в зависимости от этого убавляли отведенный ему срок жизни или, наоборот, удлиняли его (см. об этом [Цветы сливы 1998. Т.1: 373].

«Все были встревожены, сменяли лекарей, молились Небу, приносили жертвы Северному ковшу – ничто не помогало» [Жизнеописания... 1985: 89]; «...она три дня воздерживалась от скоромного, а каждый седьмой день возжигала благовония и молилась духам звезд Северного Ковша» [Цветы сливы 1998. Т.1: 232].

Звезды – цветовой образ:

«Красные звезды рассеяны в алом дыму» [Ли Бо 2000: 263].

Звезды – участники сражений:

«Кончился бой. // Злые звезды померкли» [Ли Бо 2000: 307].

Со звездами связана тема разлуки:

«Были раньше подобны мы паре резвящихся рыб, // Словно звезды теперь, меж которыми лег небосвод» [Хрестоматия... 2004: 161].

Звезды соотносятся с любовной тематикой. Девушка сравнивает своего возлюбленного со звездой на небе:

«Полярная звезда стоит на небе, // Всегда прекрасная, как мой любимый...» [Бамбук в снегу 1978: 244].

Упавшая звезда в дальневосточной литературе символизирует скорую смерть:

«Внезапно одна из звезд покатилась и упала у ваших ног. Вот какая судьба постигла вашу звезду. Говорят, когда во время Троецарствия в Учжанюане умирал Чжугэ Лян, перед самой его кончиной тоже упала звезда Полководца» [Корейские повести 1954: 24-25].

Звезды, являясь эталоном красоты на Дальнем Востоке, отмечены в образных сравнениях. Иногда в образных сравнениях звезды встречаются в паре с луной:

«Сердце радостно откликается ей, а вместе с сердцем поют в согласии горы и реки, луна и звезды» [Малявин 1997: 350].

Со звездами отождествляются различные части тела красавицы:

– глаза: «Цзинь-лянь <...> лила потоки слез из блестящих, словно звездочки, глаз...» [Цветы сливы 1998. Т.1: 100]; «глаза прекрасного юноши сияли, как звезды...» [Сон... 1982: 277]. В корейской литературе со звездами ассоциируется не только красота глаз, но и их холодность: «Она первым делом посмотрела на лицо госпожи – оно было страшным: белое, но почему-то с зеленым оттенком, глаза на нем холодные, как далекие звезды, а губы тонкие!» [Сон... 1982: 139];

– брови: «...тонкие брови, словно лучи утренней звезды...» [Сон... 1982: 593];

– зубы красавиц сверкают, как «звезды искристые» [Верная Чхунян 2003: 30];

– родинка на лице девушки также уподобляется звезде: «А под бровью – родинка, как черная звездочка» [Ли Юй 1995: 337].

Звезды встречаются и в других образных сравнениях:

«...как звезды, горели жемчужные светильники...» [Сон... 1982: 385]; «...дамы старались всю <...> послали в небо тысячи стрел, которые замелькали в воздухе, словно утренние звезды» [Сон... 1982: 657].

Звезды отмечены в гиперболических выражениях:

«Сердца их были возмущены и опечалены несправедливостью, ибо их преданность трону была столь высока, что достигла Семизвездья и Пастуха» [Жизнеописание... 1985: 70].

Северный Ковш ассоциируется с большим количеством:

«Денег у него – горы, выше Северного Ковша» [Цветы сливы 1998. Т.1: 58].

Постоянное положение Полярной звезды на небосводе создало традицию обозначать ею государев трон (см. [Чон Чхоль 2009: 149]).

Со звездами связаны многие легенды. Одна из самых известных – легенда о двух звездах – Ткачихе и Волопасе. Согласно этой легенде, дочь

Небесного владыки Ткачиха (звезда в созвездии Лиры), жившая к востоку от Млечного пути, круглый год ткала бесконечную облачную парчу в небесах. Отец выдал ее замуж за Пастуха (звезда в созвездии Орла), который жил к западу от Млечного пути. Но она, охваченная любовью, совсем забыла о своей обязанности и перестала ткать. Разгневанный Небесный владыка разлучил супругов [Сон... 1982: 735]. Он повелел, чтобы впредь она встречалась с мужем лишь раз в году – в седьмой день седьмой луны по традиционному дальневосточному календарю. Тогда они переправлялись через разделявшую их Небесную Реку (Млечный Путь) по волшебному мосту из сорочьих хвостов (см. [Ду Фу 2000: 494]). Легенда нашла отражение в художественной литературе:

«Волопаса Ткачиха ждет // За Серебряною Рекою. // В день седьмой, в седьмую луну // Суждена ей с любимым встреча» [Отражения 1987: 136].

Итак, как показали исследования, символика *неба и небесных светил* многозначна. *Небо* – это элемент пространства, символ духовной высоты, вечности, неизменности. *Небо и небесные светила* входят в набор элементов, из которых в корейской и китайской литературе конструируется идеальная картина мира природы. *За небом и небесными светилами* закреплена временная характеристика, они в дальневосточной литературе являются знаками разных времен года, а также участвуют в моделировании времени в пределах суток. *Небо и небесные светила* – цветковые образы.

Согласно дальневосточным представлениям, *небо и солнце* олицетворяют мужское начало ян, *луна* – женское начало инь.

Небо и небесные светила являются эталонами высоких морально-нравственных качеств: нравственной чистоты (*небо, солнце*), доброты (*небо*), скромности (*луна*), а также красоты (*солнце, луна, небо, звезды*).

С *небом и небесными светилами* связаны многочисленные мифы, легенды, предания, образованы речения фразеологического характера, а также пословицы.

Как мы смогли убедиться, символические обозначения *неба и небесных светил* играют важную роль в создании национального колорита в переводных с корейского и китайского языков произведениях.

Л и т е р а т у р а

- Афоризмы старого Китая / Сост., пер. В.В. Малявина. М.: «Изд-во Астрель», «Изд-во АСТ», 2004.
- Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
- Би Сюшен. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
- Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
- Жизнеописание королевы Инхён // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.

- Джарылгасинова Р.Ш.* Древние когурёссы. М., 1972.
- Ду Фу.* Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер.(Ленингр. отд.), 1985.
- Ионова Ю.В.* Религиозные воззрения корейцев (по материала МАЭ). – Культура народов зарубежной Азии и Океании. Л., 1969.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- Ким Ман Чжун.* Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961.
- Ким Си Сын.* Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.
- Китайская пейзажная лирика III-XIV вв.. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
- Книга дракона. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002.
- Книга Прозрений / Сост. В.В. Малявин. М.: «Наталис», 1997.
- Концевич Л.Р.* Корееведение. Избранные работы. М.: ИД. «Муравей-Гайд», 2001.
- Корейские повести. М.:ГИХЛ, 1954.
- Ли Бо.* Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Ли Юй.* Полуночник Вэйян. М.: Худож. литер., 1995.
- Лим Су.* Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.
- Мифологический словарь / Гл.ред. Е.М. Мелетинский. М.: «Российская энциклопедия», «Лада-Маком», 1992.
- Мудрость китайского быта: Успех. Здоровье. Радость. / Сост., пер. В.В. Малявина. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2003.
- Никитина М.И.* Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.) СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
- Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Гл. ред. Восточной литературы, 1982.
- Отражения. М.: Изд-во «Наука». Гл.ред. восточ.литер. 1987.
- Пак М.Н.* Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го чжи»). Проблемы востоковедения. М., 1961, №1, С. 120.
- Повесть о Чёк Сёные Чён (Чёк Сёный Чён). СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
- Пу Сун-лин.* Рассказы Ляо Чжэя о чудесах. СПб.: Изд-во Азбука, 1999.
- Пу Сун-лин.* Странные истории. Рассказы о людях необычайных. М.: Изд.фирма «Восточная литература» РАН, 2007.
- Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII-XIXвв.). М.: Худож. литер., 1974.
- Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
- Сказание о Чхунян. М.: «Бонфи», 2003.
- Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982.
- Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
- Трессидер Джек.* Словарь символов. М.:Фвир-Пресс, 2001.
- Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2004.
- Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
- Чистый поток. Поэзия эпохи Тан (VII-Xвв.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.
- Чон Чхоль.* Одинокий журавль. М.: Наталис, 2009.
- Яшмовые ступени. Из китайской поэзии эпохи Мин XIV-XVII в. М.: Изд-во «Наука». Гл.ред. восточ. литер., 1989.

ЛИНГВИСТИКА

К вопросу о ключевых концептах американского менталитета

© кандидат филологических наук М.М. Филиппова, 2011

Данная статья посвящена вопросу о языковых и культурных проявлениях американского мировоззрения. В языковом выражении, мы называем это языковой картиной мира. Американский менталитет, американская система мышления работает своим собственным особым образом. Одной из загадок современного мира является как раз то, почему разные нации столь сильно различаются своим образом жизни и мышлением.

Мы живем в мире, который становится все более и более глобализованным и американизированным. Многие эксперты признают существование этих процессов, некоторые специалисты по политологии утверждают, что в современном мире происходит выстраивание иерархии культур с американской культурой во главе. Представители американской культуры весьма успешны во многих ключевых сферах современной жизни или считают себя таковыми. Поэтому мне, как преподавателю английского языка (одного из важнейших компонентов американской культуры), кажется важным понять, в чем заключается секрет их успешности, с тем чтобы впоследствии быть в состоянии донести это до своих студентов.

Дать окончательный список понятий, составляющих американскую систему ценностей, скорее всего, – задача неосуществимая, ведь эта культура находится в состоянии непрерывного развития, соответственно, некоторые концепты постепенно перестают быть актуальными, а другие, наоборот, возникают в сознании нации, происходит процесс их становления, и они начинают играть все более и более важную роль. Дать список широко популярных концептов проще, поскольку его можно составить после достаточно глубокого и тщательного исследования. А некоторые из самых ходовых концептов, в частности, те, которые выражаются популярными фразами, высказываниями, поговорками, можно назвать сразу в качестве гипотетического списка, который потребует дальнейшей верификации по словарям частотности, корпусам американского варианта английского языка, словарям пословиц и поговорок, словарям общеупотребительных цитат и т.п. Это такие концепты, как: **pursuit of happiness** (стремление к счастью); **self-reliance** (способность полагаться на свои собственные силы, на свое суждение); **inde-**

pendence (независимость, самостоятельность); **home** (родной дом); **love** (любовь); **hope** (надежда); **money is power** (деньги – это сила); **charity begins at home** (кто думает о родных, не забудет и чужих); **business before pleasure** (сперва работа, потом развлечения (~ делу время, потехе час)); **to each his own** (каждому свое), **honesty and integrity** (честность и неподкупность) и т.д. Разумеется, этот список не исчерпывает все концепты, важные для американской культуры, поэтому его можно продолжить. Свобода (**freedom**), возможно, является самым важным и часто упоминаемым; это понятие играет такую роль с самого зарождения американской нации. Один из моих американских друзей сказал: «США всегда были экспериментом по осуществлению свободы. Мы можем позволить себе сделать выбор в пользу ошибочного варианта. В этом наша сила, при условии, что мы сможем исправить свою ошибку и оправимся от ее последствий». ('USA has always been an experiment in freedoms. We can choose to make mistakes. That is strength provided we recover'.) (Эта мысль представляется мне великолепной жизненной философией, безусловно достойной того, чтобы передавать ее своим студентам.) Он же однажды сказал: «Мы готовы жизнью расплатиться за свои свободы, которые отнюдь не являются бесплатными (даровыми)...» ('We are willing to trade our lives for our freedoms which are not by any means free...'). Еще одним из базовых, коренных понятий американской жизни является преобладание законности (**the rule of law**), что создает благоприятную атмосферу равенства всех перед законом. Разумеется, важным концептом также является **democracy** (демократия), но это скорее политический концепт, чем повседневный общенациональный или общечеловеческий. Это можно подтвердить тем, что слово это латинского, а не англосаксонского происхождения, а такие слова, как правило, менее общеупотребительны. Следует оговориться, что обоснованные выводы по поводу этого концепта можно будет делать только после детального исследования.

Еще одна пара концептов – это творческий подход (**creativity**) и находчивость (**resourcefulness**), или, как говорят некоторые, изобретательность американских янки (**Yankee ingenuity**). Важным концептом является боевой дух (**the fighting spirit**), или дух борьбы, т.е. готовность продолжать бороться за что-либо несмотря ни на какие трудности и препятствия, иными словами нежелание сдаваться. Есть такое понятие, как рабочая этика протестантов (**the Protestant work ethic**), а также упорство, настойчивость, стойкость (**perseverance**), то есть решимость идти до конца, когда человек не останавливается, пока его жажда, страстное желание или стремление не будут удовлетворены. Настойчивость – это когда вы проявляете здоровую цепкость. Разумеется, чрезвычайно сложным является само понятие американского духа (**the American**

spirit), которое, по определению, предполагает многие из концептов, перечисленных в данной работе. Если бы требовалось исследовать только один концепт, возможно, следовало бы выбрать американский дух. Американская мечта (**the American dream**) – это еще один столь же мощный и многоплановый концепт.

Мой уже упомянутый друг, мистер Р.Г. Блокс, обсуждая этот вопрос, добавил к вышеназванному списку еще некоторые вещи. Он сказал: “Существует **потакание своим желаниям (сибаритство)**, которое мы уже обсуждали...; **не в меру восторженное отношение к себе**... и смежное с ним понятие **самовозвеличивания**...; **оптимизм**; **восприимчивость (широта взглядов)** и **непредубежденность** и одновременно **природный прагматизм, инициативность и предпринимательство, гибкость** и готовность воспринимать боковые (фланговые) выкрутасы, выверты и претенциозность... Мы несколько **догматичны (как британцы)**... но также **вдумчивы... как русские**... без стильных зигзагов европейской культуры... но это уже совсем другая сфера. **Я не потерплю короля, правителя, монарха или властелина**... но я ожидаю от избранного мной чиновника, что он будет представлять мои интересы, или я уволю его несчастную личность... Как американец, я считаю, что **нет работы, которая была бы ниже моего достоинства**... и я буду пытаться делать любое из вышеназванного (в своем письме он описывает различную физическую и техническую работу, которую ему приходится выполнять в «цокольном пространстве» под пристройкой к своему коттеджу – проведение флюоресцентной электрической проводки и т.п.) ради испытания, ради пробы своих сил. Я надеюсь, что мы донесли истинный смысл фразы «**Я ЭТО МОГУ**» до своих детей..., да и до ваших тоже”. (There’s **self-indulgence**... of which we’ve batted around a bit...; **self-adulation**... and its neighbor **self-aggrandizement**...; **optimism**; **open-mindedness** while being **pragmatic, self-starting and entrepreneurial** in nature, **flexible** and willing to take the lateral arabesque... We are a bit **dogmatic (like the Brits)**... but also **thoughtful ... like the Russian**... without the classy twist of the European culture... which is an entirely different area... **I will not have a king, a ruler, a potentate**... but I do expect my elected official to represent me or I’ll fire his sorry self... As an American... **no job is beneath me**... and I’ll try anything of the above for a challenge. I hope we’ve translated the “**CAN DO**” spirit to our kids... and yours as well.)

Как показывает этот отрывок, «соревновательный дух» (**challenge**), или готовность подвергать себя испытаниям, испытывать свои силы, является чрезвычайно важным культурно-специфическим понятием, которое, как выясняется, очень трудно передать на русский язык (возможно, и на другие языки тоже) из-за богатого семантического и концептуального содержания, сосредоточенного в нем, всякого рода ассо-

циаций, коннотаций, экспрессивных и оценочных оттенков смысла и т.п., которые могут быть утрачены в процессе перевода.

Обсуждая различные районы Америки, люди часто называют конкретные качества, характеризующие жителей того или иного штата. Так, предприимчивость (**entrepreneurship**), находчивость (**resourcefulness**) и деловые качества (**businesslike qualities**), как считается, характеризуют фермеров Новой Англии. Жители Юга, как считают, сохранили такие гуманные качества, как человеческая теплота (**warmth**), бескорыстие (**selflessness**), благородство (**noble feelings**); говорят, что они ценят такие вещи, как честь (**honor**), приличия и пристойность (**human decencies**) выше, чем богатство. Считается также, что они гостеприимны (**hospitable**) и имеют сильные родственные чувства (**strong feelings for their kith and kin**). Простота (**simplicity**), искренность (**sincerity**), дружелюбие (**friendliness**), безразличие к чинам (**indifference to rank**), как считается, характерны для техасцев. Жители Сан-Франциско, как говорят, более высоко ценят качество жизни (**quality of life**), тишину и покой (**peace and quiet**), жизненный комфорт (**life comforts**), умение расслабиться (**ability to relax**), чем возможность сделать карьеру; они стараются не участвовать в «крысиных бегах» и борьбе за существование; для них важен не только досуг, но и **размеренные ритмы работы и жизни** в общем.

В целом, можно сказать, что американцы унаследовали лучшие черты первых поселенцев: они энергичны (**energetic**), оптимистичны (**optimistic**), самостоятельны (**independent**), предприимчивы (**enterprising**) и трудолюбивы (**hard-working**). Они любят «твердо стоять на ногах» (**to stand firm on their own two feet**), наслаждаться жизнью (**enjoying life**), быть дружелюбными (**being friendly**), радостными (**joyful**), отзывчивыми и общительными (**outgoing**), забавными (**humorous**). Они любят соревнования, любят устанавливать рекорды (**like competitions and setting records**), ценят достижения (**value achievements**).

После даже беглого взгляда на список качеств, характеризующих американцев, становится ясно, что для изучения всех их потребовалось бы очень много времени. Кроме того, лингвисты знают, что вполне возможно взять всего лишь один концепт, выражаемый всего лишь одним словом (естественно, вместе с производными словами, словосочетаниями, которые включают этот корень, пословицами и поговорками, популярными цитатами и афоризмами, устоявшимися сравнениями, включающими его, и т.п.), и получить достаточно материала, чтобы провести основательное исследование. Концепт, который представляется особенно интересным, – это **стремление к счастью**: впечатляет то, что право стремиться к счастью записано как священное право американцев в их Конституции. Такие концепты, как **американский дух** и

американская мечта, могут оказаться среди наиболее сложных для изучения. Очень любопытна также поговорка «**Кто заботится о своих, не забудет и чужих**»: мысль, содержащаяся в ней, кажется очень мудрой, а параллельный русский вариант почти неизвестен в России.

Для лучшего понимания этих концептов очень полезна была бы возможность изучить мнения обычных носителей американского варианта английского языка, чтобы выяснить, что они о них думают. Более глубокому пониманию этих концептов способствовали бы изучение американской прессы и корпусов американского варианта английского языка, которые могли бы помочь выяснить как частотность употребления слов, словосочетаний и т.п., выражающих эти концепты, так и их сочетаемость, их культурную и идеологическую значимость, а также их символический смысл. Одним из самых увлекательных аспектов этого исследования, пожалуй, является то, как эти концепты используются в реальном дискурсе, чтобы влиять на читателей или слушателей, чтобы создавать единодушные, консенсус, чтобы управлять общественным мнением и изменять его. Иными словами, было бы полезно изучить функционирование этих концептов как на семантическом, так и на метасемантическом уровне.

Кроме лексического компонента, отражающего лексико-семантический состав концептов, популярных у американцев, существуют некоторые грамматические явления, своей частотностью наводящие на мысль об определенном настроении мышления. К ним относится, в частности, повелительное наклонение. Так, есть частотные повседневные фразы, отражающие настроения людей, такие, как оптимистический, подбадривающий призыв **Keep your chin up!** («Не вешай нос!»), или побуждающая фраза **Keep smiling!** («Держи улыбку!»), подразумевающая, что нужно всегда поддерживать у других людей положительный образ самого себя, или **Accentuate the positive!** («Подчеркивай положительные стороны!»), которая призывает обращать внимание прежде всего на хорошее, или **Get real!** («Взгляни на вещи реалистично!»), призывающая исходить из реального положения вещей, или **Keep on trying!** («Не оставляй попыток достичь желаемого!»), призывающая к настойчивости в достижении своих целей. Все они, выражая мудрые и позитивные мысли, имеют форму повелительного наклонения, т.е. являются довольно императивными и безапелляционными, что, возможно, соотносится с некоторыми чертами национального характера американцев.

Здесь можно также упомянуть такие широко распространенные формулы вежливости, как: **Keep in touch** («Оставайтесь в контакте»), **Have a good day!** («Желаю приятно провести день»), **Have a nice weekend** («Желаю приятно провести выходные»), **Have a good trip (flight,**

etc.) («Приятного Вам путешествия (полета и т.п.)»). Можно было бы предположить, что поскольку эти фразы выражают хорошие, дружеские, положительные пожелания, императив в них не является навязыванием воли говорящего слушающему и поэтому допустим, несмотря на свою категоричность.

Есть ряд других разговорных фраз, таких, как **Give it the whole nine yards**, означающая «истратить все для достижения цели» (expend everything), происходящая из выражения, использовавшегося во Вторую мировую войну, когда на самолетах-бомбардировщиках использовалось 27 футов, или 9 ярдов пуль на одну ленту пулемета. И ряд ее синонимов: **Go for it** («стремись к цели, добивайся ее»), **Reach out** («добивайся цели, тянись к ней»), **Grab the ring** («хватай кольцо»), которая происходит из циркового жаргона или фигур высшего пилотажа, **Hang ten** («продержись до счета десять»), происходящая из виндсерфинга или занятий сноубордом. Отец президента Кеннеди, как утверждают, сказал ему однажды: **Don't get mad – get even** («Не злись, а сровняй счет»). Эту фразу также можно считать выражением позитивной жизненной философии.

Подтверждением популярности императива в качестве распространенного средства для продвижения бренда или для побуждения клиента к покупке служат рекламные слоганы многих американских компаний, например:

Nike: **Just do it**

American Airlines: **Rest, keep warm and drink liquids / Fly the American way**

AT & T (American Telephone and Telegraph): **Reach out and touch someone**

Apple computers: **Think different**

Bank of America: **Think what we can do for you**

Brooke Bond: **Spend wisely – save wisely**

Burgher King: **Have it your way**

Cadbury's dairy Milk Chocolate: **Award yourself the CDM**

Canon: **See what we mean**

Chevrolet: **See the USA in a Chevrolet / Eye it – Try it – Buy it**

United States Army: **Be all that you can be**

Sprite: **Obey your thirst**

Palmolive Soap: **Keep that school girl complexion**

Marlboro cigarettes: **Come to Marlboro country / Come to where the flavor is**

Pepsi Cola: **Come Alive – You Are In The Pepsi Generation**

Dobbins' Electric Soap: **Beware Of Imitations**

American Express: **Don't leave home without it**

Нужно отметить, что по аналогии с вышеназванным слоганом компании «Американ Экспресс» возникают ассоциации со многими другими слоганами, также выраженными отрицательной формой повелительного наклонения:

Don't Be A Paleface, или иначе: **Tan – Don't Burn** («Загори – но не сгорай»). Лосьон для загара «Копперстон»; использовался в США с 1953. Этот призыв, «Не будь бледнолицей», опирался на широко известную рекламную фотографию маленькой девочки, с которой игривый щенок пытается стащить купальник. В 1991 оба эти рекламных слогана подверглись критике за отсутствие политкорректности в слове *paleface* (бледнолицый).

Don't blame me, I'm from Massachussetts (Я не виноват – я из Массачусетса): неофициальный политический лозунг, использовался в США в декабре 1972. Является комментарием к запутанным, осложненным мирным переговорам с Северным Вьетнамом. Во время ноябрьских выборов упомянутый штат проголосовал за Джорджа МакГоверна, который обещал, если его выберут, немедленно заключить мир с Вьетнамом.

Don't Let Them Take It Away (Не позволяйте им отобрать все это): слоган президентских выборов в США в 1948. Опасения, что президент-республиканец может снова поселиться в Белом Доме после 16 лет правления Демократической партии, послужили отправной точкой для этого неофициального слогана. В этот раз он сработал, и Гарри С. Трумэн был переизбран, но когда слоган был вновь возрожден в 1952 г., этого не произошло. В самом начале кампании 1948 года Трумэн сказал Албену Баркли, своему товарищу и кандидату в вице-президенты: «Я буду бороться изо всех сил. Я создам им адские условия» (*I'm going to fight hard. I'm going to give 'em hell*). Поэтому «Создай им адские условия, Гарри!» (**Give 'Em Hell, Harry**) также стало полуофициальным боевым кличем. Как видим, он также выражен императивом.

Don't Pronounce It – See It! (Не произноси это – лучше посмотри фильм!) Реклама фильмов «Ниночка» США, 1939; и «Пфффт!», США, 1954.

Don't Wear Ondine Unless You Mean It (Не душись «Ундиной», если ты этого не подразумеваешь): парфюм «Ундина»; США, дата неизвестна. Этому лозунгу предшествовали слова: «Сбереги его для настоящих мужчин в твоей жизни. Мужчин, которые хотят тебя только для себя...и возвращаются с тобой в свете допоздна...»

Don't Write – Telegraph (Не пиши – телеграфируй): телеграфная компания «Вестерн Юнион»; США, с 1920 – хотя эти слова сначала появились неофициально в написанном виде на окнах офисов различных отделений компании в 1917-19 г.г.

Форма повелительного наклонения в вышеприведенных примерах используется, чтобы передать значение настойчивого побуждения, активности в воздействии на слушателя или читателя, активного приглашения к использованию определенного товара, к выражению своей уникальности или индивидуальности, подчеркивания высокой ценности того, что рекламируется, агрессивного отстаивания своих ценностей, своей позиции, побуждения своих политических сторонников к выражению своей воли и т.п. В самом общем смысле императив демонстрирует высшую степень уверенности в своей правоте, в беспорности утверждаемых взглядов. Возможно, именно императив отражает самые важные концепты американской системы мышления, но эта гипотеза нуждается в дальнейшем изучении и проверке.

К вопросу о типологии англоязычных терминов контрактного права

© М.Е. Видерман, 2011

The author investigates the typology of English contract law terms, their formal and semantic similarities and differences. The basic concepts of contract law terminology are described as a system. The main ways of the typological analysis of contract law terms are considered.

Key words: term, typology, contract law, classification, system

Сегодня без заключения контракта не обходится ни одна сделка; без него невозможно установление отношений работник-работодатель; торговля, строительство, спорт, образование, международные отношения, бизнес и другие сферы жизни общества не могут существовать без документов, придающих договоренностям законную силу. Правоведы и языковеды давно пытаются выявить законы взаимодействия между языком и правом, гармонизировать терминологии правовых систем разных стран, что необходимо для межкультурной коммуникации в сфере права. В этом процессе участвуют и российские исследователи. В то же время узкая сфера англоязычного права – контрактное право – остается малоизученной отечественными лингвистами, несмотря на обилие пособий, посвященных переводу текстов контрактов.

В технических науках термины соответствуют конкретному объекту, что позволяет достаточно легко изучить и описать признаки понятия, связать его с графическим выражением. С юридической терминологией все обстоит иначе. Юридические понятия абстрактны по своей природе, они являются результатом договоренностей людей о правилах регулирования жизнедеятельности, их нельзя потрогать, рассмотреть под микроскопом, изобразить графически. Отсюда возникают проблемы в толковании и понимании терминов – схожие по формальным признакам термины могут различаться не только в терминосистемах разных правовых семей или стран, но и внутри разных отраслей права одной страны. Юридический язык представляет собой довольно сложное образование, состоящее из нескольких сильно отличающихся друг от друга слоев.

Английская правовая система привлекает исследовательское внимание не только в силу того, что она сформирована специфическим образом¹, сыграла ключевую роль в создании целой правовой семьи (анг-

¹ Английское контрактное право входит в состав общего права, начало становления которого в Англии связывают с Нормандским завоеванием 1066 года, принесшим сильную

лийское право оказало значительное влияние на правовые системы многих стран, прежде всего, бывших британских колоний, в том числе США) и сегодня является одной из ведущих в мире, но и потому, что она оказывает большое влияние на сферу международных контрактов: на английском языке ведется профессиональное общение между представителями разных стран; США и Великобритания занимают ведущие позиции на геополитической карте мира.

Любая терминология состоит из терминов разного типа, классификация которых происходит по родовому, этимологическому, структурному, семантическому и морфологическому критериям. Создание типологии – это анализ связей, существующих между элементами системы – исторических, формальных, денотативных. В настоящей статье мы рассмотрим англоязычную² терминологию контрактного права как совокупность специфических типов терминов, как систему терминов. Основная цель настоящего исследования – проанализировать некоторые специфические и общие черты терминов, объединить их в группы по ключевым признакам, противопоставить друг другу и понять взаимосвязь между элементами системы. Это попытка унифицировать разрозненные группы специальных слов, провести систематизацию и упорядочение данных. В своем исследовании мы исходим из принципа, согласно которому типологическое исследование должно опираться на сопоставление терминов как по формальным, так и по содержательным признакам [Никулина, 1990:6]. Типологическое исследование позволяет не только систематизировать специальные слова определенной сферы знаний, но и определить признаки, отделяющие ее от терминосистем других сфер.

центральную власть, богатый опыт административного управления и черты традиционного права Северной Франции, и последующим складыванием системы общегосударственных королевских судов и унификацией местных обычаев (общее право — общее для всего государства). Сформированная под влиянием решений королевских судов, английская правовая система является прецедентной и основывается не на абстрактных принципах (в отличие от гражданско-правовой системы, которая создавалась в европейских средневековых университетах на основе римского права, поэтому категории и понятия были сформированы на основе абстрактных принципов, часто теологических или философских [Heikki 2006: 106, 222]), а на опыте практических судебных решений, главный источник права — судебный прецедент, а не законы и законодательные акты, принятые исполнительной властью. В общем праве в отличие от гражданского права акцент делается не на установлении правды, а на разрешении спора.

² Под «англоязычной» мы понимаем англо-американскую терминологию, поскольку американская правовая система сформирована под непосредственным влиянием британской, и они составляют единую правовую семью, объединенную общим (прецедентным) правом.

Язык контрактов обладает высокой степенью терминованности, термины являются ядром составления договоров и одной из ключевых составляющих контрактного права. Очевидно, что ключевым понятием контрактного права и основообразующей категорией является contract (контракт), вокруг которого группируются блоки понятий. Наиболее близким к нему является термин agreement, через который он (contract), как правило, определяется³. Контрактом называют соглашение, имеющее законную силу между двумя или более сторонами, по которому одна из сторон берет на себя обязательство что-либо сделать для другой стороны на определенных условиях: "contract – an agreement enforceable at law. an essential feature of contract is a promise by one party to another, or by two parties to one another, to do or forbear from doing certain specified acts. For a contract to be valid and legally enforceable there must be capacity to contract, intention to contract, consensus ad idem, valuable consideration, legality of purpose, sufficient certainty of terms, and in some cases the contractor evidence of it must be in a prescribed form"⁴. По ключевому признаку можно выделить следующие виды контрактов:

TYPE: односторонние (unilateral) и двухсторонние (bilateral), основной (principal),

TIME: длящийся (continuing), бессрочный (open-end), с исполнением в момент заключения (executed), с исполнением в будущем (executory)

FORM: письменный (written) и устный (oral/verbal), делимый (divisible), неделимый (entire)

SUBJECT: договор продажи (sale), договор о перевозке почтовой корреспонденции (mail), о продаже всей произведенной продукции (output)

и др.

³ В то же время, как отмечает И.И. Чиронина, agreement имеет значение согласия в широком смысле слова и не всегда является синонимом термина contract, т.к. оно не всегда имеет законную силу, которая обязательно присутствует в термине contract. Слова agreement и contract употребляются синонимично в следующих сочетаниях: a hire purchase or leasing agreement/contract, executed agreement/contract, executory agreement/contract, express agreement/contract, implied agreement/contract, parole agreement/contract, sweetheart agreement/contract. В то же время при упоминании некоторых видов договоров и соглашений в английском языке возможна сочетаемость только со словом agreement, например: cultural exchange agreement, collective (bargaining) agreement, non-disclosure agreement (соглашение о неразглашении), profit-sharing agreement (соглашение о разделе прибыли) и другие. В других случаях возможно использовать только словосочетания со словом contract: contract by deed (формальный договор), accessory contract (акцессорный договор), investment contract, maintenance contract, void contract, voidable contract.

Англо-русский толковый юридический словарь. Гражданское право. / Чиронина И.И. М., 2009. С.4.

⁴ Osborn P.G. Concise law dictionary / P.G. Osborn, 1927. С.72

Ключевой термин контракт (contract) является, с одной стороны, одним из членов семантического поля «контрактное право», конкретизирующим его, а с другой стороны — родовым термином, включающим входящие в него видовые термины со специфическим значением, которые в свою очередь служат для других терминов родовыми. Это и позволяет характеризовать некий набор терминов, объединенных одной сферой деятельности, в качестве системы. Термин не может существовать без соответствующего ему понятия в определенной профессиональной или научной сфере. Система терминов отражает систему знаний конкретной отрасли, такая система имеет иерархическую родовидовую структуру. Рассмотрим, как наиболее продуктивный термин contract репрезентирует терминосистему «контрактное право»: Contract law->Contract->breach of contract->breach of promise, breach of warranty/anticipatory breach, total breach. Contract->contractor->general contractor, subcontractor, independent contractor/contracting, contractee, contractual, contraction, contractive ⁵. Родовой термин (contract) представляет собой базовое понятие, обширную семантическую категорию, обладающую деривационной способностью, порождающую новые термины и устойчивые словосочетания. Среди базовых понятий контрактного права можно выделить также: terms, damage, liability, estoppel, clause, condition. Следует отметить, что узкая сфера права, казалось бы, должна использовать ограниченное количество терминов, но по мере построения семантических полей, выделения родовидовых терминов, анализа взаимосвязей между цепочками иерархически выстроенных терминов выясняется, что англоязычная терминосистема контрактного права – это разветвленная система, требующая тщательного изучения и четко организованной, научно отработанной классификации и унификации. Здесь нужно учитывать, что, будучи ключевой частью любых сделок, контрактное право в настоящий момент является одной из главных отраслей права и в связи с широтой применения отличается многообразием и определенной степенью сложности.

Согласно этимологическому критерию, термины делятся на исконные (имеющие англосаксонское происхождение) и приобретенные. Одной из специфических черт правовой терминологии (в т.ч. терминологии контрактного права) является происхождение ее составляющих. Так, больше половины современного словаря права составляют заимствования, в той или иной степени сохранившие свой первоначальный вид. Достаточно сказать, что ключевые понятия контрактного права, без

⁵ Словарь: <http://www.thefreedictionary.com/contract>

которых невозможно существование любого контракта (offer, acceptance и consideration), являются заимствованными. Преобладание заимствованной терминологии объясняется историческими причинами: этапами развития английского государства и формирования английского языка. Существенную роль в формировании лексического состава английской правовой системы сыграли латинский и французский языки. В 13 веке французский стал основным языком, используемым в устной речи в судах. В то же время латынь оставалась основным языком письменных актов. Но уже к 14 веку французский язык доминировал и в статутах. Со временем французский был вытеснен английским языком, однако сохранилась часть французской терминологии, ставшей органической частью юридического языка. Говоря о формах введения в английский язык иностранных терминов, различают прямое и не прямое заимствования. Одни члены терминосистемы в английском языке появлялись напрямую из латинского или французского языка, другие проходили сложный путь заимствования из латыни во французский язык, а уже затем через французский в английский – например, само слово contract было заимствовано из латыни через старофранцузский: Middle English: via Old French from Latin *contractus*⁶). Следует отметить, что многие латинские термины не англизировались и сохранили свою орфографическую структуру до наших дней – ab absurdo, consensus ad idem, ejusdem or eiusdem generis, falsa demonstratio non nacet, exceptio non adimpleti contractus. Важной типологической особенностью терминов контрактного права можно назвать определенную «неподвижность» словарного состава – это связано с консерватизмом данной области знаний, ее многовековым, поэтапным и постепенным формированием. Большая часть латинских заимствований – это интернациональные и интерлингвистические термины, которые совпадают в плане выражения и в плане содержания в ряде европейских языков.

Еще одной характерной типологической чертой англоязычной терминосистемы контрактного права является обилие консубстанциональных терминов, совпадающих в плане выражения со словами общелитературного языка (misunderstanding, mistake, frustration, consideration), подобное явление возникает в результате терминологизации слов общелитературного английского языка, приобретения ими более узкого, специального значения. В контрактном праве термин **mistake** означает «an erroneous belief, at contracting, that certain facts are true. it may be used as grounds to invalidate the agreement». В общелитературном языке дает-

⁶ Словарь: http://oxforddictionaries.com/view/entry/m_en_gb0175640#m_en_gb0175640

ся следующее объяснение слова **mistake** – a wrong action attributable to bad judgment or ignorance or inattention, an understanding of something that is not correct, part of a statement that is not correct⁷). Таким образом, консубстанциональные термины дважды входят в состав английского языка: сначала как слова общего языка, а затем как узкоспециальные термины. Например, первое упоминание слова «consideration» этимологический словарь⁸ относит к середине 14 века, в то время как терминологическое значение оно обретает лишь в 17 веке.

Со специфическими чертами этимологии английской правовой терминосистемы, и, в частности, терминосистемы контрактного права, связана и другая характерная типологическая черта – сложилась ситуация существования дублетов, триплетов и т.д., относящихся к одному и тому же понятию. Они формируют неразрывные терминологические словосочетания, частотность употребления которых различна: null and void, agree and covenant, terms and conditions, disputes and differences, firm and unchangeable, laws and rules, amendments and addenda. Распространенность явления синонимии можно объяснить характером формирования права – в Великобритании оно прецедентное и не является строго кодифицированным, основано на отдельных практических случаях, что отражается в отсутствии четких критериев использования тех или иных терминов. В средневековье смешанное использование латинского, французского, английского языков было нормой⁹. Чтобы избежать неясностей и недопонимания, юристы использовали для передачи определенного понятия пару терминов из разных языков, что постепенно стало профессиональной нормой и остается ей до сих пор (to make a contract (Old English) and to enter into contract (Old French) – заключить контракт). Под синонимами чаще всего подразумеваются полисемантические термины, совпадающие лишь по одному из своих значений. Их называют квазисинонимами (или частичными синонимами). С одной стороны, их использование может привести к ошибкам и неправильному пониманию текста (при переводе, например), но с другой – они важны для современных юристов, поскольку помогают покрыть все семантическое поле: при составлении контрактов очень важно не оставлять белых пятен и не допускать многозначных толкований.

Синонимичность в целом является типологической особенностью, характерной для английской правовой терминосистемы и, в частности, терминосистемы контрактного права — встречаются лексические, мор-

⁷ Словарь: <http://www.thefreedictionary.com/mistake>

⁸ Словарь: <http://encyclopedia.thefreedictionary.com/Mistake+%28contract+law%29>

⁹ *Crystal D.A.* The Stories of English. — London: Penguin Books, 2004), Part 7.4.

фологические, разносоставные синонимы. К синонимам можно также отнести и такое распространенное в юридической (и, в частности, контрактной) терминологии явление, как акронимы – f.o.b. (free on board), cif (cost, insurance and freight) и аббревиатуры mou (memorandum of understanding) и их расшифровки.

В рамках логико-понятийной классификации можно поделить термины контрактного права на базовые термины юриспруденции (law, rules, violation), узкоспециальные термины контрактного права (terms and conditions).

Исходя из внутренней структуры, термины можно классифицировать на однокомпонентные и многокомпонентные. Среди однокомпонентных терминов выделяются корневые (contract), производные (assignment) и сложные (quasi-contract). В исследуемой терминосистеме больше половины составляют многокомпонентные терминологические словосочетания. Их ядро составляют родовые понятия, видовые же термины дают конкретизирующее описание. Отметим, что основными продуктивными моделями являются схемы **Noun+Noun** (condition precedent, separation contract), **Adjective+Noun** (informal contract, bilateral contract, firm offer) и **Verb+Noun** (breach contract). Частотной также является модель **Noun - of – Noun**: breach of a contract, cancellation of a contract, acceptance of a contract, freedom of contract. Это так называемые уточняющие термины – предложные терминосочетания – используемые как средство необходимой конкретизации¹⁰. Довольно представительной является группа терминов, образованных по модели ing+noun (forwarding contract, enabling clause). Также используется модель Participle II+noun (implied terms). Для данной терминосистемы характерно наличие терминов, состоящих из трех и более компонентов: sufficient mental capacity, compensation of claims against liabilities.

Различая термины по морфологическому способу образования, отметим большое количество терминов, образованных аффиксальным способом. К наиболее продуктивным терминообразующим суффиксам относятся **-ion** (frustration=to frustrate+ion, невозможность надлежащего исполнения), **-ment** (agreement=to agree+ment, соглашение). Префиксальное терминообразование в исследуемой терминосистеме менее распространено: основные префиксы: in- (invalid=in+valid), il- (illegal=il+legal, противоправный), пейоративный префикс mis- (misnomer=mis+nomen, искажение имени в юридическом документе). Суффиксально-префиксальный способ образования также имеет место –

¹⁰ Встречаются также другие типы предложных терминосочетаний, например: condition in deed

(misrepresentation=mis+represent+tion, введение в заблуждение), (unenforceable=un+enforce+able, не обладающий исковой силой).

В настоящем исследовании мы попытались проследить некоторые общие закономерности, характерные для терминосистемы «контрактное право» в английском языке на разных уровнях: лексическом, морфологическом, этимологическом, синтаксическом. Систематизация данной терминологии имеет особое практическое значение, в силу активного развития международной коммуникации и межкультурного общения в профессиональной области. Исходя из того, что английский язык прочно занимает ведущую позицию в процессе международных правовых отношений, можно утверждать, что для эффективного взаимодействия необходимо понимание терминологии, которое невозможно без выстроенной структуры, изучения формальных и смысловых особенностей, законов организации системы терминов. Добавим, что сегодня можно наблюдать тенденцию к универсализации понятийных содержаний и унификации терминологии как в Великобритании, так и в России.

Данная работа лишь намечает возможные пути типологического исследования, в котором англоязычная терминология контрактного права сегодня остро нуждается.

Л и т е р а т у р а

1. *Анисимова А.Г.* Типология терминов англоязычного искусствоведения: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1994. 20 с.
2. *Ивановская И.П.* Терминологизация как функция языка и культуры: системно-языковые, социально-культурные и функционально-коммуникативные характеристики русско- и англоязычных терминов налогового права: Автореф. дис... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 23с.
3. *Никулина Л.Н.* Типология моноксемных терминов (на материале английской лингвистической терминологии): Автореф. дис... канд. филол. наук.-М., 1990.-24с.
4. *Beveridge B.J.* Legal English, How it Developed and Why it is not Appropriate for International Commercial Contracts. Finland, 2000
5. *Crystal D.A.* The Stories of English. London, 2004
6. *Heikki E.S.* Comparative Legal Linguistics. U.K., 2006

К вопросу о функционировании терминов гражданского права (на материале терминов недвижимости)

© О.А. Язгунович, 2011

Предметом данной статьи является терминология гражданского права, а именно терминология недвижимости как наименее изученная часть обширной терминологии гражданского права. Интерес к терминологии недвижимости обусловлен ее широким использованием в современном обществе, с учетом того, что в России данная сфера практически не разработана. Сталкиваясь с проблемой использования терминов недвижимости, русские специалисты, работающие в данной сфере, часто не обладают достаточным справочным материалом, дающим полную картину перевода и употребления терминов, заимствованных из английского языка.

Недвижимость, будучи частью права, относится к сфере общественных (или социальных) наук, объектом исследования которых является общество, социальная реальность, бытие социальных групп и индивидов. По объекту, предмету и методологии социальные науки часто пересекаются и отождествляются с гуманитарными. В гуманитарных науках, в отличие от естественных, на первый план выходит не формальная организация, а методология. Кроме того, термины гуманитарных наук зачастую отличаются неоднозначностью и подчас экспрессивностью.

Однако экспрессивность и эмоциональная окрашенность термина противоречит некоторым требованиям, которым, в идеале, термин должен отвечать.

Требования, предъявляемые к терминам и терминосистемам, были сформулированы еще в 60-е годы в многочисленных работах основоположника советского терминоведения Д.С. Лотте.¹ Он выдвинул и обосновал следующие требования: краткость, однозначность, мотивированность, простота, согласование с другими имеющимися в терминосистеме терминами, предпочтение уже внедренным и русским терминам перед новыми и иностранными.

В терминоведении вопрос о свойствах термина является дискуссионным. Некоторые ученые-терминологи, выдвигающие требование интеллектуальной чистоты термина, а, следовательно, отрешенности его от образных и эмоциональных переживаний, отрицают наличие оттен-

¹ См. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии // Вопросы теории и методики. – М., Изд-во академии наук СССР, 1961.

ков терминологического значения.² В связи с формированием новой парадигмы в терминоведении изменился и сам подход к изучению термина. В свете новых терминоведческих концепций отсутствие коннотаций (образности, эмоциональности), т.е. стилистическая нейтральность, рассматривается как требование, предъявляемое к идеальному термину. Реальный же термин (термин «в живом функционировании»)³ может обладать всеми признаками общеупотребительного слова, в том числе образностью и экспрессивностью.⁴

Так, например, Г.А. Иванова в своей статье «О семантике и прагматике синонимичных терминологических сочетаний» утверждает что, «термин не утрачивает связи со своей внутренней формой, которая является тем способом представления нового понятия (сигнификата) о предмете (денотате), при помощи которого номинируются разные его признаки – образно-ассоциативные и способствующие логически классификационному отражению действительности».⁵

Кроме того, терминологические единицы способны нести определенную социальную информацию. Так, например, термины недвижимости могут отражать специфические черты того или иного исторического этапа в развитии архитектуры (Викторианский стиль, колониальный стиль, стиль Королевы Анны).

Например, термин **пентхауз** уже несет в себе коннотацию дорогой и роскошной жизни, хотя словарное определение данного термина нейтрально: квартира повышенной комфортности, имеющая выход на благоустроенную часть крыши многоэтажного жилого дома. Однако в публицистике данный термин зачастую употребляется с коннотативно-окрашенными прилагательными, как например:

² См. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды московского института истории, философии, литературы. Т.5. – М., 1939.

Герд А.С. Проблемы становления и унификации научной терминологии // Вопросы языкознания, 1971, №1, С. 14-22.

³ Брагина, А. А.. Значение и оттенки значения в термине. в кн. В. А. Татаринов. История отечественного терминоведения. Аспекты и отрасли терминологических исследований: Хрестоматия. Москва: Московский Лицей, С. 87 – 94, 2003.

⁴ См. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Москва: Едиториал УРСС, 2006.

Прохорова, В. Н. Семантика термина. в кн. В. А. Татаринов. История отечественного терминоведения. Аспекты и отрасли терминологических исследований: Хрестоматия. Москва: Московский Лицей, С. 84 – 86, 2003.

⁵ Иванова Г.А. О семантике и прагматике синонимических терминологических слово-сочетания на материале русской лингвистической терминологии, опубликовано на сайте <http://www.russian.slavica.org/>, 2007.

A peek at Abra's lush penthouse⁶

Когда термин употребляется в речи, то на него воздействует целый ряд факторов, которые существенно влияют на его значение. Прежде всего, это экстралингвистические факторы (т.е. внешние социокультурные и ситуативные факторы) и лингвистические (т.е. контекст). Как только термин попадает в контекст, то он зачастую приобретает коннотативное значение, чего в идеале быть не должно, так как термин должен быть нейтральным и эмоционально не окрашенным. Например, термин **residential community** имеет нейтральное значение - жилой район, поселок. Данный термин, употребленный в рекламе недвижимости и определяемый эпитетами *the most impressive, the most prestigious, luxurious*⁷, сразу же приобретает коннотации дорогого и престижного места для избранных и становится выделенным из общего круга типовых жилых районов.

Использование определенных эпитетов – самый эффективный способ коннотативного употребления термина. Анализ русских рекламных журналов по недвижимости показал, что с терминами, обозначающими те или иные объекты недвижимости, наиболее часто употребляются следующие прилагательные:

Элитная резиденция
Уникальный пентхаус
Стильный дом
Респектабельный особняк
Роскошная вилла⁸

Подобная тенденция сохраняется и в англоязычных журналах:

Gorgeous NV built home
Absolutely beautiful townhouse
Charming waterview cottage
Immaculate top floor condo
Breathtaking colonial⁹

Таким образом, сразу определяется целевая аудитория – состоятельные люди, и резко повышается статус обычного дома или квартиры, который становится «недвижимостью для избранных».

Следует отметить, что важную роль при функционировании терминов в речи играет регистр текста. Очевидно, что в рекламных буклетах и

⁶ Chicago-Sun Times, January 7, 1986.

⁷ Подборка журнала The Moscow Times Real Estate Quarterly Business Review.

⁸ Подборка номеров журнала Homes Overseas, декабрь 2005 - февраль 2010.

⁹ Подборка номеров журнала The Real Estate Book (Washington D.C.), март 2008-сентябрь 2010.

журналах будут использоваться яркие эпитеты и сравнения для привлечения внимания покупателей, тогда как в контрактах и договорах - формальный, строгий язык правил и предписаний.

В регистре новостей и газетных заметок наиболее заметно употребление терминов вместе с емкими метафорическими выражениями для того, чтобы наиболее ярко описать ситуацию на рынке.

Так, например:

- developers will no longer **be in the driving seat**
- a **woeful picture** for real estate investment
- collateral for loans practice is **backing the wrong horse**

Журналисты используют образный язык, чтобы воздействовать на читателя, привлечь его внимание к той или иной проблеме или тенденции на рынке недвижимости.

Также в газетных статьях часто употребляются термины недвижимости, основанные на метафоре. В русских словарях они имеют помету «жаргонный термин», то есть пришедший из разговорной практики агентов по недвижимости, брокеров и риэлторов.

Например, термин **alligator** – нерентабельный предпринимательский проект.

Taming Alligators - Real Estate Investment Strategy

By Richard St. Rose

You might ask, "What does a real estate investment newsletter have to do with either of two crocodilians having broad heads not tapering to the snout and a special pocket in the upper jaw for reception of the enlarged lower fourth tooth?" Well...actually nothing. The alligators that I am referring to here are not the ones with the enlarged lower fourth tooth, but ones with an equally dangerous bite. The term "alligator" in the sense that I mean refers to a real estate investment with a negative cash flow (where the expenses and debt service are greater than the income the property produces).¹⁰

В данной статье автор остроумно объясняет значение термина, сравнивая опасность неудачной сделки с большим агрессивным крокодилом.

Термин **loan shark** – кредитная акула – оригинально обыгрывается в одной из газетных статей:

¹⁰ <http://ezinearticles.com>.

Would-be loan shark left gnashing his teeth

GRRR. I'm a loan shark. OK, I know sharks don't growl, they're more of your silent killer, but loan sharks do. A few months ago I started lending money to strangers for profit. But I didn't start hanging out in the saloon bar of The Sailor's Fist or cruising estates in a BMW: I did it all online through Zopa, which claims to be the world's first internet loans exchange¹¹.

Автор использует ассоциации, возникающие у читателя с акулой – страшным хищником-убийцей, обнажившим свои острые зубы, чтобы съесть жертву. Через эту метафору он описывает опасность обращения к кредиторам, которые также безжалостно поступают со своими должниками.

Будет интересно отметить, что в сфере недвижимости достаточно большое количество терминов основано на сходстве с тем или иным животным. Например:

anaconda mortgage – закладная «анаконда», ипотечная закладная, которая предусматривает возможность наложения санкций кредитором по всем долговым обязательствам заемщика в случае дефолта с погашением задолженности по одному из них.

piggyback loan – комбинированный заем

dog – «собака», объект недвижимости с плохой перспективой на продажу

loan shark – «кредитная акула»

belly up – «брюхом кверху», неплатежеспособная компания

bird dog – «ищейка», брокер, не имеющий большого опыта, который ищет клиентов и передает их более опытному брокеру

red herring – «рыба», предварительный проект

flea bag – «клоповник», дешевое арендуемое жилье

tail – «хвост», термин для заповедного имущественного права

white elephant – громоздкое имущество, которое не приносит прибыли

Данный феномен можно объяснить тем, что ассоциации с животными образно помогают представить то или иное явление. Таким образом, у адресата сообщения в сознании создается яркая картина происходящего.

Подобная образность очень эффективна при неформальной коммуникации или при написании статей в газете или журнале, так как позволяет максимально быстро и безошибочно воздействовать на аудиторию.

¹¹ The Observer, Sunday 17, December 2006.

Термин, несущий в себе положительную или отрицательную коннотацию, сразу же занимает свое место в оппозиции «плохое-хорошее», что позволяет изначально задать определенное направление тексту или беседе и расставить смысловые акценты.

Нужно отметить, что эмоционально окрашенные термины не употребляются в формальных регистрах. Их не встретить в договорах и контрактах, в учебниках и научных статьях. Наиболее распространены они в газетах, журналах, на сайтах, посвященных недвижимости, и, конечно же, включены в словари.

Таким образом, термины недвижимости различаются по своему характеру в языке, где они находятся в идеальной среде, и в речи, где они подвержены влиянию экстралингвистических факторов, контекста и особенностям личного восприятия, что существенно воздействует на их природу.

Л и т е р а т у р а

- Децко В.И.* Толковый словарь по операциям с недвижимостью. – М.: Экономика и финансы, 2004.
- Иванова Г.А.* О семантике и прагматике синонимических терминологических словосочетания на материале русской лингвистической терминологии // <http://www.russian.slavica.org> [2007].
- Лейчик В.М.* Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания // Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX-XXI веков / В.М. Лейчик. Сборник научных трудов. – М.: Рязань, 2007.
- Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии // Вопросы теории и методики. – М., Изд-во академии наук СССР, 1961.
- Татаринов В. А.* История отечественного терминоведения. Аспекты и отрасли терминологических исследований: Хрестоматия. – Москва: Московский Лицей, 2003.
- Fillmore W. Galaty, Wellington J Allaway, Robert C. Kyle* Modern Real Estate Practice. – Dearborn Real Estate Education, 2002.
- Jae K.Shim, Joel G.Siegel, Stephen W.Hartman.* Dictionary of Real Estate. – Business Dictionary Series, 2006.

Политическая корректность и стратегия вежливости

© Д.В. Герасименко, 2011

В современном языкознании большое внимание уделяется лингвистическим изменениям, произошедшим под влиянием социальных, культурных и других факторов окружающей действительности. Язык рассматривается не как неизменное целое, но как живой организм, чутко реагирующий на происходящее в обществе.

Из всех научных дисциплин когнитивная лингвистика рассматривает язык с точки зрения его связи с восприятием человеком окружающей его действительности, его постижением и пониманием мира. Лексические и грамматические явления тем самым неотделимы от понятийной картины мира носителя, и любые изменения в ней находят своё отражение в языке.

Язык неразрывно связан с культурой, традициями и менталитетом его носителей, и отражает процессы и явления, происходящие в обществе. Ярким примером такой связи могут служить изменения понятийной картины мира носителей английского языка, произошедшие под влиянием мощного культурного, социального и языкового феномена, получившего название политической корректности.

Согласно С.Г. Тер-Минасовой, «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова 2000: 216].

Политическая корректность является масштабным явлением современности, затронувшим самые разнообразные аспекты жизни англоязычного общества. Влияние политкорректности отразилось на взаимодействии различных расовых и этнических групп, гендерных отношениях, положении в обществе людей разного возраста, социального статуса, материального достатка. Заслуживающим отдельного рассмотрения представляется лингвистический аспект этого феномена, связь политкорректности с языком, дискурсом и межкультурной коммуникацией в современном англоязычном обществе.

Языковеды дают различные определения данного феномена. По мнению З.С. Трофимовой, «явление политической корректности связано с возникновением идеи культурного плюрализма и вытекающей отсюда необходимости пропорционально представлять произведения литературы и искусства, достижения в общественной и политической жизни,

относящиеся к представителям всех этнических меньшинств» [Трофимова 1993: 227].

В некоторых работах данный феномен рассматривается с точки зрения языкового кода. Р. Белл пишет об определённых нормах поведения, которым «индивид должен в глазах окружающих в большей или меньшей степени следовать, причём некоторые из этих норм будут нормами языкового поведения – кодами соответствующего языка» [Белл 1980: 137]. Таким образом, политкорректность является следствием изменения этих норм и имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным меньшинствам [Комлев 2006: 279-280].

Некоторые американские исследователи полагают, что на развитие политической корректности большое влияние оказали высшие учебные заведения как центры науки и культуры. Ф. Беквит и М. Бауман определяют политическую корректность как сеть взаимосвязанных идеологических воззрений, которые подвергают сомнению основы университетского образования: традиционный учебный план, взгляды на объективность получаемых знаний, придавая значение культурным, гендерным, классовым и расовым различиям [Beckwith, Bauman 1993: 9].

Язык играет важную роль в политически корректном движении. Изменения в социальной, политической, культурной жизни общества оказывают влияние на картину мира его носителей, что в свою очередь находит отражение в системе языка. Такая значимость неудивительна, ведь язык – это средство общения, средство выражения мыслей. Он служит коммуникации, это главный, самый эксплицитный, самый официальный и социально признанный из всех видов коммуникативного поведения [Тер-Минасова 2000: 11]. По словам Э. Сепира, «язык является коммуникативным процессом в чистом виде в каждом известном нам обществе» [Сепир 1993: 211]. Как пишет С.Г. Тер-Минасова, «язык – зеркало культуры, в нём отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова 2000: 14].

Язык не только отражает когнитивную базу индивидуумов, но и способен оказывать на неё определённое влияние. Ф. Франк пишет, что язык сочетает в себе несколько функций. Как зеркало, он отражает общество и происходящие в нём социальные и культурные изменения. Люди используют его как орудие труда для общения друг с другом и передачи информации. И наконец, язык может быть использован как оружие определёнными группами людей, которые обладают силой и

властью, чтобы узаконивать свою систему ценностей. Таким образом, язык формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и многое другое, то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения [Frank 1989: 109].

Английский язык выполняет роль языка мирового общения, межкультурной коммуникации в современном мире. Межкультурную коммуникацию можно определить как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [Верещагин, Костомаров 1990: 26]. Для того, чтобы такое взаимопонимание действительно состоялось и коммуникация прошла успешно, язык должен отвечать потребностям разнообразных расовых и этнических групп, использующих его для совместного общения. Неудивительно, что феномен политической корректности зародился и получил своё развитие именно в англоязычном обществе и оказал влияние на английский язык, с помощью которого осуществляется международная и межкультурная коммуникация представителей различных национальностей.

Политическая корректность стремится избежать отношений, действий и, прежде всего, форм языкового выражения, которые заключают в себе предубеждение и могут вызвать чувство обиды у людей в зависимости от их пола, возраста, цвета кожи, расовой принадлежности или физического состояния [Oxford guide to British and American culture 2005: 367]. Таким образом, политически корректный язык тесно связан с понятием вежливости. Категория вежливости как один из важнейших аспектов коммуникации занимает особое место в дискурсивном анализе языка. Современные учёные уделяют ей большое внимание как неотъемлемой части человеческого общения. Эта категория может рассматриваться с точки зрения общих моделей поведения человека в процессе коммуникации; также анализируются конкретные проявления вежливости в данном речевом акте – это могут быть приветствия, выражения благодарности или сочувствия, поздравления, комплименты [Карасик 2002: 76].

В рамках лингвистической прагматики вежливость играет важную роль и определяется как коммуникативная стратегия, используемая в процессе речевого общения «для достижения самых разнообразных коммуникативных целей, в том числе для установления реальных или мнимых гармоничных межличностных отношений и поддержания коммуникативного баланса между собеседниками» [Цурикова 2002: 25].

Г. П. Грайс определяет вежливость как принцип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера. Этот общий принцип распространяется на все виды человеческой инте-

рации – как вербальной, так и невербальной. Следование принципу вежливости накладывает определенные ограничения на поведение членов общества, которое заключается в том, чтобы учитывать интересы партнера, считаться с его мнениями, желаниями, чувствами, облегчать, по возможности, возлагаемые на него задачи. Соблюдение данного принципа, в конечном счете, имеет целью добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет соблюдения социального равновесия и дружественных отношений [Грайс 1985: 245].

Согласно Дж. Личу, вежливость не просто отражает определенную точку зрения на социальные взаимодействия, которую принято идентифицировать с уважением, она предполагает своеобразные «усилия» со стороны партнеров, обеспечивающие успешность коммуникации. К этим специальным приемам, влияющим на выбор языковых средств и в том или ином словесном оформлении актуализируемым в конкретных речевых ситуациях, относится, например, ориентация на партнера, в частности, одобрение его известных или приписываемых ему положительных качеств. Также важную роль играет ослабление или эвфемизация социально-негативных моментов, чтобы не вызвать коммуникативной неудачи [Leech 1983: 248].

Свою теорию вежливости предлагают лингвисты П. Браун и С. Левинсон. Принцип вежливости предстаёт в их работе как основа человеческой коммуникации, причём его реализация зависит от конкретного общества и культуры. Основопологающим здесь является понятие «социального лица», которое Е. Гоффман определил как некий образ коммуниканта в глазах других участников общения, их представление о нём, которое формируется в процессе коммуникации и может меняться как в положительную, так и в отрицательную сторону [Goffman 1967: 5].

Браун и Левинсон вводят понятия «позитивного» и «негативного» лица участника общения. Под «позитивным лицом» понимается стремление человека быть понятым и одобренным окружающими, «негативное лицо» заключается в желании принимать решения и совершать действия независимо от других [Brown, Levinson 1987: 131]. Каждому коммуниканту присущи оба этих «лица», и он пытается достигнуть разумного баланса между ними с целью обеспечить успешное общение и взаимодействие с другими членами социума.

Л. В. Цурикова отмечает, что в соответствии с данным подходом «под вежливостью понимается использование адекватных дискурсивных стратегий для успешного достижения коммуникативных целей в процессе общения. При выборе этих стратегий коммуниканты опираются на социальные и контекстные параметры ситуации общения, оценивая их с точки зрения принятых в их культурном сообществе представ-

лений о приемлемых и неприемлемых формах взаимодействия» [Щурикова 2002: 29-30].

В рамках данной работы лингвистические аспекты политической корректности будут рассматриваться как нашедшие своё выражение в современном английском языке дискурсивные стратегии вежливости.

Сторонники политической корректности стремятся избегать употребления языковых единиц, которые могут задеть чувства и достоинство индивидуумов – представителей расовых и этнических меньшинств, женщин, людей разного возраста и состояния здоровья, положения в обществе и материального достатка. Слова и выражения, которые являются стереотипными или содержат негативную коннотацию, и тем самым могут помешать успешному процессу коммуникации, заменяются на соответствующие нейтральные или положительные эвфемизмы.

Политическая корректность зародилась в 80 – 90-е годы 20 века в Америке [Oxford guide to British and American culture 2005: 367]. Начало движению положили африканские носители языка, недовольные негативными коннотациями слова *black*. Под влиянием политкорректного движения это слово вместе с *Negro* было вытеснено из оборота, и его заменило нейтральное *African-American* или *Afro-American*. Из других примеров политически корректного обозначения расовых и этнических меньшинств можно привести *Native American* вместо *Red Indian*, и *Latin American* взамен *Hispanic*.

Движение активно поддержали феминистки [Тер-Минасова 2000: 216], боровшиеся за права женщин в общественной и политической жизни, но не оставляющие без внимания и возможную языковую дискриминацию. Среди изменений, инициированных сторонницами идей феминизма, можно привести введение в оборот обращения *Ms*. Оно является нейтральным, как и *Mr*, поскольку не определяет женщину как замужнюю (*Mrs*) или незамужнюю (*Miss*).

Ещё одной сферой внимания политической корректности стали обозначения людей пожилого возраста. Привычное прилагательное *old* было признано неполиткорректным, так как содержало неприятные ассоциации с одиночеством и болезнями. На смену ему пришло нейтральное *senior*, и словосочетание *old age pensioners* было заменено на *senior citizens*. Г. Бирд и К. Серф предлагают целый ряд синонимов: *mature, seasoned, longer-living, chronologically gifted, experientially enhanced* [Beard, Cerf 1993].

Политически корректную терминологию можно найти и среди языковых единиц, относящихся к людям с физически или умственно ограниченными возможностями. Некорректное *invalid* или *cripple* замещается нейтральным *differently abled* или *physically challenged*, вместо *retard*

появляется *mentally challenged*, а взамен *retarded children* политическая корректность предлагает *children with learning difficulties*.

Что же касается самого термина «политическая корректность», то некоторым исследователям и он представляется не полностью соответствующим идеям движения. С. Г. Тер-Минасова полагает, что термин является неудачным из-за слова «политическая», подчёркивающего рациональный выбор по политическим (а значит, неискренним) мотивам в противоположность искренней заботе о человеческих чувствах, стремлению к тактичности, к языковому проявлению хорошего отношения к людям. Тем не менее, попытка ввести термин языковой такт (*linguistic tact*) не имела успеха, поскольку движение уже достигло мирового размаха и термин стал привычным, устойчивым и заимствованным другими языками [Тер-Минасова 2000: 215]. Г. Бирд и К. Серф также говорят о том, что выражение *politically correct* более не является политкорректным по своей сути, и предлагают заменить его на *culturally sensitive, multiculturally unexceptionable* или *appropriately inclusive* [Beard, Cerf 1993].

Основой движения политкорректности является стремление уважать чувства и достоинство индивида, соблюдать его права во всех сферах жизни, включая языковую. Политкорректный язык избегает слов и выражений, которые могут обидеть или унижить человека, вызвать у него негативную реакцию. В сферу внимания политкорректности попали самые разнообразные слои современного общества – расовые и этнические меньшинства, женщины, пожилые граждане, люди с физическими и умственными недостатками. Лексические единицы, тем или иным образом их дискриминирующие, заменяются на нейтральные или положительные эвфемизмы. Таким образом, вежливость является неотъемлемой частью политкорректной идеологии.

Л и т е р а т у р а

- Белл Р.Т. Социоллингвистика. – М., 1980
Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М., 1990
Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16: Лингвистическая прагматика. – М., 1985
Карасик В. И. Язык социального статуса. – М., 2002
Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М., 2006
Сепир Э. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993
Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000
Трофимова З. С. Словарь новых слов и значений в английском языке. – М., 1993
Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2002
Beard H., Cerf C. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. – New York, 1993
Beckwith F. J., Bauman M. E. Are you politically correct?: Debating America's cultural standards. – N.Y., 1993

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge, 1987
Frank F. W. Language, Gender and Professional Writing: Theoretical approaches and guidelines
for nonsexist usage. – N. Y., 1989
Goffman E. Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. – N. Y., 1967
Leech G. Principles of pragmatics. – London, 1983
Oxford guide to British and American culture. – Oxford, 2005

Лексические маркеры авторитетности источника сообщения в специализированном финансовом дискурсе

© Н.И. Сухорукова, 2011

В настоящей статье описывается специализированная разновидность финансового дискурса, представленная аутентичными англоязычными финансово-аналитическими сообщениями, и ставится вопрос о ценности изучения указанного вида дискурса с точки зрения языка для специальных целей. Поскольку всеобъемлющий анализ даже такого узкоспециализированного вида дискурса невозможно уместить в рамках одной статьи, в данной публикации мы ограничимся категорией авторитетности как одной из важнейших для коммуникации в профессиональной финансовой сфере и рассмотрим лексические средства дискурсивного воздействия, основная функция которых – указывать на авторитет источника сообщения.

Предмет настоящего исследования весьма специфичен, и его название – специализированный финансовый дискурс – мало что скажет широкой аудитории. Материалом для исследования послужили *аутентичные англоязычные финансово-аналитические сообщения*, выпускаемые на регулярной основе рядом глобальных инвестиционных банков и фондов, базирующихся в США и Великобритании.

Очевидно, что главной темой этих сообщений является некий финансовый анализ, а именно, анализ рынка. Это в высшей степени специализированная деятельность, которая осуществляется относительно узкой группой экспертов-аналитиков, как правило, имеющих профессиональное образование в сфере финансов. В некоторых других случаях авторами выступают либо экономисты, либо профессиональные инвесторы, непосредственно заинтересованные и/или участвующие в принятии инвестиционных решений.

Предмет анализа рынка варьируется и может включать как все рынки в совокупности (финансовые рынки: фондовый, валютный, рынок долговых обязательств; товарно-сырьевые рынки и так далее), так и анализ состояния отдельно взятой компании на рынке, которая рассматривается как потенциальный объект инвестирования.

Именно эта деятельность – анализ рынка – находит выражение в письменных финансовых сообщениях различного размера, выпускаемых с различной периодичностью: от кратких ежедневных аналитических комментариев о текущем состоянии рынка до пространных детали-

зированных ежеквартальных, полугодовых или годовых отчетов и «стратегий». На основе своих письменных сообщений авторы часто делают устные презентации, например, на специализированных теле- и радиоканалах.

Вышеописанные материалы имеют три общих черты, которые объединяют все финансово-аналитические сообщения в единый жанр и перечислены ниже в порядке возрастания значимости:

1. *Метод распространения.* Большинство сообщений распространяются по подписке ограниченному числу подписчиков (клиентам и контрагентам компаний, выпускающих эти сообщения). Поскольку анализ рынка производится экспертами для профессиональных участников рынка, *метод распространения автоматически исключает непрофессионалов, что создает атмосферу элитного профессионально сообщества.* В этом состоит основное отличие рассматриваемых материалов от во многом похожих на них публицистических текстов экономической тематики (таких, например, как статьи журнала *The Economist* или газеты *The Financial Times*, посвященные анализу рынка).

2. *Периодичность и актуальность.* Сообщения выпускаются часто и регулярно с целью информировать целевое сообщество и дать объяснение происходящим на рынке событиям. В большинстве случаев сообщения выпускаются ежедневно, еженедельно или ежемесячно, что помогает авторам поддерживать практически непрерывный контакт с получателями информации. Это важно, поскольку авторы сообщений анализируют события, которые произошли только что или происходят в настоящий момент, и вынуждены действовать *в условиях неопределенности, незавершенности, стихийности, взяв на себя ответственность* за взгляды, которые они выражают.

3. *Общая коммуникативная функция финансово-аналитических сообщений.* Цель создания и распространения финансово-аналитических сообщений двояка и включает в себя как эксплицитную, так и имплицитную составляющие. Непосредственная коммуникативная функция (интенция) связана с чисто финансовой деятельностью и нацелена на решение, прежде всего, узкой утилитарной задачи, а именно – *обеспечить инвесторам необходимую информационную базу для их инвестиционных решений и/или дать необходимые рекомендации относительно того, как нужно действовать на рынке в тот или иной момент.* Однако эта функция может быть рассмотрена и шире – как *образовательная, просветительская*, ведь, в конечном итоге, финансовые аналитики ставят своей задачей не предоставить готовые решения, а научить профессиональных участников рынка самим ориентироваться в информацион-

ном потоке и делать более или менее правильные выводы исходя из ситуации.

Имплицитная же функция, по сути, ближе к сфере маркетинговых коммуникаций, нежели финансов, и заключается в том, чтобы *привлечь клиента, сохранить его лояльность, завоевать его доверие и убедить его следовать советам данного конкретного автора*. Таким образом, посредством создания финансово-аналитических сообщений их авторы продвигают на рынке представляемые ими компании, и, в конечном итоге, укрепляют свою собственную репутацию.

Объединяет же эти две интенциональные составляющие финансово-аналитических сообщений необходимость *утвердить авторитет их автора* (индивидуального или коллегиального), продемонстрировать его компетентность, профессионализм и превосходство над прочими авторами, создающими аналогичные сообщения. Авторитетность сообщения важна как для эксплицитной функции информирования и образовывания (где необходимость преподавательского авторитета и авторитета источника информации очевидна), так и для имплицитной функции продвижения, которая, по сути своей, заключается в утверждении и укреплении авторитета автора и его компании на рынке.

Нельзя не отметить также, что анализ рынка должен принимать во внимание всевозможные микро- и макроэкономические факторы, как то: данные о политической и социальной ситуации, результаты демографических исследований и т. п.. Благодаря этому финансово-аналитические сообщения можно рассматривать не только как узкоспециализированные тексты, но и как источник информации, ценной практически для любых сфер бизнеса и, более того, интересной для всех экономически грамотных людей.

В терминах же LSP (Languages for Specific Purposes или «языков для специальных целей») это означает, что язык финансово-аналитических сообщений может использоваться как инструмент для широкого круга профессионалов.

Последний аргумент также подкрепляется тем фактом, что, согласно классификации словарного состава языка делового общения, разработанной профессором Т.Б. Назаровой и ее учениками, в текстах специализированных финансовых сообщений могут быть выделены все четыре страты, а именно: слова общего языка (General English words); общеупотребительная лексика английского языка делового общения (General Business English vocabulary); общеупотребительная терминология английского языка делового общения (General Business English terminology); специализированная отраслевая (в данном случае – финан-

совая) терминология (Specialized financial terminology) ¹. Приведем несколько примеров для каждой из перечисленных выше страт²:

1. слова общего языка (*General English words*), употребление которых не ограничивается контекстами делового общения: to buy, to sell, to change, to report, to help, to sort out;

2. общеупотребительная лексика английского языка делового общения, единицы которой создают официально-деловой стиль и имеют нейтральные эквиваленты в первой страте: to purchase, to acquire (= to buy в общеупотребительном языке), to facilitate (= to make easier), to exchange (= to change one thing for another), to deal (= to take part in / to be concerned with), to settle (= to agree to pay);

3. общеупотребительная терминология английского языка делового общения, составляющая «понятийную основу делового мира и <служащая> «взаимным кодом», объединяющим разные и весьма отличные друг от друга области предпринимательской деятельности» [Назарова Т.Б., 2004]: business, company, firm, corporation, market, assets, liabilities, premises, bid, bidder, target company, business objectives, stock, bond;

4. специализированная финансовая терминология, идентифицирующая и отделяющая финансовый сектор от прочих сфер деловой активности: venture fund, mutual fund, fixed income, FOREX market, PE (price to earnings ratio), IPO (initial public offering).

Таким образом, мы можем заключить, что специализированные финансово-аналитические сообщения представляют несомненный интерес для их исследования с позиций изучения и разработки «языков для специальных целей» (LSP), что главным образом связано с основной экс-

¹ Когда английский язык делового общения вычленяется в качестве подсистемы в рамках английского языка в целом, это представляет собой традиционный теоретический подход, используемый для того, чтобы сделать удобным его научное рассмотрение и описание. Это можно также соотнести с группой вышеупомянутых языковых явлений, которые традиционно называются «языки для специальных целей» и «английский язык для специальных целей» (LSP и ESP), которые обслуживают различные сферы профессиональной деятельности.

Английский язык делового общения как язык для специальных целей активно изучается учеными кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ в течение ряда десятилетий. Проводимое исследование, таким образом, продолжает эту работу, но посвящено одной из специализированных разновидностей английского языка делового общения.

² Здесь и далее примеры взяты из «Писем Гартмана» Денниса Гартмана («The Gartman Letter» by Dennis Gartman) – электронного финансово-аналитического комментария, выходящего ежедневно с 1987 года и распространяемого по закрытой подписке. Подробнее см.: http://www.thegartmanletter.com/about_us.htm

пlicitно выраженной информативно-образовательной коммуникативной функцией названных сообщений.

Имплицитная же функция финансово-аналитических сообщений – функция продвижения на рынке источника сообщения (автора, компании) как бренда – интересна уже с точки зрения дискурс-анализа. Именно в связи с изучением этой стороны специализированных финансово-аналитических сообщений понадобилось ввести термин «дискурс», не ограничиваясь понятиями «сообщение/ текст/ язык/ речь», – несмотря на то, что его использование в работе в целом и в заглавии в частности не приносит ясности в исследование, а скорее наоборот, вызывает целый ряд вопросов. Как уже неоднократно отмечалось в работах, посвященных теории дискурса, понятие дискурса в современной лингвистике (и других отраслях человеческого знания, где оно также стало популярным) является, вероятно, наиболее неопределенным, и общепризнанного синтетического определения дискурса пока не существует.

В настоящей работе мы понимаем дискурс, прежде всего, «как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего, и намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [Бенвенист Э.]. Более того, в самом широком смысле дискурс рассматривается нами как «форма рассуждения», заданная рядом «мифологических и метафизических допущений, связанных с ними установок, посылов и интенций». Дискурс «структурирует движение мысли, задает ее направление и последовательность этапов развертывания, обуславливает подбор аргументов, символов, образов, метафор, банальностей и клише, ...допускает или отсекает определенную лексику и стилистику речи, риторические приемы и фигуры речи, вплоть до фигур умолчания» [Яковлева Л.И.]

Предложенный Ю.В. Рождественским в рамках риторики термин «речедействие» как нельзя лучше отражает сущность дискурса: соединение речи и последующего действия, и определяет предмет настоящего исследования. «Коммуникация – процесс взаимной координации деятельности через посредство вербальных и невербальных знаковых систем, вырабатываемых и изменяемых в самом процессе» [Матурана У.]. Коммуникационный процесс предполагает создание сферы совместных действий, консенсуальной дискурсивной (или знаковой) сферы. «Успешность и последствия коммуникации зависят во многом от того, насколько участники коммуникативного процесса *доверяют получаемой информации*, насколько их предыстория (память, знания, статусы, мифология, предвзятости и т.п.) позволяет им совершить предлагаемое совместное действие» [Кашкин В.Б.].

Все вышесказанное как нельзя более релевантно для специализированного финансового дискурса: отправитель сообщения (говорящий) – это профессиональный аналитик; получатель (слушающий), он же – конечный потребитель «аналитики», – это профессиональный участник рынка (трейдер, портфельный управляющий, инвестор), который в условиях полной неопределенности и стихийности рынка должен брать на себя полную ответственность, и здесь и сейчас принимать конкретные решения, которые могут как обогатить его, так и полностью разорить. Говорящий же волен выбирать между двумя *поведенческими стратегиями*: он может либо полностью снять с себя всякую ответственность за совершаемые получателем сообщения в результате коммуникации действия, обозначив свою функцию как сугубо «образовательную» (ее мы уже определили выше), либо выйти за рамки информирования и «образовывания» слушающего и прямо или косвенно давать конкретные рекомендации, таким образом становясь «соучастником» последующего за речью действия.

Однако остается открытым вопрос о возможностях и мере дискурсивного воздействия. Одно высказывание, один дискурсивный ход приводит к ожидаемым последствиям, а другой нет. Одним словам мы верим больше, а другим не верим совсем. Одним и тем же словам в исполнении какого-то лица мы верим и действуем в соответствии со сказанным, а в исполнении кого-то другого те же самые слова не оказывают на нас никакого влияния.

Один из аспектов потенциала дискурсивного воздействия составляет большая или меньшая *авторитетность сообщения* (источника, отправителя этого сообщения). Как уже отмечалось в самом начале статьи, категория авторитетности является одной из важнейших для дискурсивного процесса и коммуникации: через нее взвешивается степень влияния слов на коммуникативные последствия, а также укрепляется либо ослабляется возможность этого влияния со стороны взаимодействующих коммуникантов.

Категория авторитетности развернута в сторону как прошлого, так и будущего: с одной стороны, высказывание отягощено историей, впитав в себя предыдущие контексты, оно обладает «ретенцией» [Гуссерль Э.]. С другой стороны, каждое высказывание укрепляет либо ослабляет авторитет коммуниканта, содержит в себе прогноз будущих контекстов и действий, обладает протенцией. Коммуниканты вынуждены осуществлять «торговлю», сопоставляя взаимные претензии, в частности, на большую авторитетность, на большую близость к истине, вырабатывая взаимоприемлемые действия и отношения, и, стремясь подчинить про-

цесс общения своей власти, добиться «дивидендов» в свою пользу. В результате этой борьбы одни авторы становятся общепринятыми авторитетами, их читают, к ним прислушиваются, их мнения определяют последствия коммуникации, в то время как другие оказываются за бортом, производя сообщения, для которых не находится реципиентов.

Хотя любое высказывание в той или иной мере связано с авторитетностью, выделяется отдельный класс *дискурсивных – и шире – коммуникативных средств*, основной функцией которых является указание на авторитет источника сообщения. Эта группа метакоммуникативных маркеров включает как *вербальные* (дискурсивные маркеры типа вводных фраз, ссылок, вставных текстов, цитат), так и *невербальные* (гербовая печать, подпись, логотип и тому подобные) знаки авторитетности.

Вербальные (текстовые, дискурсивные) маркеры авторитетности могут быть как прямыми, так и косвенными. Прямое указание на авторитет осуществляется посредством словесных и фразовых средств, в которых указан источник сообщения, авторитетность которого маркируется. Косвенное указание выражается через рассыпанные в тексте сравнения, оценки, ссылки на мифологемные стандарты и так далее.

Авторитетным может быть только источник, отправитель сообщения, коммуникант. Маркеры авторитетности сообщения косвенным образом также указывают на авторитетность коммуниканта. Авторитетный коммуникант, в конечном итоге, – отдельная личность, автор текста. В то же время социальный аспект коммуникации приводит к появлению мифологизированных коллегиальных отправителей, и, соответственно, выделяются маркеры авторитетности конкретного и обобщенного отправителя.

Дискурсивные средства, используемые для маркирования авторитетности, включают словесные (универбы, коннотации как часть семантики слова, словосочетания), фразовые (например, вводные предложения типа: *Как считает группа ученых университета N...*), текстовые (нарратив, позволяющий сделать вывод об авторитетности и доверии), интертекстовые (ссылка на прецедентный текст), интонационные и фонетические (ударение).

В настоящей статье мы подробно остановимся на косвенном указании на авторитет источника сообщения посредством лексических средств воздействия дискурса.

В специализированном финансово-аналитическом дискурсе степень авторитетности коммуниканта устанавливается согласно его выбору одной из двух вышеописанных поведенческих стратегий, определяю-

щихся, главным образом готовностью – неготовностью автора сообщений (по крайней мере, на словах) брать на себя ответственность за последующие за коммуникативным актом действия получателя сообщений. Последний, в свою очередь, признает авторитет за теми авторами, которые не бегут от ответственности, прячась за так называемой «страховочной сеткой» или «сеткой безопасности» (*safety net*): системой сдержанных формулировок (выраженных при помощи мейозиса, т.е. *understatement*), согласно которой, в частности, понятные всем участникам фондового рынка рекомендации «*buy / sell / hold*» (покупай / продавай / держи (актив)) трансформировались в куда более неоднозначные «*underweight / overweight / neutral weight*» (больше веса в индексе/ меньше веса в индексе/ нейтрально).

Очевидно, что приверженцы «безрисковой» стратегии будут придерживаться максимально нейтрального стиля изложения, прибегая – помимо вышеупомянутой «страховочной сетки» – к системе маркеров отказа от ответственности (*disclaimers*). В оппозицию им те авторы, которые по той или иной причине решаются взять на себя ответственность за последствия коммуникации, выражаются предельно категорично и используют все доступные им средства дискурсивного воздействия. Таким образом, те сообщения, которые воспринимаются целевой аудиторией как наиболее авторитетные, содержат эксплицитно выраженный *экспрессивно-эмоционально-оценочный компонент*, а оппозиция «*авторитетность vs. неавторитетность*» источника сообщения в специализированном финансовом дискурсе становится прямо пропорциональна оппозиции «*выразительность vs. невыразительность*» этого сообщения. Дискурсивными маркерами категории авторитетности, в свою очередь, становятся практически все средства воздействия дискурса.

Как и в научном дискурсе, использование элементов *образности* в специализированном финансово-аналитическом дискурсе указывает на стремление автора повысить авторитетность изложения материала. Запоминающиеся (и ставшие уже знаменитыми) образы, которые с незапамятных времен и до наших дней создавались как часть эвристики, можно найти практически в любой области человеческого знания, от философии до квантовой механики: в качестве примера достаточно вспомнить «пещеру Платона» и «кота Шрёдингера». Образы эти не только послужили способом передачи знания, но и глубоко укоренились в западной культуре, став объектами многочисленных аллюзий. Неудивительно, что способность создавать удачные образы становится одной из базовых характеристик авторитетного автора. Как было отмечено

выше, одна из коммуникативных функций финансово-аналитических сообщений – образовательная, просветительская, и финансовому аналитику, как хорошему преподавателю, помимо стройного логического ряда, воздействующего на рассудочный уровень, нужен еще и образный ряд, воздействующий на уровень интуитивного познания.

Воздействие дискурса на получателя обеспечивается разноуровневыми языковыми средствами: фонетическими, лексическими, синтаксическими и невербальными. Единство текста обеспечивается комплексом таких средств, направленных на выражение ведущей (доминантной) функции, в данном случае – функции указания на авторитет источника сообщения. Лексические же средства достижения выразительности и создания образности, как правило, связаны с использованием переносного значения слова либо с использованием лексем из определенных лексико-семантических полей.

Так, анализируя уже упомянутые нами выше «Письма Гартмана» на лексическом уровне, мы находим эмоционально-экспрессивно-оценочно маркированные лексические единицы; образность же изложения достигается посредством использования практически всех известных видов тропов:

1. *Сравнения* используются часто и служат для усиления эффекта сказанного и создания образности: *To that end we note this morning that businesses have been working their employees like virtual slaves of late if we are to believe the recent sharp rise in overtime as reported by the Conference Board.* В этом примере автор подчеркивает свое мнение о том, что, если верить опубликованной Национальным советом ассоциации общественного мнения США статистике насчет недавнего резкого увеличения часов сверхурочной работы, придется считать, что предприятия обходятся со своими сотрудниками почти как с рабами. Если бы автор подробно объяснил свою точку зрения, это было бы гораздо менее интересно и убедительно, чем использование такого яркого стилистического приема.

2. *Эпитеты, атрибутивные и предикативные*, как правило, служат интенсификаторами признака и усиливают категоричность высказываний автора, подчеркивая его уверенность в себе и в собственной позиции в отношении описываемых фактов:

Атрибутивные эпитеты: *The range of “guess-timates” for today’s non-farm payrolls is from +150 thousand to +700 thousand and these are shockingly diverse figures. // President Chavez has stepped up his leftist rhetoric and has raised yet again the possibilities of full scale nationalization of the Venezuelan public sector.*

Предикативные эпитеты: *This is, in our opinion, unprecedented and it makes us uncommonly uneasy in the process. // ...the effect of the census hiring will be impossibly large. // To this end the currency crosses in which we have been rather heavily involved have become rather egregiously over-extended in our favour.*

3. Олицетворения также многочисленны, служат для создания образов, а также эффекта высокого стиля изложения, менторского тона: *Confusion reigns. // Mother Nature is fickle and she's been uncommonly so in the Canadian prairies this spring. // The markets are nervous.*

4. Эфемеризмы используются для перехода на менее формальный уровень общения, интимизации сообщения вплоть до степени панибратства с получателем сообщения: *Do your patriotic duty: go procreate, darn it!*

Сюда же можно отнести примеры *мейозиса* (*understatement*), который, как правило, используется иронически: *Mr. Lockhart is not a voting member of the FOMC this year, so his comments can be soft-pedaled just a bit. // We are at best apathetic toward equity investment at this point, and if pushed we can be called even slightly bearish of that investment.*

5. Многочисленны примеры *литот*, которые, как и мейозис, используются в основном иронически: *Turning then to the precious metals, needless to say we are a bit dismayed to see gold weaken in US dollar terms.*

6. *Гиперболы* являются одним из самых очевидных маркеров авторитетности источника сообщения, максимально усиливая категоричность высказываний автора: *Ottawa used any and all means available to it to avoid this. // Then yesterday a supposed e-mail from a ranking White House official said that all off shore drilling had to stop, catching the markets off guard, sending crude oil and nat-gas prices skyrocketing and sending the driller stocks plunging.* Гиперболизация такого рода (*sending prices skyrocketing; any and all means available; sending the stocks plunging*), хотя и носит явно выраженный оттенок стиля сенсационной журналистики, не может не привлекать внимание яркостью своих образов.

7. *Оксоморон* помогает автору подчеркивать неординарность собственных ходов мысли, рассуждения: *The need to sell Yen seems almost shockingly evident... almost too commonsensical...// We shall make the seemingly insane statement here this morning that we can readily understand how it must be that the Yen/Dollar cross has to be trading...*

Наибольший же интерес с точки зрения категории авторитетности источника сообщения представляют случаи использования *метафоры* и *иронии*. Первая является одним из основных лексических средств создания образности, о значении которой для передачи авторитетности ком-

муниканта говорилось выше. Второй троп – *ирония* – пожалуй, самое традиционное средство передачи авторитетности источника, поскольку позволяет подчеркивать превосходство автора над всеми коллегами по цеху.

Приведем пример лаконичной метафоры: *The smartest people we knew were short of the Yen... and they were carried out on the shields in the shorting of that market.*

А вот более развернутый метафорический образ, не лишенный также и иронического оттенка: *If we must put forth a "guess" on today's number, we shall, but only after being fitted with the proper blindfold and the dart board has been set off in the distance. Thus blind-folded and aimed, we "hit" upon +250 thousand for non-farm payrolls; upon -0.1 % for the unemployment rate's change; and upon +0.2 hours worked. Our confidence in these "guesses?" It borders upon zero; your confidence in them should be even lower.*

Ирония – самый часто употребляемый в «Письмах Гартмана» оборот речи. Функции его в финансово-аналитическом дискурсе различны. Это и принижение конкурентов, и собственное возвеличивание над ними: *The always interesting, keenly insightful, historically well informed and inordinately wise Mr. Jeffrey Christian of the CPM Group...* Это и выражение недоверия к чужим источникам информации, и утверждение истинности собственных суждений: *One of our chief concerns is that the census hiring is so utterly prone to governmental mischief that we would prefer not having that hiring counted in the numbers. Ah, but we are not the ones that make these decisions, and all we know is that reports are rampant of mischief in this figure as census workers are hired, then fired then re-hired again, thus "creating" two jobs when only one was truly created.*

Помимо тропов, дискурсивными маркерами категории авторитетности сообщения служит еще ряд лексических средств.

Так, например, интересно использование *оказионализма* (*portmanteau word*) *"guess-timate"* (имени существительного и глагола), означающего приблизительные или прикидочные вычисления (от *estimate* – вычислять/ расчеты и *guess* – угадывать/ прикидывать/ догадка). Слово используется для того, чтобы подчеркнуть ненадежность информации, исходящей из других (конкурентных) источников, и утвердить авторитет автора как человека, ни при каких обстоятельствах не пользующегося неподтвержденными данными: *We do not "guess-timate" this figure for it is really quite erratic in nature...// ...we cannot recall ever having seen a market fixate upon one economic report where The Street's "guess-timates" are as widely divergent as they are regarding this number as we are*

seeing today. // ...when those at the high and the low ends are manifestly certain of their guesstimates we are left on the sidelines crying "foul!" // ...even then we take those guess-timates with large grains of trading salt.

В предпоследнем примере мы видим также использование лексики, принадлежащей другому лексико-семантическому полю, а именно, спортивному регистру: *we are left on the sidelines crying "foul!"*, посредством чего автор устанавливает неформальные отношения с целевой аудиторией, большую часть которой составляют мужчины в возрасте от 25 до 45 лет, а что может быть для них более объединяющим и располагающим к доверительным отношениям, чем спорт? Можно сказать, что здесь Деннис Гартман заигрывает с публикой, но все с той же целью повысить авторитетность сообщений. Специалисты по PR выделяют 6 методов убеждения, один из которых – приязнь: людей легко убеждают те, кто им нравятся. Поэтому авторитетные сообщения обладают такими характеристиками, как легкость для чтения и восприятия, налет шутливости, юмористичности, простота изложения, легкость стиля.

В последнем из приведенных примеров, помимо окказионализма *guess-timates*, мы встречаем пример деформации идиомы: *with a grain of salt => with large grains of trading salt*. Этот прием также является маркером авторитетности, так как подобное вольное обращение с языком может позволить себе только уверенный в себе создатель сообщения.

Таким образом, даже на небольшой выборке примеров мы видим, что лексические маркеры авторитета источника сообщения буквально пронизывают те тексты специализированного финансово-аналитического дискурса, создатели которых предпочли более ответственную и рискованную поведенческую стратегию.

Большое количество лексических маркеров авторитетности неслучайно: получатель сообщения должен быть абсолютно уверен в его источнике, в противном случае сообщение не представляет для реципиента никакой ценности. Сознательное же или неосознанное игнорирование авторами финансово-аналитических сообщений необходимости последовательно маркировать собственную авторитетность приводит к тому, что целевая аудитория начинает воспринимать таких коммуникантов как недостаточно компетентных, профессиональных, ответственных. Это, возможно, не представляет проблемы, когда авторы идут на это сознательно, избрав соответствующую поведенческую стратегию – для них важнее отсутствие карьерных и юридических рисков, чем высокие «дивиденды» от авторитета на рынке. Хуже, когда авторы, традиционно придерживающиеся максимально нейтрального и обезличенного стиля изложения (как было принято, например, в советской

науке и перешло в новую российскую науку), не осознают того, как их воспринимает целевая аудитория.

Это вновь возвращает нас к вопросам «языков для специальных целей» (LSP): можно заключить, что для языка, используемого в профессиональной финансовой сфере, наличие маркеров авторитетности источника сообщения является совершенно необходимым условием. Насколько бы ни была высоко специализированной и научной деятельность, связанная с анализом рынков, язык сообщений, создающихся в результате этой деятельности, должен включать в себя эмоционально-экспрессивно-оценочные компоненты и быть выразительным, поскольку это напрямую связано с маркированием авторитетности сообщения и коммуниканта. Разумеется, дискурсивные средства воздействия, связанные с категорией авторитетности источника сообщения, не ограничиваются лексическим уровнем, и в арсенале автора финансово-аналитических сообщений должны быть средства всех уровней, от фонетического до невербального – но это уже предмет для последующих публикаций.

Л и т е р а т у р а

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Изд. 4-е. – М., 2009.
2. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения: вопросы методологии. Изд. 2-е – М., 2008.
3. Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. – М., 1979.
4. Гвишиани Н. Б. Современный английский язык. Лексикология. – М., 2004.
5. Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. – М., 2010.
6. Матурана У. Биология познания / Пер. с англ. Ю. М. Мешенина // Язык и интеллект. – М., 1996.
7. Назарова Т.Б. Словарь общеупотребительной терминологии английского языка делового общения, 2-е издание, исправленное – М., 2006.
8. Назарова Т.Б. Кузнецова Ю.Н., Преснухина И.А. Словарный состав английского языка делового общения: Спецкурс под редакцией профессора Т.Б. Назаровой – М., 2006.
9. Назарова Т.Б. Английский язык делового общения. Курс лекций и практикум. – М., 2004.
10. Назарова Т.Б., Богородицкая В.А. Общеупотребительная бизнес-терминология в методологическом освещении. // Филологические науки, № 1. – М., 2010.
11. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. Издание второе. – М., 2009.
12. Филиппова М.М. Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 28. – М., 2004.
13. Шаховский В.В. Эмоции. Долингвистика. Лингвистика. Лингвокультурология – М., 2010.
14. Яковлева Л.И. Место и роль дискурса в метатеоретическом слое научного познания и социальных практиках // Философия и социальная теория. Сборник научных трудов. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2009.
15. Gartman D. The Gartman Letter L.C.– http://www.thegartmanletter.com/about_us.htm

Состояние современных систем машинного перевода с русского языка на арабский

© Альотаиби Султан Маджед (Королевство Саудовская Аравия), 2011

Ввиду огромного прогресса в области коммуникативных связей и информационной технологии, машинный перевод стал необходимым средством в современное время и важным компонентом в различных отраслях жизни. Он особо востребован в коммерческой сфере для продажи или рекламирования товаров. Будучи окном, сквозь которое мы смотрим на достигнутую современную технологию и научные знания у других народов, машинный перевод требуется также в области научных исследований. Мы не будем говорить о важности машинного перевода, мы будем говорить о поддержке научной практики на системы машинного перевода с арабского языка на русский и наоборот. Мы попытаемся в этом докладе проанализировать эти системы, понять и оценить их, затем предложить необходимые рекомендации для поддержки данных систем, с тем, чтобы повысить качество работы этих систем.

Что такое машинный перевод

Термин «машинный перевод» многозначен. За долгую историю использования он приобрел множество интерпретаций. Сначала этот термин подразумевал только автоматические системы, работающие без участия человека [Sager 1994: 326]. Европейская ассоциация машинного перевода дала следующее определение: «использование компьютера для перевода текста с одного естественного языка на другой язык» [EAMT]. А Международная ассоциация машинного перевода (IAMT) определяет машинный перевод как «единовременный ввод полного предложения и генерирование соответствующего ему полного предложения (не обязательно хорошего качества)» [Hutchins 2000].

Ни одно из этих определений не предполагает вмешательства человека. Другие авторы, например Arnold и др., допускают некоторое участие человека: «как попытку автоматизировать полностью или частично процесс перевода с одного естественного языка на другой». Определение, в котором упоминается какая-либо форма участия человека, чаще всего воспринимается как «расплывчатое» [Balkan 1992: 408]. Эта точка зрения перекликается с мнением Аркера, который считает, что академические ученые и исследователи до сих пор расходятся во взглядах на

определение машинного перевода в отношении участия человека в этом процессе. Но поскольку ничего нового пока не ожидается, этот термин продолжает использоваться для обозначения полностью автоматизированных систем пусть даже и с участием человека [Somers 2003: 1-11].

Какова цель перевода?

Цель перевода заключается в передаче знаний носителям определенного естественного языка представителями других культур. Перевод представляет собой открытое для всех окно, сквозь которое мы можем взглянуть на современные технологии во всем мире. Коммерческие компании пользуются этим для достижения первого места в конкуренции в плане продажи товаров. Перевод есть важнейший шаг к культурной коммуникации.

Некоторые факторы, влияющие на процесс перевода

Рассмотрим некоторые факторы, влияющие на качество машинного перевода в рамках рассматриваемой языковой пары, а именно русского и арабского языков.

Синтаксическая конструкция: синтаксис естественного языка играет большую роль в анализе входного предложения и построении выходного. Во-первых нужно знать, есть ли сходство между языком оригинала и языком перевода? Например, персидский язык сходится с арабским языком во многих конструкциях, но не сходится, например, с китайским языком. Между русским и арабским языками также существуют определенные различия в синтаксисе.

Культура: каждый народ имеет свое представление о реальности. Наш язык организует наш взгляд на все то, что нас окружает. Языковая картина мира рисует нам окружающий нас мир. Мы видим то, что на самом деле видит наш язык.

Особую роль в машинном переводе играют некоторые обстоятельства, которые с точки зрения человека вроде бы не столь существенны. Так, велика роль знаков препинания в машинном анализе и синтезе.

Знаки препинания: Знаки препинания в исходном тексте: если бы система машинного перевода учитывала существующие в исходном тексте знаки препинания, то вопрос перевода стал бы проще. Знаки препинания должны учитываться при составлении алгоритмов анализа и перевода.

Знаки препинания в тексте перевода: нужно использовать знаки препинания в тексте перевода. Они способствуют разделению текста на сегменты, что облегчает понимание переведенного текста.

Семантика, или содержание переводимого текста. В основном можно считать, что она отражается в теме текста. Понятие «тема» достаточно широко, поэтому в целях упрощения можно оперировать понятиями «определенный» текст или «неопределенный», т. е. с достаточно широким содержанием.

Тема: под этим понимается характер текста, т. е. какой аспект внешнего мира затрагивает содержание данного текста? Определенный или не определенный?

Определенный: например, текст о прогнозе погоды, о медицине и т. д.

Неопределенный: тут возникает проблема так называемая «перевод текстов неопределенного характера» – «Unrestricted domain translation». К такого рода текстам можно, например, отнести некоторые высказывания политических лидеров, экономические тексты, критические статьи и т.п.

Причины превосходства систем машинного перевода за рубежом над системами арабского производства

Ученые за рубежом уделяют особое внимание анализу родного языка в синтаксическом, морфологическом и семантическом планах. Они прошли долгий путь в этой области и получили значительные результаты. В число возможных причин превосходства некоторых систем могут входить следующие моменты:

1. Их исследования в области машинного перевода опередили арабские на 40 лет.
2. Они имеют высокий уровень в плане алгоритмизации языковых анализаторов.

Некоторые оценочные тесты для систем машинного перевода

В большинстве языков мира предложения разделяются на 2 группы:

1. Простые предложения, которые несут в себе один семантический смысл, несмотря на количество их составляющих. Например, *«вчера Иван поужинал дома»*. Тут в предложении говорится об одном факте – это действие, которое совершил Иван – «поужинал», несмотря на те

компоненты, которые указывают на время «вчера» и пространство «дома».

2. Сложные предложения, которые содержат больше двух семантических высказываний. Например, «Мой друг, который прилетел вчера вечером, поехал встретить своего старого друга».

Оценочные тесты имеют разные типы. Мы назовем 3 из них:

1. **Тесты на уровне уяснения значения слова:** некоторые слова имеют много значений. Выбор подходящего по смыслу значения определяет контекст, в котором оно употребляется. На правильный выбор значения слова влияют следующие факторы:

- Соседние слова в предложении. Нет сомнения в том, что соседние слова представляют собой важный фактор для определения значения слова. Перечисленные в словарях лексические единицы представляют собой лишь начальное звено бесконечной цепочки многочисленных значений и имеют лишь потенциальные значения (неактуальные). Эти значения становятся актуальными в определенном контексте [كريم زكي 2000: 101]. И только синтаксическим или семантическим контекстом определяется понимание значения того или иного многозначного слова [Панич 2007]. Как считает ученый лингвист Р. Д. Альталхи значения многозначных слов определяются лингвистическим и/или ситуативным контекстом [ردة الله 2003]. Современные системы машинного перевода, к сожалению, пока неспособны подбирать более подходящее к контексту значение. Решение проблемы лексической многозначности известный ученый-лингвист Ю.Н. Марчук видит в точном учете специфических особенностей предметного поля и лингвистического состава конкретных подязыков (т.е. областей, заведомо существенно меньших, чем вся система естественного языка). Для таких языковых общностей как подязыки возможно определять значение отдельных языковых единиц таким образом, что их совокупность (линейная комбинация) не противоречит идее цельного текста как такового. На этой теоретической основе была впервые выдвинута Ю.Н. Марчуком в 1976 г. идея создания контекстологических словарей для определенных типов текстов в рамках определенных семантических полей и подязыков, которые сегодня помимо контекстов употребления включают и толкование [Марчу

2007]. Идея контекстологического словаря и сам словарь описаны в работе Ю.Н. Марчука «Контекстологический словарь для машинного перевода многозначных слов с английского языка на русский» [Марчук 1976].

- Синтаксическая структура, которая не позволяет перенести одну часть предложения в другое место.

2. **Тесты на уровне безличных предложений:** например, «Лодку сносит к берегу». Это предложение было протестировано на разных системах онлайн-перевода, которые поддерживают русский и арабский языки. К сожалению, таких систем в интернете мало. Результаты были следующими (данный эксперимент был проведен 21.10.2010):

ImTranslator переводит данное предложение на арабский язык как: ضربات القارب إلى الضفة (бук. перевод: удары лодки к берегу). Очевидно, что перевод далек от смысла.

Google-переводчик выдает нам тот же самый результат: ضربات القارب إلى الضفة (бук. перевод: удары лодки к берегу).

Bing translator выдает нам более удачный результат, хотя эта программа еще находится на этапе испытаний. Результат был таков: يهدم القارب إلى الضفة (бук. перевод: он сносит лодку к берегу). Тут два замечания: 1) указание на производителя действия, которого на исходном тексте не существует; 2) неудачный выбор значения, более подходящего к данному контексту, чем все остальные значения у глагола «сносить». В исходном тексте глагол «сносить» употребляется в значении *сдвига с места какого-л. объекта с силой*, что соответствует в арабском языке слову جرف – [джарафа], однако система Bing translator в нашем случае использовала для перевода 4-ое значение: *разрушать, ломать* (هدم – [хадама]), что привело к искажению смысла в данном предложении. Приведем еще два примера: *Молнией ударило дерево* и *Вечереет*.

ImTranslator переводит данные предложения на арабский язык соответственно как: ضربت صاعقة شجرة (бук. перевод: молния ударила в дерево) и المساء (бук. перевод: вечер). Первое предложение было удачно переведено на арабский язык, а второе надо было перевести как حل المساء (бук. перевод: вечер наступил), а не как существительное.

Google-переводчик выводит нам те же самые результаты, которые система ImTranslator вывела на выход.

Bing translator переводит первое предложение на арабский язык как: البرق اصطدمت بشجرة (бук. перевод: молния врезался в дерево). Система здесь, как очевидно, не учитывает мужского рода слова «برق», а рассматривает его как слово женского рода, что привело к неправильному

склонению глагола «اصطدم»). Что касается второго предложения, то система, оказывается, не может найти соответствующий ему эквивалент в арабском языке.

3. Тесты на уровне соответствия слов в предложении по роду и числу:

- **Единственное число жен. и муж. рода:** приведем несколько примеров для тестирования: «*Мальчик идет в школу*», «*Девушка идет в школу*», «*Мой брат читает газету*». При переводе первых двух предложений на арабский язык все вышеуказанные системы перевода учитывают род и число существительных и спрягают глаголы согласно правилам арабского языка. Что касается последнего предложения, то обе системы (ImTranslator и Google-переводчик) выводят на экран следующий перевод: أَخِي قِرَاءَةُ الصَّحَفِ (бук. перевод: *Мой брат чтение газет*), т.е. вместо глагола «читать» представляется отглагольное существительное «чтение», а слово «газета» переводится во множественном числе. Система Bing translator предлагает лучший вариант, хотя для арабского слуха он считается окрашенным высоким стилем, что не соответствует тому стилю, на котором было построено предложение в исходном тексте: أَخِي يَقُومُ بِقِرَاءَةِ الصَّحَفِ (бук. перевод: *Мой брат совершает чтение газет*). Слово «газета» осталось без изменения. Все предлагаемые здесь системы переводят его во множественном числе.

- **Множественное число жен. и муж. рода:** например, «*Женщины устали*» и «*мужчины устали*». При переводе данных двух предложений система Bing translator рассматривает глагол «устать» как существительное «усталость», в результате чего не только выдается неправильный эквивалент, но и сам смысл искажается: النِّسَاءُ هُنَّ التَّعَبُ (бук. перевод: *Женщины есть усталость*), الرِّجَالُ هُمْ التَّعَبُ (бук. перевод: *Мужчины есть усталость*). Системы ImTranslator и Google-переводчик предлагают другой вариант: الْمَرْأَةُ تَعَبُوا (бук. перевод: *Женщина устали*), الرِّجَالُ مَتَّعِبُونَ (бук. перевод: *Мужчины устали*). Первое предложение было переведено без учета множественного числа слово «женщина». Кроме того, обе эти системы склоняют глагол «устать» в отношении к мужскому роду, а не женскому. Что касается второго предложения, то данные системы его удачно перевели на арабский язык.

З а к л ю ч е н и е

Машинный перевод является важной технологией в самых различных планах: социально-политическом, коммерческом и научном. Однако системы машинного перевода на арабском рынке до сих пор не получили подробной и детальной оценки, которая могла бы быть полезной для пользователей или самих разработчиков. Поэтому надо было оценить данные имеющихся систем. Правда, рассмотрение данного вопроса в нашем докладе было как рассмотрение черного ящика в некоторой степени, т.е. нам неизвестно, какие алгоритмы и анализаторы используются в этих системах. Находятся ли они на этапе испытаний? Несмотря на некоторые представления об успехах или неудачах систем машинного перевода, мы высоко оцениваем прилагаемые усилия в этой области, без которых было бы невозможно достичь высокого уровня эффективности работы данных систем. Настоящее исследование является только первым и начальным этапом исследования основных характеристик действующих систем машинного перевода в данной языковой паре. По мере накопления и более детального анализа ошибок действующих систем можно будет сформулировать более подробные рекомендации относительно учета и алгоритмического построения соответствующих алгоритмов.

Л и т е р а т у р а

1. Balkan L. Translation Tools // META. – 1992. 37(3). – P. 408-420.
2. European Association for Machine Translation EAMT <http://www.eamt.org/mt.html>.
3. Hutchins W. J. The IAMT Certification Initiative and Defining Translation System Categories // Proceedings of 5th EAMT Workshop, Slovenia, 2000. <http://ourworld.compuserve.com/homepages/WJHutchins/IAMTcert.html>. April 2002.
4. Sager J.C. Language Engineering and Translation: Consequences of Automation. – Amsterdam: John Benjamins, 1994.
5. Somers H. L. Introduction // Computers and Translation: A Translator's Guide / H.L. Somers (Ed.) – Amsterdam: John Benjamins, 2003. – P. 1-11.
6. Марчук Ю.Н. Контекстологический словарь для машинного перевода многозначных слов с английского языка на русский. – М.: ВЦП, 1976. Часть 1.
7. Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007.
8. Панич Ю.В. Универсальное смысловое кодирование исходного текста и его перевод с использованием системы согласованных словарей (I,II) <http://www.elektron2000.com> 2007.
9. ردة الله بن ردة بن ضيف الله الطلحي. دلالة السياق. جامعة ام القرى. مكة المكرمة, 2003
10. كريم زكي حسام الدين. التحليل الدلالي: إجراءاته ومناهجه. الجزء الأول. دار غريب. مصر, 2000. □

ЛИНГВОСТИЛИСТИКА

Идиоматичность, символизация и аллюзивность в произведениях С. Моэма

© кандидат филологических наук А.А. Изотова, 2011

Целью настоящей статьи является рассмотрение и анализ употребления идиом и символов в романе С. Моэма «Разрисованный занавес», а также изучение аллюзий в повести «Тесный угол».

В романе «Разрисованный занавес» («The Painted Veil») употребление идиом является широко распространённым стилистическим приёмом характеристики персонажей.

Так, главная героиня романа Китти Гарстин, получившая хорошее воспитание в семье, но не очень образованная молодая женщина употребляет идиомы в их словарной форме (в приводимом далее примере идиому *It rains cats and dogs* 'льет как из ведра'):

Kitty was lively; she was willing to chatter all day long and she laughed easily. His silence disconcerted her. He had a way which exasperated her of returning no answer to some casual remark of hers. It was true that it needed no answer, but an answer all the same would have been pleasant. If it was raining and she said: "It's raining cats and dogs," she would have liked him to say: "Yes, isn't it?" He remained silent. Sometimes she would have liked to shake him.

"I said it was raining cats and dogs," she repeated.

"I heard you," he answered, with his affectionate smile.

Напротив, возлюбленный Китти Чарлз Таунсенд, образованный человек, занимающий высокий пост и имеющий видное положение в обществе, всегда обыгрывает идиомы в своей речи:

"After all, he wouldn't be the first man who's shut his eyes in a case of this sort. What has he to gain by making a row? If he'd wanted to make a row he would have insisted on coming into your room." His eyes twinkled and his lips broke into a broad smile. "We should have looked a pair of damned fools."

"I wish you could have seen his face last night."

"I expect he was upset. It was naturally a shock. It's a damned humiliating position for any man. He always looks a fool. Walter doesn't give me the impression of a fellow who'd care to wash a lot of dirty linen in public."

В данном примере обыгрывается идиома «wash one's dirty linen in public» (перемывать грязное бельё, выносить сор из избы). Значение идиомы усиливается за счет приёма вклинивания (ввода элемента «a lot»). Это показывает, что муж Китти Уолтер Фейн совсем не хотел бы, чтобы отношения его жены и Чарлза стали известны в обществе.

Обратимся к другому примеру:

"Naturally I couldn't foresee that we were going to get into such a devil of a scrape."

"And in any case you had a pretty shrewd idea that if any one suffered it wouldn't be you."

"I think that's a bit thick. After all, now it's all over, you must see I acted for the best for both of us. You lost your head and you ought to be jolly glad that I kept mine. Do you think it would have been a success ^f I'd done what you wanted me to? We were dashed uncomfortable in the frying-pan, but we should have been a damned sight worse off in the fire. And you haven't come to any harm. Why can't we kiss and make friends?"

She almost laughed.

"You can hardly expect me to forget that you sent me to almost certain death without a shadow of compunction?"

В сцене встречи Чарлза Таунсенда и Китти Гарстин после её возвращения из области эпидемии чумы Чарлз обыгрывает идиому «out of the frying-pan into the fire» (из огня да в полымя), чтобы сообщить, что всё не так уж плохо и можно примириться друг с другом; при этом лёгкость и беспечность его тона оскорбляют Китти.

Нередко идиомы в романе используются с целью описания чувств и эмоций героев. Так, например, чтобы показать всё возрастающее раздражение и недовольство матери Китти миссис Гарстин из-за того, что её дочь остаётся незамужней в 25 лет и отцу приходится тратить больше суммы на её содержание, обыгрывается с помощью вклинивания элементов «very unpleasant» идиома «give somebody a piece of one's mind» (откровенно высказать кому-либо своё неодобрение; бранить, упрекать кого-либо).

Обратимся к другому примеру:

But he was still a junior and many younger men than he had already taken silk. It was necessary that he should too, not only because otherwise he could scarcely hope to be made a judge, but on her account also; it mortified her to go in to dinner after women ten years younger than herself. But here she encountered in her husband an obstinacy which she had not for years been accustomed to. He was afraid that as a K. C. he would get no work. A bird in the hand was worth two in the bush, he told her, to which she retorted that a proverb was the last refuge of the mentally destitute. He suggested to

her the possibility that his income would be halved and he knew that there was no argument which could have greater weight with her. She would not listen. She called him pusillanimous. She gave him no peace and at last, as always, he yielded. He applied for silk and it was promptly awarded him.

В данном контексте миссис Гарстин обсуждает со своим мужем его карьеру и работу. При этом, в передаче слов Бернарда Гарстина автором, он использует пословицу «a bird in the hand is worth two in the bush» (не сули журавля в небе, а дай синицу в руки), на что миссис Гарстин реагирует бурным негодованием, сообщая, что пословицы – это последнее прибежище умалишённых.

Рассмотрим ещё один пример:

He came into the room: her heart was beating wildly and her hands were shaking; it was lucky that she lay on the sofa. She was holding an open book as though she had been reading. He stood for an instant on the threshold and their eyes met. Her heart sank; she felt on a sudden a cold chill pass through her limbs and she shivered. She had that feeling which you describe by saying that some one was walking over your grave. His face was deathly pale; she had seen it like that once before, when they sat together in the Park and he asked her to marry him. His dark eyes, immobile and inscrutable, seemed preternaturally large. He knew everything.

В главе романа, из которой приведён отрывок, имплицитно показан тот факт, что муж Китти Уолтер Фейн знает о её неверности. В данном примере для того, чтобы подчеркнуть, как сильно Китти напугана, автор использует идиому «somebody walking on my grave» (что-то меня дрожь пробирает).

Символы в романе также используются как важный стилистический приём и служат средством раскрытия персонажа.

Обратимся к примерам:

The morning drew on and the sun touched the mist so that it shone whitely like the ghost of snow on a dying star. Though on the river it was light so that you could discern palely the lines of the crowded junks and the thick forest of their masts, in front it was a shining wall the eye could not pierce. But suddenly from that white cloud a tall, grim, and massive bastion emerged. It seemed not merely to be made visible by the all-discovering sun but rather to rise out of nothing at the touch of a magic wand. It towered, the stronghold of a cruel and barbaric race, over the river. But the magician who built worked swiftly and now a fragment of coloured wall crowned the bastion; in a moment, out of the mist, looming vastly and touched here and there by a yellow ray of sun, there was seen a cluster of green and yellow roofs. Huge they seemed and you could make out no pattern; the order, if order

there was, escaped you; wayward and extravagant, but of an unimaginable richness. This was no fortress, nor a temple, but the magic palace of some emperor of the gods where no man might enter. It was too airy, fantastic, and unsubstantial to be the work of human hands; it was the fabric of a dream.

The tears ran down Kitty's face and she gazed, her hands clasped to her breast and her mouth, for she was breathless, open a little. She had never felt so light of heart and it seemed to her as though her body were a shell that lay at her feet and she pure spirit. Here was Beauty. She took it as the believer takes in his mouth the wafer which is God.

В данном случае описывается видение облаков и небес, и их восприятие Китти. Особый интерес представляют фразы «this was no fortress, nor a temple, but the magic place of some emperor of the gods where no man might enter» (это было не похоже ни на крепость, ни на храм, но на волшебный приют божества, куда не мог ступить человек). Следует также обратить внимание на фразу «as though her body were a shell and she pure spirit» (как будто её тело было просто оболочкой, а она сама превратилась в чистый дух).

Приведённый контекст символизирует перелом в душе Китти, из ординарной девушки с ограниченными интересами она превращается в возвышенного человека, тонко чувствующего красоту и божественность происходящего.

Обратимся к другому примеру:

"It does seem a long way to Harrington Gardens," she smiled.

"Why do you say that?"

"I don't understand anything. Life is so strange. I feel like some one who's lived all his life by a duck-pond and suddenly is shown the sea. It makes me a little breathless, and yet it fills me with elation. I don't want to die, I want to live. I'm beginning to feel a new courage. I feel like one of those old sailors who set sail for undiscovered seas and I think my soul hankers for the unknown."

Waddington looked at her reflectively. Her abstracted gaze rested on the smoothness of the river. Two little drops that flowed silently, silently towards the dark, eternal sea.

В приведенном выше контексте в разговоре со знакомым Водингтоном Китти описывает ощущения своей новой жизни так: «I feel like someone who's lived all his life by a duck-pond and suddenly is shown the sea.» (я чувствую себя так, как будто всю свою жизнь прожила у пруда с утками, и мне внезапно показали море). И далее море характеризуется следующим образом: «The dark eternal sea» (тайное море вечности). Данный контекст можно рассматривать как символ полного изменения характера и преображения души Китти. На протяжении нескольких глав

автор показывает становление героини, её отказ от обывательского образа жизни и переход к жизни деятельной (её помощь сёстрам в монастыре во время эпидемии чумы), а также обращение Китти к вере и очищение её души.

Рассмотрим ещё один пример:

The house had been left in charge of the head boy and he opened the door for Kitty. It was curious to go into her own house as though she were a stranger. It was neat and clean. Everything was in its place, ready for her use, but although the day was warm and sunny there was about the silent rooms a chill and desolate air. The furniture was stiffly arranged, exactly where it should be, and the vases which should have held flowers were in their places; the book which Kitty had laid face downwards she did not remember when still lay face downwards. It was as though the house had been left empty but a minute before and yet that minute was fraught with eternity so that you could not imagine that ever again that house would echo with talk and resound with laughter. On the piano the open music of a foxtrot seemed to wait to be played, but you had a feeling that if you struck the keys no sound would come. Walter's room was as tidy as when he was there. On the chest of drawers were two large photographs of Kitty, one in her presentation dress and one in her wedding-gown.

Как мы видим, описывается дом Китти, в который она вернулась после смерти Уолтера. Особенно интересными для нашего анализа представляются следующие фразы: «to go into her own house as though she were a stranger» (зайти в свой собственный дом подобно незнакомке), а также «that minute was fraught with eternity» (эта минута была наполнена вечностью). Данная сцена символизирует прощание Китти с её прошлой жизнью, в которую больше нет возврата и переход на другую, более высокую ступень жизненного пути.

В повести «Тесный угол» («The Narrow Corner») стилистическим приёмом эмфатизации служит применение аллюзий, которые являются частью культурного наследия образованных читателей.

Обратимся к анализируемому материалу:

The dinghy was lowered and the skipper rowed away. Fred Blake came aft. With his tousled hair, his clear skin and blue eyes, his springtime radiance, he looked like a young Bacchus in a Venetian picture. The doctor, tired after a night of little sleep, felt a moment's envy of his insolent youth.

Описывая внешность молодого привлекательного персонажа Фреда Блейка, автор сравнивает его с молодым Вакхом на венецианской картине.

Обратимся к другому примеру:

The day was softly dying, and the sea was as wine-dark as the sea on which Odysseus sailed. The islands, encircled by the smooth and shining water, had the rich green of a vestment in the treasury of a Spanish cathedral. It was a colour so bizarre and sophisticated that it seemed to belong to art rather than to nature.

'Like a green thought in a green shade,' murmured the young Dane.

В данном случае море цвета темного вина во время заката сравнивается с морем, по которому плывал легендарный Одиссей.

Рассмотрим ещё один пример:

He talked in a high cracked voice with a strong Swedish accent, so that you had to listen intently to understand what he said. He spoke very quickly, almost as though he were reciting a lesson, and he finished with a little cackle of senile laughter. It seemed to say that he had been through everything and it was all stuff and nonsense. He surveyed human kind and its activities from a great distance, but from no Olympian height, from behind a tree, slyly, and hopping from one foot to another with amusement.

При описании характера одного из персонажей мистера Свона автор сообщает о том, что он наблюдает за человечеством на расстоянии, из-за дерева, а не с Олимпийской высоты, используя аллюзию «Olympian height».

В речевых портретах персонажей аллюзии характерны для таких героев, как доктор Сондерс, Эрик Кристессен, Луази Фрит и её отец мистер Фрит.

Так, в речи одного из центральных персонажей повести доктора Сондерса, образованного, талантливое и проницательного человека, читатель обнаруживает использование многочисленных аллюзий: Цезарь, Шекспир, «Тысяча и одна ночь», викинги, Христос и библейская цитата.

The doctor hesitated. He hated the look of the angry sea and he was bored with being frightened. He had died so many deaths that he had exhausted his emotion.

'Can I be of any use?'

'No more than a snowball in 'ell.'

'Remember you carry Caesar and his fortunes,' he shouted in the skipper's ear.

But Captain Nichols, not having had a classical education, did not see the point of the jest.

His own feelings towards Erik Christessen, naturally enough, were more detached. He was interested in him because he was a little unusual. It was amusing, to begin with, in an island of the Malay Archipelago, to come

across a trader who knew Shakespeare well enough to say long passages by heart. The doctor could not but look on it as a somewhat tiresome accomplishment. He wondered idly if Erik was a good business man. He was not very fond of idealists.

'He'd read about it in some old travel book. He's told me he wanted to come ever since he was a kid. It's a funny thing, he'd got it into his head that it was the one place in the world he wanted to live in. And I'll tell you what's strange, he'd forgotten the name of it, he could never find again the book in which he'd read about it; he just knew there was an island all by itself in a little group somewhere between Celebes and New Guinea, where the sea was scented with spices and there were great marble palaces.'

'It sounds more like the sort of thing you read about in The Arabian Nights than in a book of travel.'

The doctor reflected on what Erik told him. What a picture of a strange life this offered to the fancy! The shabby bungalow in the nutmeg plantation, with the immensely tall kanari-trees; that old pirate of a Swede, ruthless and crotchety, brave adventurer in the soulless deserts of hard fact; the dreamy, unpractical schoolmaster, lured by the mirage of the East, who like - like a coster's donkey let loose on a common, wandered aimlessly in the pleasant lands of the spirit, browsing at random; and then, the great blonde woman, like a goddess of the Vikings, with her efficiency, her love, her honesty of mind, and surely her charitable sense of humour, who held things together, managed, guided, and protected those two incompatible men.

'Oh, don't sneer at me. I'm so awfully unhappy. I've never cared for a chap like I cared for Erik. I shall never forgive myself for his death.'

'Don't think he killed himself on your account. You had very little to do with that. Unless I'm greatly mistaken, he killed himself because he couldn't survive the shock of finding out that the person whom he'd endowed with every quality and every virtue was, after all, but human. It was madness on his part. That's the worst of being an idealist; you won't accept people as they are. Wasn't it Christ who said, "Forgive them; for they know not what they do?"'

Речевой портрет другого главного героя повести Эрика Кристессена, коммивояжёра, но при этом тонкого, чувствительного и возвышенного человека, цитирующего наизусть Шекспира, изобилует употреблением следующих аллюзий: Шекспир, Браунинг и цитата из него, Синяя Борода, Райский Сад, «Кольцо Нибелунгов», Вагнер, Камознс.

I hope you'll stay here long enough to let me show you round. It's lovely. An unsuspected isle in far-off seas.'

The doctor pricked up his ears. He recognized it as a quotation, but could not place it.

'What does that come from?'

'That? Oh, Pippa Passes Browning, you know.'

'How does it happen that you've read that?'

'I read a lot. I have plenty of time, you see I like English poetry best of all Ah, Shakespeare.' He looked at Fred with a soft, gracious glance, a smile on his great mouth, and began to recite:

... of one whose hand,

Like the base Indian, threw a pearl away

Richer than all his tribe, of one whose subdued eyes,

Albeit unused to the melting mood,

Drop tears as fast as the Arabian trees

Their med'cmable gum.

Erik looked at him with his soft beaming eyes, and his smile was sweet with goodwill.

'I know what you mean,' he said. 'It's always a risk to put things to the test of experience. It's like the locked room in Bluebeard's castle. One's all right so long as one keeps clear of that. You have to be prepared for a shock if you turn the key and walk in.'

'I come up here almost every evening to watch the sunset,' said Erik. To me all the East is here. Not the East of story, the East of palaces and sculptured temples and conquerors with hordes of warriors, but the East of the beginning of the world, the East of the garden of Eden, when men were very few, simple and humble and ignorant, and the world was just waiting, like an empty garden for its absent owner.'

'What about Mrs Frith?' asked the doctor. 'Is she dead?' 'Yes, she died last year. Heart disease. She was a fine woman. Her mother came from New Zealand, but to look at her you would have said she was pure Swedish. The real Scandinavian type, tall and big and fair, like one of the goddesses in the Rheingold. Old Swan used to say that when she was a girl she was better-looking than Louise.'

'Oh, we've spent hours sitting on the veranda, up at the plantation. Frith, his wife Catherine, and me. He'd talk. She never said much, but she listened, looking at him with adoring eyes, and he and I would argue. It was all vague and difficult to understand, but you know, he was very persuasive, and what he believed had a sort of grandeur and beauty; it seemed to fit in with the tropical, moonlit nights and the distant stars and the murmur of the sea. I've often wondered if there isn't something in it. And if you know what I mean, it

fits in too with Wagner and Shakespeare's plays and those lyrics of Camoens.'

В речи господина Фрита, переводчика, можно встретить следующие аллюзии: Камюэнс, о собственном переводе которого он постоянно говорит, Вавилон.

'We live in degenerate days,' said Frith. 'Two-bottle men, three-bottle men, they're as extinct as the dodo.'

'An Australian bird,' said Captain Nichols.

'If two grown men can't drink one bottle of port between them I despair of the human race. Babylon is fallen, is fallen.'

'Exactly,' replied Captain Nichols.

И, наконец, речь Луизы Фрит характеризуется наличием следующих аллюзий: викинги, Шекспир, Ганс Андерсен.

'I was distracted. I was awfully fond of Erik. I couldn't believe it when they told me he'd shot himself. I was afraid I was to blame. I wanted to know if it was possible that he knew about Fred.'

'You were to blame.'

'I'm dreadfully sorry he's dead. I owe a great deal to him. When I was a child I used to worship him. He was like one of grandpa's old Vikings to me. I've always liked him awfully. But I'm not to blame.'

'Men are very peculiar in that respect.'

'Not Erik. He was so wise and so charitable. I tell you he didn't love me. He loved his ideal. My mother's beauty and my mother's qualities in me and those Shakespeare heroines of his and the princesses in Hans Andersen's fairy tales. What right have people to make an image after their own heart and force it on you and be angry if it doesn't fit you? He wanted to imprison me in his ideal. He didn't care who I was. He wouldn't take me as I am.'

Таким образом, аллюзии и цитаты выполняют функцию раскрытия и обогащения образа героя в повести. Все это делает речь персонажей яркой, экспрессивной, эмоционально окрашенной.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Материалы к «Чешской грамматике»

© доктор филологических наук А.И. Изотов, 2011

Преподавая чешский язык для студентов русского отделения филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках курса по выбору (два семестра одна пара в неделю), автор настоящих строк в течение последних двадцати лет был вынужден постоянно искать компромисс между полнотой грамматического описания материала и степенью его проработанности в условиях острого дефицита учебных часов.

Представленное на последующих страницах компактное изложение некоторых важных грамматических тем позволяет, на наш взгляд, интенсифицировать преподавание и выкроить тем самым время для обработки тех аспектов, которые ранее не могли быть рассмотрены в рамках данного курса.

ИНДИКАТИВ

Глагол *být* ‘быть’ в настоящем времени

В чешском языке, как и, наверное, во всех языках, самым важным глаголом являются глагол *být* ‘быть’, который может употребляться сам по себе, а может участвовать в образовании сложных глагольных конструкций.

В отличие от русского языка, где из всех форм настоящего времени глагола *быть* сохранилась одна единственная форма *есть*, которая когда-то употреблялась **только** для третьего лица единственного числа, а теперь используется некоторыми нашими соотечественниками для всех лиц всех чисел (интеллигенты старой закваски для множественного числа используют форму *суть* – бывшую форму третьего лица множественного числа), чешский язык располагает особыми формами настоящего времени глагола *быть* для всех трех лиц и единственного, и множественного числа:

<i>já</i>	<i>jsem</i>
<i>ty</i>	<i>jsi</i>
<i>on, ona, ono</i>	<i>je</i>
<i>my</i>	<i>jsme</i>
<i>vy</i>	<i>jste</i>
<i>oni, ony, ona</i>	<i>jsou</i>

Как мы видим, чешские **личные местоимения** (*já, ty, on, ona, ono, tu, vy, oni*) так похожи на русские, что их можно не переводить. Надо только иметь в виду, что чешский язык, в отличие от русского, **различает род** также и **во множественном числе**:

Форма *oni* используется для отсылки к одушевленным существительным мужского рода, форма *ony* – для отсылки к существительным женского рода (и неодушевленным существительным мужского рода), форма *ona* – отсылки к существительным среднего рода.

В отличие от русского языка, где в настоящем времени глагол-связка обычно опускается, в чешском языке **употребление глагола обязательно**, а вот **местоимение, наоборот, можно опустить**, например:

Já jsem student. = Jsem student. Я студент.
Ty jsi taky student? Jsi taky student? Ты тоже студент?

В разговорной речи вместо формы **jsi** можно услышать **jseš**, но Вы всё же старайтесь хотя бы на первых порах не злоупотреблять нелитературными выражениями. В речи иностранца они режут слух, так что Ваши чешские друзья, как только решат, что уже могут нарушить Ваше privacy, будут пытаться Вас исправлять, ведь их самих в школе усиленно приучали к литературному способу выражения.

В чешском языке отрицание с глаголом (в том числе с глаголом **být** ‘быть’) пишется **слитно**!

ne + jsem = nejsem
ne + jsi = nejsi

Обратите внимание на форму третьего лица единственного числа глагола **být** с отрицанием, которая образуется по особому: **ne + je = není**

<i>já</i>	nejsem
<i>ty</i>	nejsi
<i>on, ona, ono</i>	není
<i>my</i>	nejsme
<i>vy</i>	nejsste
<i>oni, ony, ona</i>	nejsou

Звук [j] в формах *jsem, jsi, jsme, jste, jsou* отчетливо произносится только тогда, когда он идет после гласного (неважно, после отрицания в этом же слове или конечного гласного предыдущего слова), например: *Nejsem student. Já jsem učitel. Ty jsi taky student?*

После паузы, а также после согласного звук в данных формах обычно не произносится, например: *Jsem student* читается [sem student], *Jsi student* читается [si student].

Глагол **být** ‘быть’ в будущем времени

Чешские формы будущего времени глагола **být** ‘быть’ очень похожи на русские:

já	budu
ty	budeš
on, ona, ono	bude
my	budeme
vy	budete
oni, ony, ona	budou

Глагол **mít** ‘иметь’ в настоящем времени

Вторым по значимости чешским глаголом является, судя по всему, глагол **mít** ‘иметь’, который может употребляться не только в составе конструкции **Mám (máš, má...) knihu** ‘У меня (у тебя, у него...) есть книга’, но также и в модальном значении: **Máš tam jít** ‘Тебе нужно туда пойти’.

		<i>при отрицании</i>
já	mám	nemám
ty	máš	nemáš
on, ona, ono	má	nemá
my	máme	nemáme
vy	máte	nemáte
oni, ony, ona	mají	nemají

Устойчивые конструкции с глаголом **mít** ‘иметь’

Глагол **mít** ‘иметь’ регулярно используется также в составе некоторых устойчивых конструкций, в том числе таких, которые в свое время были заимствованы из немецкого языка.

Например, конструкция **mít rád něco** переводится как ‘любить что-то’:

Mám rád sýr ‘Я люблю сыр’;
Mám rád koupání ‘Я люблю купаться’;
Mám tě rád ‘Я тебя люблю’

Поскольку краткое прилагательное **rád** в составе данной конструкции изменяется по родам и числам, девушка произнесла бы только что приведенные фразы как

Mám ráda sýr ‘Я люблю сыр’;
Mám ráda koupání ‘Я люблю купаться’;
Mám tě ráda ‘Я тебя люблю’

При отрицании в составе подобных конструкций **ne** присоединяется к форме глагола **mít** ‘иметь’:

Nemám rád sýr ‘Я не люблю сыр’;
Nemám rád koupání ‘Я не люблю купаться’;
Nemám tě rád ‘Я тебя не люблю’

Конструкция **mít pravdu** (буквально ‘иметь правду’) соответствует русскому **быть правым**:

Máš pravdu ‘Ты прав’ или ‘Ты права’

Měl jsi pravdu ‘Ты был прав’

Měla jsi pravdu ‘Ты была права’

Достаточно употребительной является и конструкция **mít chuť** (буквально ‘иметь аппетит’), которая может встречаться в следующих контекстах:

Nemám chuť k jídlu ‘У меня нет аппетита’

Mám chuť na zmrzlinu ‘Мне хочется мороженого’

Dnes nemám chuť na dlouhé řeči ‘Сегодня я не желаю слушать долгие разговоры’

Měla celou cestu chuť zpívat ‘Всю дорогу ей хотелось петь’

Měl jsem chuť ho vyhodit ‘Мне хотелось его вышвырнуть’

Конструкция **mít strach** (буквально ‘иметь страх’) означает ‘бояться’, а **mít obavy** (буквально ‘иметь опасения’) – ‘опасаться’.

Настоящее и будущее время глагола

В чешском языке, как и в русском, формы **настоящего** времени образуются от глаголов несовершенного вида, а формы **будущего** времени с теми же окончаниями – от глаголов совершенного вида, например: *nesu – přinesu, несу – принесу*.

Запомните формы настоящего времени глаголов **nést** ‘нести’, **psát** ‘писать’, **pracovat** ‘работать’, **dělat** ‘делать’, **prosit** ‘просить’, **umět** ‘уметь’:

	nést	psát	pracovat	dělat	prosit	umět
já	nes <u>u</u>	pí <u>š</u> u	pracuj <u>í</u>	děl <u>á</u> m	pros <u>ím</u>	um <u>ím</u>
ty	nese <u>š</u>	pí <u>še</u> š	pracuje <u>š</u>	dělá <u>š</u>	prosi <u>š</u>	umi <u>š</u>
on, ona, ono	nese	pí <u>še</u>	pracuje	dělá	prosí	umí
my	neseme	pí <u>še</u> me	pracujeme	děláme	prosíme	umíme
vy	nesete	pí <u>še</u> te	pracujete	děláte	prosíte	umíte
oni, ony, ona	nesou	pí <u>š</u> ou	pracuj <u>í</u>	dělaj <u>í</u>	pros <u>í</u>	uměj <u>í</u>

Как мы видим, многие чешские формы очень похожи на русские, например: **nesu** – *несу*, **neseš** – *несешь*, **nesete** – *несете*, **píšu** – *пишу*, **píšeš** – *пишешь*, **píšete** – *пишете* и т.д.

Кроме того, из приведенной таблицы видно, что различия между чешскими окончаниями разных глаголов касаются в основном формы 1 лица ед. числа, поэтому она и отмечается обычно в словарях дополнительно к неопределенной форме глагола, например:

nést, nesu nedok. нести

psát, píšu *nedok.* работать
 umět, umím *nedok. s inf.* уметь *s inf.*
 prac|ovat, -uji *nedok.* работать
 pros|it, -ím *nedok. koho o čěm, u koho čeho*

В разговорной речи вместо форм 1 лица ед. числа типа **žij**, **pracuji** вы можете услышать формы типа **žiju**, **pracuju**, а вместо форм 3 лица мн. числа типа **žijí**, **pracují** – **žijou**, **pracují**.

Как и в русском языке, **будущее время от глаголов несовершенного вида** образуется сочетанием формы будущего времени глагола **být** ‘быть’ и инфинитива смыслового глагола:

já	budu dělat
ty	budeš dělat
on, ona, ono	bude dělat
my	budeme dělat
vy	budete dělat
oni, ony, ona	budou dělat

В отличие от русского, в чешском языке **возвратная частица se** или **si** не только пишется отдельно от глагола, но также может стоять **и до, и после** него, а также отделяться от соответствующего глагола другими словами.

Эти частицы стремятся занять место как можно ближе к началу предложения, однако не в самом начале, например:

Vrátím se domů večer. – Я вернусь домой вечером.

Večer se vrátím domů. – Вечером я вернусь домой.

Čemu se směješ? – Ты чему смеешься?

Čemu se zase směješ? – Ты чему опять смеешься?

Прошедшее время глагола

В отличие от русского языка, в котором прошедшее время состоит из простой «эловой» формы (например: *был, была, было, были, пришел, пришла, пришли*), в чешском языке к такой «эловой» форме смыслового глагола в первом и втором лице присоединяется соответствующая форма глагола **být** настоящего времени. В третьем лице прошедшее время образуется, как и в русском, чистой «эловой» формой смыслового глагола:

dělat	prosit	psát	umět	pracovat	být
dělal jsem	prosil jsem	psal jsem	uměl jsem	pracoval jsem	byl jsem
dělal jsi	prosil jsi	psal jsi	uměl jsi	pracoval jsi	byl jsi
dělal	prosil	psal	uměl	pracoval	byl
dělali jsme	prosili jsme	psali jsme	uměli jsme	pracovali jsme	byli jsme
dělali jste	prosili jste	psali jste	uměli jste	pracovali jste	byli jste
dělali	prosili	psali	uměli	pracovali	byli

Когда формы глагола **být** используются в составе прошедшего времени, на них никогда не падает ударение и они, подобно возвратным частицам **se** и **si**, располагаются как можно ближе к началу предложения, однако не в самом начале, например:

Pracoval jsem. ‘Я работал.’
Včera jsem pracoval. ‘Вчера я работал.’
Včera jsem celý den pracoval. ‘Вчера я целый день работал.’
Včera jsem pracoval celý den. ‘Вчера я работал целый день.’
Já jsem pracoval. ‘Я работал.’
Já jsem včera pracoval. ‘Я вчера работал.’
Já jsem včera celý den pracoval. ‘Я вчера целый день работал.’
Já jsem včera pracoval celý den. ‘Я вчера работал целый день.’

Если в позицию второго лица единственного числа прошедшего времени попадает глагол с возвратной частицей **se** или **si**, эта возвратная частица сливается с вспомогательной формой **jsi**:

jsi se → **ses**
jsi si → **sis**

Kdy ses vrátil? ‘Когда ты вернулся?’ (**vrátit se** ‘вернуться’)
Na co ses ptal? ‘О чем ты спрашивал?’ (**ptát se** ‘спрашивать’)
No co sis myslel? ‘О чём ты думал?’ (**myslet si** ‘думать себе’)
Co sis koupil? ‘Что ты себе купил?’ (**koupit si** ‘купить себе’)

Как и в русском языке, «эловые» формы различаются по роду, например:

Pracoval jsem. ‘Я работал.’ **Pracovala jsem.** ‘Я работала.’

При этом, в отличие от русских, чешские «эловые» формы различаются по роду также и во множественном числе (хотя в случае с формами типа **pracovali** и **pracovaly** речь идет только о правописании, ведь произносятся они, как мы помним, одинаково):

Muži pracovali. ‘Мужчины работали’
Ženy pracovaly. ‘Женщины работали’
Děvčata pracovala. ‘Девушки работали’
 (чешское слово **děvče** – среднего рода)

В отличие от русского языка, чешская «вежливая» форма в прошедшем времени образуется сочетанием множественного числа глагола **být** и единственного числа смыслового глагола:

Co jste dělali včera? Что Вы делали вчера? (обращение к собеседнику на «Вы»)
Co jste dělala včera? Что Вы делали вчера? (обращение к собеседнице на «Вы»)
Co jsi dělal včera? Что ты делал вчера? (обращение к собеседнику на «Ты»)
Co jsi dělala včera? Что ты делала вчера? (обращение к собеседнице на «Ты»)
Co jste dělali včera? Что вы делали вчера? (обращение к нескольким людям)

Модальные глаголы

Модальных глаголов в чешском языке больше, чем в русском. Кроме глаголов **chtít** ‘хотеть’, **smět** ‘сметь’ и **moci** ‘мочь’ весьма употребительным является также глагол **muset** ‘быть должным’. Кроме того, регулярно употребляется в модальном значении, а именно в значении долженствования и глагол **mít** ‘иметь’, например:

Chceš tam jít? ‘Ты хочешь туда пойти?’
Můžeš tam jít? ‘Ты можешь туда пойти?’
Smíš tam jít? ‘Ты имеешь право туда пойти?’
Máš tam jít? ‘Тебе надо туда пойти?’
Musíš tam jít? ‘Ты должен туда пойти?’

Настоящее время модальных глаголов **muset**, **mít**, **chtít**, **smět**, **moci**

В настоящем времени эти глаголы спрягаются следующим образом:

	muset	mít	chtít	smět	moci
já	musím	mám	chci	smím	mohu/můžu
ty	musíš	máš	chceš	smíš	můžeš
on	musí	má	chce	smí	může
my	musíme	máme	chceme	smíme	můžeme
vy	musíte	máte	chcete	smíte	můžete
oni	musí/musí	mají	chtějí	smějí	mohou/můžou

Еще недавно у глагола **moci** ‘мочь’ в литературном чешском языке была допустима только такая форма инфинитива, а в первом лице единственного числа и третьем лице множественного числа – только формы **mohu** и **mohou**. В настоящее время, однако, кроме формы инфинитива **moci** допускается также разговорная форма **mocť**, а кроме форм **mohu** и **mohou** – разговорные формы **můžu** и **můžou**, которые раньше считались нелитературными.

У глагола **muset** ‘быть должным’ в третьем лице вместо формы **musí** может употребляться устаревшая книжная форма **musí**, а в инфинитиве – форма **musit** (так же устаревшая).

Конструкции с формами глагола **muset**

Чешские конструкции с глаголом **muset** выражают, как правило, высокую степень долженствования и очень часто соответствуют русским конструкциям со словами **должен**, **обязан**, **вынужден** и т.д.

Глагол **muset** употребляется и в предложениях типа **To musí být velmi bohatý člověk, když má takovou vilu** ‘Он должен быть очень богатым человеком, если у него такая вила’. В таких предложениях речь

идет не столько о долженствовании, сколько об определении некой ситуации.

Отрицание с формами глаголов **muſet** и **smět**

В русском языке предложения типа «Ты не должен туда идти» могут значить и «Тебе не обязательно туда идти» и «Тебе нельзя туда идти», то есть речь может идти

- об отсутствии необходимости что-то сделать, а также
- о необходимости воздержаться от некоторого действия.

В чешском же языке формы глагола **muſet** с отрицанием (**nemuſím**, **nemuſíš**, **nemuſí** и т.д.) используется только в первом случае, во втором же случае используются формы другого модального глагола, а именно формы глагола **smět** с отрицанием (**nesmím**, **nesmíš**, **nesmí** и т.д.), например:

Nemuſíš tam jít ‘Ты не должен туда идти’ в значении ‘Тебе не обязательно туда идти’

Nesmíš tam jít ‘Ты не должен туда идти’ в значении ‘Тебе нельзя туда идти’

Конструкции с формами глагола **mít** в модальном значении

Конструкции с формами глагола **mít** в модальном значении выражают меньшую степень долженствования, чем конструкции с формами глагола **muſet**.

Mám tam jít nebo nemám tam jít? ‘Идти мне туда или не ходить?’

В современном чешском языке такие конструкции очень употребительны.

Возвратные модальные конструкции

Как и в русском языке, глагол **chtít** ‘хотеть’ используется в составе возвратной модальной конструкции типа **chce se mi** ‘мне хочется’, например:

Chce se mi spát ‘Мне хочется спать’

Nehce se ti spát? ‘Тебе не хочется спать?’

Nehce se mi ani mluvit ‘Мне даже говорить не хочется’

Chce se mu běhat ‘Ему хочется бегать’

Данная возвратная конструкция может использоваться в чешском языке и с другими глаголами, в том числе модельными.

Прошедшее время модальных глаголов

Прошедшее время модальные глаголы образуют стандартным способом:

Chtěl jsi tam jít? ‘Ты хотел туда пойти?’

Mohl jsi tam jít? ‘Ты мог туда пойти?’

Směl jsi tam jít? ‘Ты имел право туда пойти?’

Měl jsi tam jít? ‘Тебе было надо туда пойти?’
Musel jsi tam jít? ‘Ты был обязан туда пойти?’

Будущее время модальных глаголов

В отличие от русского языка, в котором конструкции с модальными глаголами образуют будущее время прежде всего присоединением к модальному глаголу приставки (**хочу** → **захочу**, **могу** → **смогу**, **смею** → **посмею**), чешские модальные глаголы образуют будущее время только с помощью форм **буду**, **будеš**, **bude**, **budeme budete**, **будou**, например:

Budeš chtít tam jít? ‘Ты захочешь туда пойти?’
Budeš moci tam jít? ‘Ты сможешь туда пойти?’
Budeš smět tam jít? ‘Ты получишь право туда пойти?’
Budeš muset tam jít? ‘Ты будешь должен туда пойти?’

Конструкция **буду/будеš/bude/budeme/budete/будou mít** в модальном значении не употребляется и всегда соответствует русской конструкции ‘у меня/тебя/его/... будет’.

Особенности спряжения глаголов **vědět** ‘знать’ и **jíst** ‘есть’

Глаголы **vědět** ‘знать’ и **jíst** ‘есть’ имеют некоторые особенности в образовании форм настоящего времени:

	vědět	jíst
já	vím	jím
ty	víš	jiš
on	ví	jí
my	víme	jíme
vy	víte	jíte
oni	vědí	řádí

Такие же личные окончания мы находим также у всех глаголов, которые были образованы от глаголов **vědět** ‘знать’ и **jíst** ‘есть’ с помощью различных приставок. Это, например, такие глаголы как **povědět** ‘рассказать’, **odpovědět** ‘ответить’, **napovědět** ‘подсказать’, **předpovědět** ‘предсказать’, **zodpovědět** ‘понести ответственность’, **dopovědět** ‘договорить’, **vyzvědět** ‘разведать’, **dozvědět se** ‘узнать’; **sníst** ‘съесть’, **pojíst** ‘поесть’, **dojíst** ‘доесть’, **projíst** ‘проесть’, **najíst se** ‘наесться’ и так далее.

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Чешский кондиционал (*kondicionál*) в отечественных учебниках часто называют **сослагательным наклонением**, хотя правильнее было бы его называть **условным наклонением**, поскольку именно так переводится на русский язык латинский термин *modus conditionalis*. Впрочем,

это вопрос чисто терминологический, поскольку чешский кондиционал и русское сослагательное наклонение имеют много общего как с точки зрения происхождения, так и по их употреблению в современном языке. Конечно же, есть и различия.

Если русское сослагательное наклонение образуется с помощью одной для всех лиц и чисел частицы **бы** и эловой формы глагола или инфинитива (**поспал бы; поспать бы**), в составе чешского кондиционала употребляется только эловая форма, а вместо частицы **бы** – формы **bych** (**bysem**), **bys**, **by**, **bychom** (**bysme**), **byste** (по происхождению, как и русская частица **бы**, – древние формы глагола **být**), различающиеся по лицу и числу:

já bych dělal	я бы делал
ty bys dělal	ты бы делал
on by dělal	он бы делал
my bychom dělali	мы бы делали
vy byste dělali	вы бы делали
oni by dělali	они бы делали

В разговорной речи вместо формы **bychom** можно услышать также **bysme**, а вместо формы **bych** – форму **bysem** (но уже гораздо реже), образованные по аналогии с формами изъявительного наклонения **jsme** и **jsem**.

Внимание: В составе чешского кондиционала, в отличие от русского сослагательного наклонения, никогда не используется инфинитив

Как и при образовании форм прошедшего времени, вспомогательные формы глагола **být** (в данном случае формы **bych**, **bys**, **by** и т.д.) не могут нести на себе ударения и стремятся занять место ближе к началу фразы, но не в самом начале, а личные местоимения употребляются только тогда, когда говорящий хочет их особо выделить (ведь лицо и так однозначно определяется вспомогательной формой глагола **být**, а число – эловой формой). Таким образом, приведенная таблица могла бы выглядеть иначе:

Já bych dělal	→	Dělal bych	‘Я бы делал’
Ty bys dělal	→	Dělal bys	‘Ты бы делал’
On by dělal	→	Dělal by	‘Он бы делал’
My bychom dělali	→	Dělali bychom	‘Мы бы делали’
Vy byste dělali	→	Dělali byste	‘Вы бы делали’
Oni by dělali	→	Dělali by	‘Они бы делали’

Как и при образовании форм прошедшего времени, «вежливая» форма (при «выкании») состоит из множественного числа **byste** и единственного числа эловой формы смыслового глагола:

Nechtěli byste kávu? ‘Вы не хотели бы кофе?’ (обращение к нескольким лицам)

Nechtěl byste kávu? ‘Вы не хотели бы кофе?’ (обращение на «Вы» к собеседнику)
 Nechtěla byste kávu? ‘Вы не хотели бы кофе?’ (обращение на «Вы» к собеседнице)
 Nechtěl bys kávu? ‘Ты не хотел бы кофе?’ (обращение на «ты» к собеседнику)
 Nechtěla bys kávu? ‘Ты не хотела бы кофе?’ (обращение на «ты» к собеседнице)

Подобно тому, как это было с формами прошедшего времени, если в позицию второго лица единственного числа попадает глагол с возвратной частицей **se** или **si**, происходит перераспределение звуков между этой возвратной частицей и вспомогательной формой **bys**:

bys se → by ses
bys si → by sis

Kdy by ses vrátil? ‘Когда бы ты вернулся?’ (**vrátit se** ‘вернуться’)
 Na co by ses ptal? ‘О чем бы ты спрашивал?’ (**ptát se** ‘спрашивать’)
 No co by sis myslel? ‘О чём бы ты думал?’ (**myslet si** ‘думать себе’)
 Co by sis koupil? ‘Что бы ты себе купил?’ (**koupit si** ‘купить себе’)

Формы **bych** (**bysem**), **bys**, **by**, **bychom** (**bysme**), **byste** могут сливаться с союзами **a** и **kdy**:

abych dělal ‘чтобы я делал’ **kdybych dělal** ‘если бы я делал’
abys dělal ‘чтобы ты делал’ **kdybys dělal** ‘если бы ты делал’
aby dělal ‘чтобы он делал’ **kdyby dělal** ‘если бы он делал’
abychom dělali ‘чтобы мы делали’ **kdybychom dělali** ‘если бы мы делали’
abyste dělali ‘чтобы вы делали’ **kdybyste dělali** ‘если бы вы делали’
aby dělali ‘чтобы они делали’ **kdyby dělali** ‘если бы они делали’

Эти формы используются для присоединения придаточных предложений цели или условия:

Půjdu do kina, abych se podíval
na ten nový film.

Proším, abyste konečně přišel
včas.

Václav musí hodně studovat, aby
nepropadl u té zkoušky.

Dovolte, abych Vám představil
svého známého. To je Václav
Novák.

Dovolte, abych se představil.
Jsem Václav Novák.

Kdybych věděl, že tam půjdeš, šel
bych tam taky.

Kdybys tam byla, uviděla bys to
sama.

Kdyby se Václav učil během
semestru, nepropadl by u
zkoušky.

‘Я пойду в кино, чтобы посмотреть
 этот новый фильм.’

‘Я прошу Вас наконец-то прийти
 вовремя.’

‘Вацлаву надо как следует заниматься,
чтобы не провалиться на экзамене.’

‘Разрешите Вам представить моего
 знакомого. Это Вацлав Новак.’

‘Разрешите представиться. Я Вацлав
 Новак.’

‘Если бы я знал, что ты туда пойдёшь,
 я бы тоже туда пошёл.’

‘Если бы ты там была, ты сама бы это
 увидела.’

‘Если бы Вацлав учился во время
 семестра, он бы не провалился на
 экзамене.’

Впрочем, конструкции с кондиционалом могут использоваться и в самостоятельных предложениях, часто со значением приказа, предостережения, совета, пожелания, намерения и т.д. И вообще надо сказать, что кондиционал используется в чешском языке гораздо активнее, чем сослагательное наклонение в русском, часто встречаясь там, где в русском мы находим повелительное, изъявительное или неопределенное наклонение.

Abyste v sedm ráno byli na místě!
Abyste z toho neměl malér,
kapitáne.

Kdybys raději jedl; vystydne ti to.
To potvrzení kdybyste mi vrátil.
Penze je krásná věc, abyste věděl.

Abys nezapoměl čepici.
Kluci, ne abyste sežrali všechno,
co je na stole!

Ale abychom se vrátili k věci.

Tak už bychom šli.

Snad abys mu zavola.

Že bych mu zavola? Tak
zavolám.

Už abych to měl z krku!

‘Чтоб в семь утра были на месте!’

‘Смотрите, капитан, как бы у вас из-за этого не было проблем.’

‘Давай ешь, а то остынет.’

‘Вы не вернёте мне справку?’

Пенсия – вещь чудесная, чтоб Вы знали.

‘Смотри не забудь кепку.’

‘Ребята, не сожрите всё, что на столе!’

‘Но вернемся к делу.’

‘Пойдёмте уже’.

‘Может, позвонишь ему?’

‘Позвонить ему, что ли? Ладно, позвоню.’

‘Эх, поскорей бы это с плеч долой!’

Рассмотренные только что чешские формы кондиционала в грамматиках называются формами кондиционала **настоящего** времени. Бывают еще формы кондиционала **прошедшего** времени, которые отличаются «лишней» эловой формой глагола **být** (в русском языке условное наклонение одно и не бывает настоящего или прошедшего времени):

Кондиционал настоящего времени

já bych dělal ‘я бы делал’

ty bys dělal ‘ты бы делал’

on by dělal ‘он бы делал’

my bychom dělali ‘мы бы делали’

vy byste dělali ‘вы бы делали’

oni by dělali ‘они бы делали’

Кондиционал прошедшего времени

já bych byl dělal ‘я бы делал’

ty bys byl dělal ‘ты бы делал’

on by byl dělal ‘он бы делал’

my bychom byli dělali ‘мы бы делали’

vy byste byli dělali ‘вы бы делали’

oni by byli dělali ‘они бы делали’

Считается, что кондиционал прошедшего времени надо употреблять, когда речь идет о некоем действии, которое было возможно, но не осуществилось и уже не может осуществиться, например:

Kdybych byl to věděl dřív, byl bych tam šel také.

‘Если бы я знал это раньше, я бы туда пошёл тоже (но я этого не знал и не пошёл)’

Впрочем, употребление кондиционала прошедшего времени характерно для книжного стиля, и в разговорной речи вместо него практически всегда используется «обычный» кондиционал, то есть кондиционал настоящего времени. Иначе говоря, только что приведенная чешская фраза вполне может звучать как **Kdybych to věděl dřív, šel bych tam také**, ведь о том, осуществилось это действие или не осуществилось, понятно и так.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В отличие от русских, у чешских глаголов не две, а три формы повелительного наклонения – второго лица единственного числа, второго лица множественного числа и первого лица множественного числа:

Dělej! ‘Делай!’

Dělejte! ‘Делайте!’

Dělejme ‘Давайте делать!’

Образуется чешское повелительное наклонение от основы настоящего времени, которую мы получаем, отбрасывая от формы третьего лица множественного числа настоящего (или простого будущего) времени окончание.

У многих чешских глаголов полученная таким образом основа настоящего времени совпадает с формой повелительного наклонения второго лица единственного числа. Если мы к ней добавим **te**, то получим форму второго лица множественного числа, а если **me** – то форму первого лица множественного числа:

brát ‘брать’ → **berou** ‘они берут’ → **ber, berte, berme**

přinést ‘принести’ → **přinesou** ‘они принесут’ → **přines, přineste, přinesme**

děkovat ‘благодарить’ → **děkují** ‘они благодарят’ → **děkuj, děkujte, děkujme**

У глаголов, основа настоящего времени которых оканчивается на мягкие **-n, -t, -d**, при образовании форм повелительного наклонения мягкость сохраняется, поэтому не забывайте эту мягкость отражать на письме с помощью диакритических значков – **n** → **ň**, **t** → **t’**, **d** → **d’**: (в составе формы третьего лица эта мягкость была обозначена их положением перед **i** и диакритические значки были не нужны):

vrátit ‘вернуть’ → **vrátí** ‘вернуть’ → **vrat’, vrat’te, vrat’me**

chránit ‘беречь’ → **chrání** ‘беречь’ → **chraň, chraňte, chraňme**

posad’tě se ‘сесть’ → **posadí se** ‘сесть’ → **posad’ se, posad’tě se, posad’mě se**

У глаголов, основа настоящего времени которых оканчивается на **-aj**, при образовании форм повелительного наклонения происходит перегласовка **aj** → **ej**:

dělat ‘делать’ → **dělají** ‘они делают’ → **dělej, dělejte, dělejme**
dát ‘дать’ → **dají** ‘они дают’ → **dej, dejte, dejme**
podívat se ‘посмотреть’ → **podívají se** ‘они посмотрят’ → **podívej se, podívejte se, podívejme se**

У глаголов, основа настоящего времени которых оканчивается на два или более согласных, при образовании формы повелительного наклонения второго лица единственного числа к этой основе прибавляется **i**, при образовании формы второго лица множественного числа – **ěte** или **ete**, при образовании формы первого лица множественного числа – **ěme** или **eme** (**ěte** и **ěme** после **n, t, d** и губных, **ete** и **eme** – после всех остальных согласных):

číst ‘делать’ → **čtou** ‘они делают’ → **čti, čtěte, čtěme**
říct/řici ‘сказать’ → **řeknou** ‘они скажут’ → **řekni, řekněte, řekněme**
odejít ‘отойти’ → **odejdou** ‘они отойдут’ → **odejdi, odejděte, odejděme**
vzít ‘взять’ → **vezmou** ‘они они возьмут’ → **vezmi, vezměte, vezměme**
pozvat ‘позвать’ → **pozvou** ‘они позовут’ → **pozvi, pozvěte, pozvěme**
pomyslit ‘подумать’ → **pomyslí** ‘они подумают’ → **pomysli, pomyslete, pomysleme**
otevřít ‘открыть’ → **otevřou** ‘они откроют’ → **otevři, otevřete, otevřeme**

У некоторых глаголов при образовании форм повелительного наклонения сокращается долгий корневой гласный (долгий **i** при этом может сократиться не только в краткий **i**, но и в **ě**, а дифтонг **ou** – в **u**):

vyřídit ‘передать (привет)’ → **vyřid', vyřid'te, vyřid'me**
pospíšet si ‘поспешить’ → **pospěš si, pospěšte si, pospěšme si**
koupit ‘купить’ → **kup, kupte, kupme**
ukázat ‘показать’ → **ukaž, ukažte, ukažme**
zvýšit ‘повысить’ → **zvyš, zvyšte, zvyšme**

Некоторые употребительные глаголы образуют формы повелительного наклонения не по общим правилам. Эти формы надо запомнить:

vědět ‘знать’ → **věz, vězte, vězme**
povědět ‘сказать’ → **pověz, povězte, povězme**
vidět ‘видеть’ → **viz, vizte, vizme**
mít ‘иметь’ → **měj, mějte, mějme**
jíst ‘есть’ → **jez, jezte, jezme**
stát ‘стоять’ → **stůj, stůjte, stůjme**
hnát ‘гнать’ → **žeň, žeňte, žeňme**
pomoct / pomoci ‘помочь’ → **pomoz, pomozte, pomozme**

Внимание: От глагола **jít** ‘идти’ образуются разные формы повелительного наклонения в зависимости от того, куда предлагается идти. Если Вы хотите, чтобы собеседник пошёл по направлению к вам или куда-нибудь вместе с вами, то нужно употребить формы

pojd', pojd'te, pojd'me

Если же Вы хотите отправить кого-либо по направлению от себя, то это

jdi, jděte

(форма **jděme** невозможна по логическим соображениям – нельзя пойти вместе с кем-то по направлению от себя)

Как и в русском языке, для выражения приказа, просьбы, совета и прочих разновидностей побуждения, адресованных не собеседнику, а некому третьему лицу, а также для выражения пожелания в современном чешском языке используется конструкция, состоящая из специальной побудительной частицы и формы настоящего или будущего времени:

At' zpívá 'Пусть поёт'

At' zpívají 'Пусть поют'

At' to udělá sám 'Пусть он это сделает сам'

Вместо частицы **at'** в книжном и торжественном стиле может использоваться частица **necht'**:

Zájemci necht' přijdou do ředitelny

'Заинтересованные лица пусть придут в кабинет директора'

Necht' žije člověk!

'Да здравствует человек!'

Necht' mu Bůh žehná!

'Да благословит его Бог!'

В отличие от русских частиц **пусть** и **пускай**, который в побудительных конструкциях сочетаются практически исключительно с формами третьего лица, чешские частицы **at'** и **necht'** достаточно свободно сочетаются также с формами первого и второго лица единственного и множественного числа, например:

At' jdeme zpátky!

'Пошли обратно!'

At' nezmeškáme ten vlak!

'Только бы нам не опоздать на поезд!'

Necht' své touhy zamíříme vzhůru!

'Обратим же все свои устремления ввысь!'

At' se vzbudím a zjistím, že to byl všechno jenom zlý sen.

'Вот бы проснуться и обнаружить, что всё это только злой сон'

At' na místě propadnu, jestli jsem kdy lhal.

'Провалиться мне на этом месте, если я когда лгал'

Внимание: Конструкция **at' (necht')** + второе лицо настоящего или будущего времени часто выражает категорическое требование или предостережение:

V sedm hodin at' jsi doma! 'Чтоб в семь часов был дома!'

Jen at' si nezlomíš krk! 'Смотри не сломай себе шею!'

Яркой отличительной чертой чешской системы повелительного наклонения является достаточно регулярное употребление конструкций с

краткими страдательными причастиями, в какой-то степени соотносимые с русскими конструкциями типа *He k noci будь помянуто. Пусть это будет сделано до вечера!* В чешском языке это могут быть конструкции

bud' + краткое причастие
at' + форма глагола **být** + краткое причастие
necht' + форма глагола **být** + краткое причастие

В результате, например, известное латинское выражение **Audiat et altera pars** (*Пусть будет выслушена и другая сторона*) по-чешски звучит сразу в трех вариантах:

Budiž¹ slyšena i druhá strana!
At' je slyšena i druhá strana!
Necht' je slyšena i druhá strana!

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В чешском языке, как и в русском, существительные (равно как прилагательные, местоимения, числительные и причастия) изменяются по падежам и числам, то есть склоняются.

Дополнительно к известным русскому школьнику шести падежам в чешских грамматиках выделяется также **звательный падеж** (такой падеж был когда-то и в русском языке, но сейчас от него сохранились лишь отдельные примеры типа **отче < отец**). Кроме того, русский **предложный** падеж чехи называют **местным** и ставят его при перечислении падежей не после **творительного** падежа, а перед ним. Этот порядок перечисления тоже важен, потому что чешские преподаватели любят называть падежи просто по номерам – *первый падеж, второй падеж* и т.д. Впрочем, у этих падежей есть и названия, заимствованные из латинского языка:

Чешское название падежа		Вопрос к падежу		Русский эквивалент названия падежа
První pád	Nominativ	<i>kdo? co?</i>	<i>кто? что?</i>	Именительный падеж
Druhý pád	Genitiv	<i>koho? čeho?</i>	<i>кого? чего?</i>	Родительный падеж
Třetí pád	Dativ	<i>komu? čemu?</i>	<i>кому? чему?</i>	Дательный падеж
Čtvrtý pád	Akuzativ	<i>koho? co?</i>	<i>кого? что?</i>	Винительный падеж
Pátý pád	Vokativ			Звательный падеж
Šestý pád	Lokál	<i>(o) kom? (o) čem?</i>	<i>(о) ком? (о) чём?</i>	Местный падеж
Sedmý pád	Instrumentál	<i>kým? čím?</i>	<i>кем? чем?</i>	Творительный падеж

В чешском языке, как и в русском, склонение существительных зависит от их рода, однако самих типов склонения существительных в чешском языке намного больше, чем в русском – традиционно выделяется 14 основных типов склонения (далее обозначенные как типы **žena**

¹ Вместо формы **bud'** использована ее более торжественная огласовка **budiž**.

‘жена *или* женщина’, **duše** ‘душа’, **píseň** ‘песня’, **kost** ‘кость’, **byt** ‘квартира’, **pán** ‘господин’, **pokoj** ‘комната’, **muž** ‘муж *или* мужчина’, **starosta** ‘мэр’, **soudce** ‘судья’, **okno** ‘окно’, **pole** ‘поле’, **stavení** ‘строение’, **děvče** ‘девушка’), к которым можно добавить некоторое количество типов дополнительных (существительные, обозначающие парные части тела; заимствованные существительные, сохранившие некоторые латинские или греческие окончания и т.д.).

В истории чешского языка некоторые гласные в положении после мягких согласных менялись, это касается и падежных окончаний, например: **duša** → **duše**, **dušu** → **duši**. В результате окончания существительных с «мягкими» основами настолько отделились от окончаний существительных с «твёрдыми» основами, что приходится уже говорить о самостоятельных типах склонения.

Впрочем, не все падежные формы одинаково употребительны – то, что регулярно встречается в речи, запоминается легко.

Склонение существительных женского рода

Падеж	Тип	žena	duše	píseň	kost
Единственное число					
Именительный		žena	duše	píseň	kost
Родительный		ženy	duše	písně	kosti
Дательный		ženě	duši	písni	kosti
Винительный		ženu	duši	píseň	kost
Звательный		ženo!	duše	písni!	kosti!
Местный		(o) ženě	(o) duši	(o) písni	(o) kosti
Творительный		ženou	duší	písni	kostí
Множественное число					
Именительный		ženy	duše	písně	kosti
Родительный		žen	duší, ulic	písni	kostí
Дательный		ženám	duším	písním	kostem
Винительный		ženy	duše	písně	kosti
Звательный		ženy!	duše!	písně!	kosti!
Местный		(o) ženách	(o) duších	(o) písniích	(o) kostech
Творительный		ženami	dušemi	písněmi	kostmi

Как мы видим, чешские типы склонения **žena** и **kost** очень похожи на русские первое и третье склонения соответственно: не считая звательного падежа, который в современном русском отсутствует, у типа **žena** отличия касаются только творительного падежа единственного числа (чешское окончание **ženou** в соответствии с русским окончанием **женой**) и винительного падежа множественного числа, а у типа **kost** – творительного падежа единственного числа (чешское окончание **kostí** в

соответствии с русским окончанием **костью**) и некоторые окончания множественного числа.

Впрочем, некоторые окончания (прежде всего окончания склонения существительных типа **duše**) приходится запоминать.

Примечания к склонению существительных типа
ž e n a

1. В дательном и местном падежах единственного числа базовым окончанием является окончание **-ě**, перед которым согласные **n, t, d**, как мы помним, читаются мягко: **žena** ‘жена’ → **ženě** ‘жене’, **teta** ‘тётя’ → **tetě** ‘тёте’, **móda** ‘мода’ → **o módě** ‘о моде’.

У существительных с основой на губной в данных падежах возникают сочетания **mě, pě, bě, vě, fě**: **zima** ‘зима’ → **v zimě** ‘зимой’, **mapa** ‘карта’ → **na mapě** ‘на карте’, **ryba** ‘рыба’ → **v rybě** ‘в рыбе’, **Moskva** ‘Москва’ → **v Moskvě** ‘в Москве’, **Ufa** ‘Уфа’ → **v Ufě** ‘в Уфе’.

У существительных с основой на **k, g, h, ch, r** в данных падежах пишется окончание **-e**, перед которым происходит чередование согласных **k → c, g → z, h → z, ch → š, r → ř**:

ruka ‘рука’ → **v ruce** ‘в руке’
tajga ‘тайга’ → **v tajze** ‘в тайге’
kniha ‘книга’ → **v knize** ‘в книге’
střecha ‘крыша’ → **na střěše** ‘на крыше’
sestra ‘сестра’ → **o sestře** ‘о сестре’

У остальных существительных данного типа склонения пишется окончание **-e** без всякого чередования: **škola** → **ve škole**, **mísa** → **v míse** и т.д.

2. В отличие от русского, в чешском языке в единственном числе существует особое окончание звательного падежа, не совпадающее с окончанием именительного падежа:

žena ‘жена’ → **ženo!**
sestra ‘сестра’ → **sestro!**
matka ‘мать’ → **matko!**
maminka ‘мама’ → **maminko!**

3. Как и в русском, в чешском языке у некоторых существительных данного типа в родительном падеже появляется вставной гласный – гласный **e**, например:

sestra ‘сестра’ → **sester** ‘сестёр’
matka ‘мать’ → **matek** ‘матерей’
barva ‘краска’ → **barev** ‘красок’
továrna ‘фабрика’ → **továren** ‘фабрик’

Речь идет, как и в русском языке, о существительных, содержащих скопление согласных, однако конкретные случаи всё же приходится запоминать.

4. В отличие от русского, в чешском языке существительные женского рода не бывают одушевленными, а поэтому винительный падеж множественного числа у них всех совпадает с именительным, а не родительным (в русском языке этот падеж совпадает с именительным только у неодушевленных существительных, а у одушевленных он совпадает с родительным), например:

Vidím knihy. Я вижу книги.

Vidím sestry. Я вижу сестёр.

5. Не надо забывать, что в окончаниях дательного и местного падежей множественного числа гласный **á** долгий: **ženám, o ženách**.

Примечания к склонению существительных типа
duše

В родительном падеже множественного числа базовым является окончание **-í**, однако существительные на **-yně**, и на **-ice** образуют данный падеж с нулевым окончанием:

poslankyně ‘депутат (женщина)’ → **poslankyň** ‘депутатов (женщин)’

ulice ‘улица’ → **ulic** ‘улиц’

Нулевое окончание в этом падеже может быть также у некоторых существительных на **-le**:

košile ‘рубашка’ → **košil** ‘рубашек’

chvíle ‘минута’ → **chvil** ‘минут’

neděle ‘воскресенье’ → **neděl** ‘недель’ / **nedělí** ‘воскресений’

Слово **neděle** образует этот падеж с нулевым окончанием в значении ‘неделя’ и с окончанием **-í** в значении ‘воскресенье’.

Примечания к склонению существительных типа
píseň и типа **kost**

По типам склонения **píseň** и **kost** изменяются существительные женского рода, которые оканчиваются в именительном падеже единственного числа на согласный звук. Существительные, оканчивающиеся на **-ň** и на **-ev**, склоняются по типу **píseň**, оканчивающиеся на **-st** – по типу **kost**. По какому типу (**píseň** или **kost**) склоняются существительные женского рода, оканчивающиеся на прочие согласные, проще всего запоминать с самого начала, тем более, что, в единственном числе тип склонения **píseň** отличается от типа склонения **kost** только формой родительного падежа, а она приводится в словарях.

Во множественном числе существительные типа **píseň** имеют те же окончания, что и существительные типа **duše**.

Склонение существительных мужского рода

В отличие от русского языка, в котором слова типа **староста** изменяются по первому склонению (то есть так же, как и слова типа **жена** или **душа**), в чешском слова типа **starosta** («твёрдый» тип) или типа **soudce** («мягкий» тип) образуют самостоятельные разновидности склонения, так как наборы их окончаний отличаются и от прочих существительных мужского рода, и от окончаний существительных женского рода.

В отличие от русского языка, в котором одушевленные существительные отличаются от неодушевленных только тем, что у них винительный падеж совпадает с родительным (у существительных мужского рода и в единственном, и во множественном числе, у существительных женского и среднего рода – только во множественном числе), в чешском одушевленные существительные отличаются от неодушевленных окончаниями сразу нескольких падежей, так что они также образуют самостоятельные типы склонения (**byt** – «твёрдый» неодушевленный тип, **pán** – «твёрдый» одушевленный тип, **pokoj** – «мягкий» неодушевленный тип, **muž** – «мягкий» одушевленный тип).

Тип Падеж	byt	pán	pokoj	muž	starosta	soudce
Единственное число						
Им.	byt	pán	pokoj	muž	starosta	soudce
Род.	bytu lesa	pána	pokoje	muže	starosty	soudce
Дат.	bytu	pánu, pánovi	pokoji	muži, mužovi	starostovi	soudci
Вин.	byt	pána	pokoj	muže	starostu	soudce
Зват.	byte! domku!	pane! Ólegu!	pokoji!	muži! otče!	starosto!	soudce!
Мест.	(v) bytě (v) domku	(o) panu (o) pánovi	(v) pokoji	(o) muži, (o) mužovi	(o) starostovi	(o) soudci
Твор.	bytem		pokojem	mužem	starostou	soudcem
Множественное число						
Им.	byty	páni pánové občané	pokoje	muži mužové přátelé	starostové sólisté fantasti	soudcové, soudci
Род.	bytů	pánů	pokojů	mužů	starostů	soudců
Дат.	bytům	pánům	pokojům	mužům	starostům	soudcům
Вин.	byty	pány	pokoje	muže	starosty	soudce
Зват.	byty!	páni! pánové! občané!	pokoje!	muži! mužové! přátelé!	starostové! sólisté!	soudcové! soudci!
Мест.	(v) bytech (v) domcích (v) balíčkách	(o) pánech (o) hoších	(v) pokojích	(o) mužích	(o) starostech (o) kolezích	(o) soudcích

Твор.	byty	pány	pokoji	muži	starosty	soudci
-------	------	------	--------	------	----------	--------

Примечания к склонению существительных типа
byt и типа **pán**

1. В родительном падеже единственного числа одушевленные существительные оканчиваются на **-a**, неодушевленные существительные оканчиваются, как правило, на **-u**.

Наиболее распространенные исключения приходится запоминать (родительный падеж единственного числа указывается в словарях). Это, например,

- почти все подпадающие под этот тип склонения названия месяцев²:

leden 'январь' → **ledna** 'до января'
únor 'февраль' → **února** 'до февраля'
březen 'март' → **března** 'до марта'
duben 'апрель' → **dubna** 'до апреля'
květen 'май' → **května** 'до мая'
červen 'июнь' → **června** 'до июня'
srpen 'август' → **srpna** 'до августа'

- почти все названия дней на **-ek**³:

dnešek 'сегодняшний день' → **do dneška** 'до сегодняшнего дня'
včerejšek 'вчерашний день' → **do včerejška** 'до вчерашнего дня'
zítrěk 'завтрашний день' → **do zítřka** 'до завтрашнего дня'
pondělek 'понедельник' → **do pondělka** 'до понедельника'
úterek 'вторник' → **do úterka** 'до вторника'
čtvrtek 'четверг' → **do čtvrtka** 'до четверга'

- некоторые распространенные названия городов⁴:

Berlín 'Берлин' → **z Berlína** 'из Берлина'
Řím 'Рим' → **z Říma** 'из Рима'
Londýn 'Лондон' → **z Londýna** 'из Лондона'
Minsk 'Минск' → **z Minska** 'из Минска'
Kyjev 'Киев' → **z Kyjeva** 'из Киева'

² Исключение: **listopad** 'ноябрь' образует родительный падеж с помощью окончания **-u**: **listopad** → **do listopadu**

³ Исключение: Слово **pátek** 'пятница' образует родительный падеж с помощью окончания **-u**: **pátek** → **do pátku**

⁴ В последние годы бывшая столица Российской империи всё чаще называется в чешских газетах и журналах не **Petrohrad**, как она называлась по-чешски с самого начала, а **Sankt Petěrburg** или просто **Petěrburg**.

Впрочем, в обоих вариантах родительный падеж образуется с помощью окончания **-u**: **Petrohrad** → **z Petrohradu**, **Sankt Petěrburg** → **ze Sankt Petěrburgu**

- некоторые распространенные существительные:

večer 'вечер' → **do večera** 'до вечера'
les 'лес' → **do lesa** 'в лес'
svět 'мир' → **do světa** 'в мир'
rybník 'пруд' → **z rybníka** 'из пруда'
mlýn 'мельница' → **ze mlýna** 'из мельницы'
dvůr 'двор' → **ze dvora** 'со двора'
chléb 'хлеб' → **bez chleba** 'без хлеба'
sýr 'сыр' → **bez sýra** 'без сыра'
oběd 'обед' → **bez oběda** 'без обеда'
domov '(родной) дом' → **z domova** 'из (родного) дома'
komín 'труба' → **z komína** 'из трубы'
zákon 'закон' → **ze zákona** 'из закона'
kostel 'церковь' → **do kostela** 'в церковь'
klášter 'монастырь' → **do kláštera** 'в монастырь'
jazyk 'язык' → **z jazyka** 'с языка'
tábor 'лагерь' → **z tábora** 'из лагеря'

Есть и существительные, у которых используются оба окончания, например: **javor** 'клён' **z javora** / **z javoru**.

2. В местном падеже у неодушевлённых существительных мужского рода твердой разновидности употребляется окончание **-u** или **-e (ě)**.

Окончание **-u** употребляется прежде всего

- у существительных данного типа склонения, обозначающих названия месяцев:

leden 'январь' → **v lednu** 'в январе'
březen 'институт' → **v březnu** 'в марте' и т.д.

- у существительных с основой на губной согласный:

film 'фильм' → **ve filmu** 'в фильме'
ústav 'институт' → **v ústavu** 'в институте'

- у существительных с основой на **k, g, h, ch, k, r**:

chodník 'тротуар' → **na chodníku** 'на тротуаре'
katalog 'каталог' → **v katalogu** 'в каталоге'
břeh 'берег' → **na břehu** 'на берегу'
prach 'пыль' → **v prachu** 'в пыли'
sever 'север' → **na severu** 'на севере'

Окончание **-e (ě)** употребляется у прочих существительных:

stůl 'стол' → **na stole** 'на столе'
les 'лес' → **v lese** 'в лесу'

У довольно многих существительных возможны оба варианта:

autobus 'автобус' → v autobusu / v autobuse 'в автобусе'
 rybník 'пруд' → v rybníku / v rybníce 'пруду'
 rektorát 'ректорат' → na rektorátu / na rektorátě 'в ректорате'
 časopis 'журнал' → v časopisu / v časopise 'в журнале'
 rok 'год' → v roku / v roce 'в году' и т.д.

3. Характерным показателем одушевленности у существительных в единственном числе является не только окончание **-a** в винительном падеже (как и в русском), но и окончание **-ovi** в дательном и местном падежах:

Vyříd' to tomuhle pánovi. 'Скажи это вон тому господину'
 Mluvili jsme o tomto studentovi. 'Мы говорили об этом студенте'.

Если в предложении один за другим идут несколько существительных данного типа, обозначающие одно и то же лицо, то окончание **-ovi** будет иметь, как правило, лишь последнее из них, а у предыдущих будет окончание **-u**, например:

Vyříd' to tomhle studentovi 'Скажи это вон тому студенту'
 Vyříd' to Pavlovi 'Скажи это Павлу'
 Vyříd' to Pavlu Novákovi 'Скажи это Павлу Новаку'
 Vyříd' to studentu Pavlu Novákovi 'Скажи это студенту Павлу Новаку'

В повседневной чешской речи формы типа **studentovi** могут заменяться формами типа **studentu** и там, где для этого нет формальных оснований, тем не менее в абсолютном большинстве случаев закономерность употребления окончания **-ovi** в дательном и местном падежах единственного числа всё же соблюдается.

4. В звательном падеже у существительных данного типа возможны два окончания – **-u** и **-e**. Окончание **-u** приобретают существительные с основой на **k, g, h, ch**:

kvítek 'цветок' → kvítku!
 Novák → Nováku!
 Oleg → Olegu!
 hoch 'парень' → hochu!

Еще недавно широко распространенное обращение **soudruhu** (к мужчине) или **soudružko** (к женщине) используется сейчас исключительно применительно к членам коммунистической партии.

Прочие существительные мужского рода с основой на твердый согласный образуют звательный падеж с помощью окончания **-e**:

Václav → Václave!
 student → studente!

У существительных, оканчивающихся в именительном падеже единственного числа на сочетание «**согласный + r**» перед окончанием звательного падежа происходит чередование **r → ř**:

bratr ‘брат’ → **bratře!**
mistr ‘мастер’ → **mistře!**
Petr ‘Пётр’ → **Petře!**

Перегибровка **r → ř** происходит только тогда, когда перед **r** стоит **согласный**: **pan ministr** ‘господин министр’ → **pane ministrě!** Сочетание «**гласный + r**» сохраняется: **pan doktor** ‘господин доктор’ → **pane doktore!**

5. В именительном падеже множественного числа у неодушевленных существительных используется окончание **-y**, а у одушевленных существительных – одно из трех окончаний: **-i, -ové, -é**.

О к о н ч а н и е **-é**

Окончание **-é** приобретают существительные на **-an**, соотносимые с русскими существительными на **-анин**:

občan ‘гражданин’ → **občané** ‘граждане’
Pražan ‘пражанин’ → **Pražané** ‘пражане’
Angličan ‘англичанин’ → **Angličané** ‘англичане’

О к о н ч а н и е **-ové**

С помощью окончания **-ové** множественное число образуют

- односложные, реже двусложные названия народностей и национальностей (по аналогии с **Rus** ‘русский’ → **Rusové** ‘русские’ изменяется и трехсложное **Bělorus** ‘белорус’ → **Bělorusové** ‘белорусы’):

Ir ‘ирландец’ → **Irové** ‘ирландцы’
Nor ‘норвежец’ → **Norové** ‘норвежцы’
Arab ‘араб’ → **Arabové** ‘арабы’

- личные имена и фамилии:

Karel Čapek a Josef Čapek ‘Карел Чапек и Йозеф Чапек’ → **bratři Čapkové**
‘братья Чапеки’

Michel Montgolfier ‘Мишель Монгольфье’ →
Michel a Etienne Montgolfierové ‘Мишель и Этьен Монгольфье’

- существительные иностранного происхождения на **-l, -m, -f, -g**:

generál ‘генерал’ → **generálové** ‘генералы’
ekonom ‘экономист’ → **ekonomové** ‘экономисты’
filozof ‘философ’ → **filozofové** ‘философы’
filolog ‘филолог’ → **filologové** ‘филологи’

- некоторые распространенные существительные:

pán ‘господин’ → **pánové** ‘господа’
syn ‘сын’ → **synové** ‘сыновья’
děd ‘дед’ → **dědové** ‘деды’

О к о н ч а н и е –i

Все остальные одушевлённые существительные мужского рода с твёрдой основой образуют множественное число с помощью окончания **-i**, перед которым происходит известное нам чередование согласных **k** → **c**, **h** → **z**, **ch** → **š**, **r** → **ř**:

dělník ‘рабочий’ → **dělníci** ‘рабочие’
bůh ‘бог’ → **bozi** ‘боги’
hoch ‘парень’ → **hoši** ‘парни’
bratr ‘брат’ → **bratři** ‘братья’
doktor ‘доктор’ → **doktoři** ‘доктора’

Окончание **-i** настолько популярно, что оно часто употребляется вместо окончания **-ové** или **-é**. Например, заглавие одной из книг о братьях Карле и Йозефе Чапеках выглядит как **Čapci** (формально множественное число от фамилии **Čapek** будет, как мы уже знаем, **Čapkové**). По телевизору вместо формы **občané** ‘граждане’ можно услышать **občani**, а уж форма **Češi** ‘чехи’ звучит в сотни раз чаще, чем **Čechové**.

6. В местном падеже множественного числа у большинства существительных мужского рода твердой разновидности используется окончание **-ech**: **byt** → **v bytech**.

И с к л ю ч е н и я :

- у существительных с основой на **k**, **g**, **h**, **ch** употребляется окончание **-ích**, перед которым происходит знакомое нам чередование согласных **k** → **c**, **g** → **z**, **h** → **z**, **ch** → **š**:

rybník ‘пруд’ → **v rybnících** ‘в прудах’
katalog ‘каталог’ → **v katalozích** ‘в каталогах’
břeh ‘берег’ → **na březích** ‘на берегах’
vrch ‘холм’ → **na vrších** ‘на холмах’

- у некоторых существительных, прежде всего с основой на **-k**, помимо окончания **-ích**, может быть также и окончание **-ách** (уже без чередования предшествующего согласного)

balíček ‘пакетик’ → **v balíčcích** / **v balíčkách** ‘в пакетиках’
hrnek ‘горшочек’ → **v hrncích** / **v hrnkách** ‘в горшочках’
kousek ‘кусочек’ → **po kouscích** / **po kouskách** ‘по кусочкам’
tepláky ‘лыжный костюм’ → **v teplácích** / **v teplákách** ‘в лыжном костюме’

Окончание **-ách** характерно прежде всего для разговорной речи.

7. В отличие от русского, в чешском языке у одушевленных и неодушевленных существительных в винительном падеже одно и то же окончание (в русском языке у них разные окончания):

Vidím autobus^y – Я вижу автобус^ы

Vidím student^y – Я вижу студент^{ов}

Примечания к склонению существительных типа **p o k o j** и типа **m u ž**

Как и в случае в существительными «твёрдых» типов склонения (типы **byt** и **pán**), у существительных мужского рода с мягкой основой (типы **pokoj** и **muž**) различия между одушевленными и неодушевленными существительными касаются дательного, местного и винительного падежей единственного числа, а также именительного падежа множественного числа.

У неодушевленных существительных окончание винительного падежа единственного числа равно окончанию именительного падежа, у одушевленных – окончанию родительного.

У неодушевленных существительных в дательном и местном падежах единственного числа используется окончание **-i**, у одушевленных – окончания **-i** и **-ovi**. Впрочем, по сравнению с существительными «твёрдых» типов склонения, окончание **-ovi** используется в этих падежах намного реже.

В именительном падеже множественного числа у неодушевленных существительных употребляется окончание **-e**, а у одушевленных – окончания **-i**, **-ové**, **-é**.

О к о н ч а н и е **–é**

Окончание **-é** приобретают существительные на **-tel**:

učitel ‘преподаватель’ → **učitelé** ‘преподаватели’

obyvatel ‘житель’ → **obyvatelé** ‘жители’

spisovatel ‘писатель’ → **spisovatelé** ‘писатели’

У весьма употребительного существительного **přítel** ‘друг’ во всех формах множественного числа происходит чередование гласного в корне: **přítel** ‘друг’ → **přátelé** ‘друзья’.

О к о н ч а н и е **–ové**

С помощью окончания **-ové** множественное число образуют имена и фамилии:

Petr Beneš ‘Петр Бенеш’ → **bratři Petr a Josef Benešové** ‘братья Петр и Йозеф Бенеш’

Ondřej → **Ondřejové**

Matěj → **Matějové**

Окончание **-ové** может употребляться также с некоторыми нарицательными существительными, однако гораздо чаще с этими же существительными употребляется окончание **-i**:

strýc ‘дядя’ → **strýcové** / **strýci** ‘дяди’

О к о н ч а н и е **-i**

Как и в случае в существительными с твёрдой основой, окончание, которое присоединяют в именительном падеже множественного числа абсолютное большинство одушевленных существительных, – окончание **-i**:

chlapec ‘мальчик’ → **chlapci** ‘мальчики’
listonoš ‘почтальон’ → **listonoši** ‘почтальоны’
posluchač ‘слушатель’ → **posluchači** ‘слушатели’
lyžař ‘лыжник’ → **lyžaři** ‘лыжники’

Примечания к склонению существительных типа **starosta** и типа **soudce**

Существительные типа **starosta** и типа **soudce** в множественном числе склоняются как существительные мужского рода типа **pán** и типа **muž** соответственно, а в единственном числе – в основном как существительные женского рода типа **žena** и типа **duše** (отличия касаются дательного и местного, а для существительных типа **soudce** – также винительного и творительного падежей).

В дательном и местном падежах единственного числа обоих типов склонения мы находим характерное для одушевленных существительных окончание **-ovi**:

Vyřid' to starostovi ‘Скажи это мэру’
Vyřid' to soudcovi ‘Скажи это судьё’

В винительном и предложном падежах единственного числа у существительных типа **starosta** мы находим такие же окончания, как у существительных женского рода типа **žena**, а у существительных типа **soudce** – как у существительных мужского рода типа **muž**:

Vidím starostu ‘Я вижу мэра’
Vidím ženu ‘Я вижу женщину’
Vidím soudce ‘Я вижу судью’
Vidím muže ‘Я вижу мужчину’
Mluvím se starostou ‘Я говорю с мэром’
Mluvím s ženou ‘Я говорю с женщиной’
Mluvím se soudcem ‘Я говорю с судьёй’
Mluvím s mužem ‘Я говорю с мужчиной’

В именительном падеже множественного числа у существительных на **-ita, -ista, -asta** употребляется окончание **-é**, у остальных существительных типа **starosta** – окончание **-ové**:

husita ‘гусит’ → **husité** ‘гуситы’
policista ‘полицейский’ → **policisté** ‘полицейские’
turista ‘фантаст’ → **turisté** ‘фантасты’
kolega ‘коллега’ → **kolegové** ‘коллеги’

В разговорной речи наряду с формами типа **turisté, policisté** часто можно услышать и формы типа **turisti, policisti**, которые так распространены, что чешский «MS Word» их уже не помечает как неправильные (более того, он пытается исправить форму **fantasté** ‘фантасты’ на **fantasti**).

У существительных типа **soudce** в именительном падеже множественного числа употребляется также возможно окончание **-ové**, однако достаточно регулярно здесь мы находим и окончание **-i**:

soudce ‘судья’ → **soudcové / soudci** ‘судьи’
vládce ‘владыка’ → **vládcové / vládci** ‘владыки’
vůdce ‘вождь’ → **vůdcové / vůdci** ‘вожди’

Склонение существительных среднего рода

Падеж	Тип	okno	pole	stavení	děvče
Единственное число					
Именительный		okno	pole	stavení	děvče
Родительный		okna	pole	stavení	děvčete
Дательный		oknu	poli	stavení	děvčeti
Винительный		okno	pole	stavení	děvče
Звательный		okno!	pole!	stavení	děvče!
Местный		(v) okně (v) Rusku	(na) poli	stavení	(o) děvčeti
Творительный		oknem	polem	stavením	děvčetem
Множественное число					
Именительный		okna	pole	stavení	děvčata
Родительный		oken	polí, učilišť	stavení	děvčat
Дательный		oknům	polím	stavení	děvčatům
Винительный		okna	pole	stavení	děvčata
Звательный		okna!	pole!	stavení	děvčata!
Местный		(v) oknech (v) okénkách (ve) střediscích	(na) polích	(o) staveních	(o) děvčatech

Творительный	okny	poli	staveními	děvčaty
--------------	------	------	-----------	---------

Примечания к склонению существительных типа **okno** и типа **pole**

Окончания существительных среднего рода типа **okno** и типа **pole** в целом очень похожи на окончания неодушевленных существительных мужского рода типа **byt** и типа **pokoј** соответственно (кроме окончаний именительного и винительного падежей, а также родительного множественного и отчасти единственного).

В местном падеже единственного числа у существительных с основой на **k, g, h, ch**, употребляется окончание **-u**, у прочих существительных типа **okno** употребляется окончание **-e (ě)**:

oko ‘глаз’ → **v oku** ‘в глазу’
ucho ‘ухо’ → **v uchu** ‘в ухе’
Chicago [šikago] ‘Чикаго’ → **v Chicagu** ‘в Чикаго’
Idaho [ajdeho] ‘Айдахо’ → **v Idahu** ‘в Айдахо’
město ‘город’ → **ve městě** ‘в городе’
tělo ‘тело’ → **v těle** ‘в теле’

Внимание: Заимствованные существительные среднего рода типа **kino**, включая географические названия, в чешском языке, в отличие от русского, склоняются:

Byl jsem v kině ‘Я был в кино’
Idahu se říká bramborový stát ‘Айдахо называют картофельным штатом’
Procházíme se Chicagem ‘Мы прогуливаемся по Чикаго’

В местном падеже множественного числа у существительных на **-ko** употребляется окончание **-ách** (иногда также и **-ích**):

okénko ‘окошко’ → **v okénkách** ‘в окошках’
městečko ‘городок’ → **v městečkách** ‘в городках’
středisko ‘центр’ → **ve střediskách / ve střediscích** ‘в центрах’

У прочих существительных среднего рода с основой на твёрдый согласный употребляется окончание **-ech**:

město ‘город’ → **ve městech** ‘в городах’
auto ‘автомобиль’ → **v autech** ‘в автомобилях’

В родительном падеже множественного числа у существительных на **-iště**, а также у всех существительных среднего рода твёрдой разновидности мы находим нулевое окончание (при этом в случае скопления согласных может появляться вставное **e**):

učiliště ‘училище’ → **učilišť** ‘училищ’
město ‘город’ → **měst** ‘городов’

místo ‘место’ → **míst** ‘мест’
jablko ‘яблоко’ → **jablek** ‘яблок’
křeslo ‘кресло’ → **křesel** ‘кресел’

У прочих существительных среднего рода мягкой разновидности (тип **pole**) в родительном падеже множественного числа употребляется окончание **-í**:

pole ‘поле’ → **polí** ‘полей’
moře ‘море’ → **moří** ‘морей’

Внимание: Существительными среднего рода твёрдой разновидности является огромное количество чешских названий стран и областей:

Rusko ‘Россия’
Polsko ‘Польша’
Slovensko ‘Словакия’
Mad’arsko ‘Венгрия’
Německo ‘Германия’
Slezsko ‘Силезия’

Примечания к склонению существительных типа **s t a v e n í**

Кроме довольно употребительных существительных типа **poschodí** ‘этаж’, **zboží** ‘товар’, **listí** ‘листва’, **umění** ‘искусство’, **přání** ‘желание’ по этому склонению изменяются в том числе и крайне многочисленные в чешском языке отглагольные существительные со значением действия:

dělat ‘делать’ → **dělání** ‘делание’
plavat ‘плавать’ → **plavání** ‘плавание’
číst ‘читать’ → **čtení** ‘чтение’

В отличие от русского языка, чешские отглагольные существительные со значением действия могут быть образованы практически от любого глагола и даже **сохраняют видовое противопоставление**:

rozhodovat ‘решать’ → **rozhodování** ‘решение (как процесс)’
rozhodnout ‘решить’ → **rozhodnutí** ‘решение (как результат)’

Примечания к склонению существительных типа **d ě v ě e**

Чешские существительные типа **děvče** ‘девушка’ склоняются с наращением основы, как и русские существительные типа **племя**, **семя**, **стреля**, но если в русском языке подобных существительных единицы (их список обычно запоминают в средней школе), в чешском языке их очень много.

Кроме довольно употребительных слов **děvče** ‘девушка’, **zvíře** ‘животное’, **koště** ‘щетка’, **poupě** ‘бутон’, **doupě** ‘дупло’ это, например,

исторические термины **kníže** ‘князь’, **hrabě** ‘граф’, **dóže** ‘дож’, **paže** ‘паж’, а также огромное количество слов со значением «детёныш животного или птицы»: **kotě** ‘котёнок’, **tele** ‘телёнок’, **hřibě** ‘жеребёнок’, **lvíče** ‘львёнок’, **slůně** ‘слонёнок’, **kuře** ‘цыплёнок’, **house** ‘гусёнок’, **kachně** ‘утёнок’ и т.д.

Весьма употребительное слово **dítě** ‘ребёнок’ в единственном числе склоняется по типу **děvče**, а во множественном – по типу **kost**:

Единственное число	
Именительный	dítě
Родительный	dítěte
Дательный	dítěti
Винительный	dítě
Звательный	dítě!
Местный	(o) dítěti
Творительный	dítětem
Множественное число	
Именительный	děti
Родительный	dětí
Дательный	dětem
Винительный	děti
Звательный	děti!
Местный	(o) dětech
Творительный	děti

Особенности склонения существительных латинского и греческого происхождения

В отличие от русского, в котором латинское или греческое окончание соответствующих слов отбрасывается вообще (например, **музей** из латинского **museum**, **Аристотель** из греческого **Aristoteles**) или превращается в часть основы (например, **космос** из греческого **kosmos**), в чешском языке соответствующее латинское или греческое окончание сохраняется в именительном, а у неодушевленных существительных мужского рода и всех существительных среднего рода – еще и в винительном падеже. В остальных падежах используются обычные чешские окончания.

Многие из подобных слов реально встречаются только в единственном числе:

Тип	realismus	kosmos	Aristoteles	Cicero
Падеж	Единственное число			
Им.	realismus	kosmos	Aristoteles	Cicero
Род.	realismu	kosmu	Aristotela	Cicerona

Дат.	realismu	kosmu	Aristotelovi	Ciceronovi
Вин.	realismus	kosmos	Aristotela	Cicerona
Зв.	realisme	kosme	Aristotele	Cicerone
М.	(o) realismu	(o) kosmu	(o) Aristotelovi	Ciceronovi
Тв	realismem	kosmem	Aristotelem	Ciceronem

Как мы видим, имя латинского оратора Цицерона в именительном падеже в чешском языке выглядит так же, как и в латинском, то есть с усеченной основой.

Падеж	Тип	génius	gymnázium	muzeum	drama
Единственное число					
Им.		génius	gymnázium	muzeum	drama
Род.		génia	gymnázia	muzea	dramatu
Дат.		géniovi	gymnáziiu	muzeu	dramatu
Вин.		génia	gymnázium	muzeum	drama
Зв.		génie	gymnázium	muzeum	drama
М.		géniovi	gymnáziiu	muzeu	dramatu
Тв.		géniem	gymnáziiem	muzeem	dramatem
Множественное число					
Им.		géniové	gymnázia	muzea	dramata
Род.		géniů	gymnázíí	muzeí	dramat
Дат.		géniům	gymnázíím	muzeím	dramatům
Вин.		génie	gymnázia	muzea	dramata
Зв.		géniové	gymnázia	muzea	dramata
М.		géníích	gymnázíích	muzeích	dramatech
Тв.		génii	gymnázii	muzei	dramaty

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ. ПРИЧАСТИЕ. ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Как и в русском языке, в чешском можно выделить три типа склонения прилагательных – склонение прилагательных с твёрдой основой, склонение прилагательных с мягкой основой и склонение притяжательных прилагательных.

Склонение прилагательных с твёрдой основой и притяжательных местоимений můj, tvůj, svůj

Поскольку почти все падежные окончания прилагательных с твёрдой основой и притяжательного местоимения **můj**, **mé**, **má** совпадают, их обычно приводят вместе.

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Им.	můj dobrý	mé / moje dobré	má / moje dobrá

Род.	mého dobrého	mého dobrého	mé dobré
Дат.	mému dobrému	mému dobrému	mé dobré
Вин.	můj dobrý mého dobrého	mé / moje dobré	mou / moji dobrou
Зв.	můj dobrý	mé / moje dobré	má / moje dobrá
М.	(o) mém dobrém	(o) mém dobrém	(o) mé dobré
Тв.	mým dobrým	mým dobrým	mou dobrou
Множественное число			
Им.	mé / moje dobré mí / moji dobří	má / moje dobrá	mé / moje dobré
Род.	mých dobrých	mých dobrých	mých dobrých
Дат.	mým dobrým	mým dobrým	mým dobrým
Вин.	mé dobré	má / moje dobrá	mé / moje dobré
Зв.	mé dobré mí dobří	má / moje dobrá	mé / moje dobré
М.	(o) svých dobrých	(o) svých dobrých	(o) svých dobrých
Тв.	mými dobrými	mými dobrými	mými dobrými

Как и в русском языке, в единственном числе различия между мужским и средним родом касаются только форм именительного и винительного числа (окончания звательного падежа у прилагательных всегда совпадают с формами именительного падежа), однако, в отличие от русского языка, различие между мужским, женским и средним родом прослеживается и во множественном числе (в именительном и отчасти винительном падежах):

Им. падеж **dobré stoly** ‘хорошие столы’ (муж. род неодуш.)
dobří studenti ‘хорошие студенты’ (муж. род одуш.)
dobrá okna ‘хорошие окна’ (средний род)
dobře židle ‘хорошие стулья’ (женский род)

Вин. падеж **dobré stoly** ‘хорошие столы’ (мужской род)
dobrá okna ‘хорошие окна’ (средний род)
dobře židle ‘хорошие стулья’ (женский род)

В винительном падеже множественного числа окончания прилагательных, согласованных с одушевленными и неодушевленными существительными, между собой не различаются.

Внимание: У прилагательных с основой на **k, g, h, ch, r, ck, sk** перед окончанием **-í** происходит чередование **k → c, h → z, ch → š, r → ř, ck → čk, sk → št**:

velký přítel ‘большой друг’ → **velcí přátelé** ‘большие друзья’
drahý přítel ‘дорогой друг’ → **drazí přátelé** ‘дорогие друзья’
tichý společník ‘тайный компаньон’ → **tiší společníci** ‘тайные компаньоны’

dobrý student ‘хороший студент’ → **dobří studenti** ‘хорошие студенты’
český student ‘русский студент’ → **čeští studenti** ‘чешские студенты’
anglický student ‘английский студент’ → **angličtí studenti** ‘английские студенты’

Формы местоимений **mí, mé, má** получились в результате выпадения звука **j** и стяжения двух соседних кратких гласных в один долгий: **moji** → **mí, moje** → **mé** и т.д. Именно в результате подобного стяжения в свое время получились и долгие гласные в окончаниях чешских полных прилагательных твёрдой и мягкой разновидностей, но если у прилагательных используются только стяженные формы, у местоимений кроме стяженных форм типа **mí, mé** есть и нестяжённые формы типа **moji, moje**. Впрочем, реально употребляются из нестяжённых форм данного местоимения только формы именительного и винительного падежей, поэтому они и приведены в таблице. Нестяженные формы прочих падежей этого местоимения встречаются настолько редко, что их обычно даже не указывают в грамматиках.

Притяжательные местоимения **tvůj** ‘твой’ и **svůj** ‘свой’ склоняются точно так же, как и местоимение **můj**.

Склонение прилагательных с мягкой основой

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Именительный	letní	letní	letní
Родительный	letního	letního	letní
Дательный	letnímu	letnímu	letní
Винительный	letní letního	letní	letní
Звательный	letní	letní	letní
Местный	(o) letním	(o) letním	(o) letní
Творительный	letním	letním	letní
Множественное число			
Именительный	letní	letní	letní
Родительный	letních	letních	letních
Дательный	letním	letním	letním
Винительный	letní	letní	letní
Звательный	letní	letní	letní
Местный	(o) letních	(o) letních	(o) letních
Творительный	letními	letními	letními

Как мы видим, у чешских прилагательных мягкой разновидности во множественном числе окончания от рода не зависят.

По данному типу склоняются, в частности, чешские прилагательные из общеславянского лексического фонда, которые и в русском языке

изменяются по мягкому склонению: **letní** ‘летний’, **zimní** ‘зимний’, **svěží** ‘свежий’, **pěší** ‘пеший’, **dívčí** ‘девичий’, **lisí** ‘лисий’, **kozí** ‘козий’, **vlčí** ‘волчий’, **hovězí** ‘говяжий’ и т.д.

По этому же типу изменяются действительные причастия настоящего и прошедшего времени типа **dělající** ‘делающий’, **udělavší** ‘сделавший’, в том числе субстантивированные причастия типа **vedoucí** ‘заведущий’ или ‘заведущая’, а также субстантивированные прилагательные типа **průvodčí** ‘проводник’ или ‘проводница’.

Внимание: Почти все прилагательные иностранного происхождения оформляются в чешском языке по мягкому типу склонению:

módní ‘модный’
ideální ‘идеальный’
maximální ‘максимальный’
perspektivní ‘перспективный’
fiktivní ‘фиктивный’
formální ‘формальный’

Склонение притяжательных прилагательных

Подобно русским, чешские притяжательные прилагательные образуются от существительных мужского рода с помощью суффикса **-ov-** (**otec** ‘отец’ → **otcovо křeslo** ‘отцово кресло’), а от существительных женского рода – с помощью суффикса **-in-** (**sestra** ‘сестра’ → **sestrino křeslo** ‘сестрино кресло’), причем в чешском языке этот принцип поддерживается более последовательно, чем в русском (в русском языке существительные мужского рода, оканчивающиеся на **-а** или **-я**, используют «женский» суффикс **-ин-**: **папа** → **папин**, **дядя** → **дядин**):

máma ‘мама’ → **mámino křeslo** ‘мамино кресло’
táta ‘папа’ → **tátovo křeslo** ‘папино кресло’
strejda ‘дядюшка’ → **strejdovo křeslo** ‘дядюшкино кресло’

В некоторых падежах прилагательных мужского рода суффикс **-ov-** выглядит как **-ův-** (как мы помним, в чешском языке **o** может чередоваться с **ů**):

tátův stůl ‘папин стол’ → **na tátově stole** ‘на папином столе’

Если притяжательное прилагательное образовано от существительного с основой на **k, g, h, ch, r** с помощью суффикса **-in-**, то перед этим суффиксом происходит чередование **k** → **č**, **g / h** → **ž**, **ch** → **š**, **r** → **ř**:

matka ‘мать’ → **matčino křeslo**
sestra ‘мать’ → **sestrino křeslo**
Olga ‘Ольга’ → **Olžino křeslo**

Как и в русском, в чешском языке у притяжательных прилагательных в одних падежах окончания такие же, как у прилагательных твёр-

дой разновидности, а в других – как у существительных, при этом у чешских притяжательных прилагательных окончаний, совпадающих с окончаниями существительных, больше, чем в русском.

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Именительный	otcův	otcovo	otcova
Родительный	otcova	otcova	otcovy
Дательный	otcovu	otcovu	otcově
Винительный	otcův otcova	otcovo	otcovu
Звательный	otcův	otcovo	otcova
Местный	otcově	otcově	otcově
Творительный	otcovým	otcovým	otcovou
Множественное число			
Именительный	otcovy otcovi	otcova	otcovy
Родительный	otcových	otcových	otcových
Дательный	otcovým	otcovým	otcovým
Винительный	otcovy	otcova	otcovy
Звательный	otcovy otcovi	otcova	otcovy
Местный	otcových	otcových	otcových
Творительный	otcovými	otcovými	otcovými

Внимание: Притяжательное прилагательное множественного числа мужского рода, образованная от фамилии главы семьи, используется для обозначения всей семьи:

Novák ‘Новак’ → **Novákovi** ‘семья Новак’
Nejezchleba → **Nejezchlebovi**

Притяжательные прилагательные в чешском языке очень распространены и часто встречаются там, где русский употребил бы конструкцию с родительным падежом:

Nerudova třída ‘проспект Неруды’
Jiráskovo museum ‘музей Ирасека’

Причастия в чешском языке

Прежде всего надо сказать, что в чешских грамматиках под «причастием» понимают не совсем то, что в русских. Если для русского школьника причастия – это что-то типа **делающий, делавший, делаемый, сделанный**, то чешский школьник приведенные формы назовет не причастиями, а **прилагательными**, причастия же для него – краткие гла-

гольные формы типа **přinesl** или типа **přinesen**, которые используются при образовании прошедшего времени, условного наклонения, а также страдательного залога:

Přinesl jsem knihu ‘Я принёс книгу’
Přinesl bych knihu ‘Я бы принёс книгу’
Přinesen jsem ‘Меня принесли’

Чтобы избежать обычной для многих учебников чешского языка неразберихи, когда авторы без предупреждения перескакивают с чешской терминологии на русскую и обратно, мы в дальнейшем будем использовать термин «причастие» так, как это принято в русской грамматической традиции, то есть обозначать ими и формы типа **přinesen** ‘принесён’, и формы типа **přinesený** ‘принесённый’.

Тем самым в современном чешском языке мы можем встретиться со следующими типами полных причастий:

dělající ‘делающий’
udělavší ‘сделавший’
dělaný / udělaný ‘деланный / сделанный’
přislý ‘пришедший’

Причастия типа **dělající** и типа **udělavší** склоняются как прилагательные с мягкой основой, причастия типа **dělaný / udělaný** и типа **přislý** – как прилагательные с твёрдой основой (именно поэтому в чешских грамматиках все эти формы и называются не причастиями, а прилагательными).

Причастия типа **dělající**

Как и русские действительные причастия настоящего времени, чешские причастия данного типа образуются от глаголов несовершенного вида: к форме третьего лица множественного числа прибавляется причастный суффикс **-c-** и соответствующее падежное окончание:

dělat ‘делать’ → **dělají** ‘делают’ → **dělající** ‘делающий’
prosit ‘просить’ → **prosí** ‘просят’ → **prosící** ‘просящий’
nést ‘нести’ → **nesou** ‘несут’ → **nesoucí** ‘несущий’

Внимание: От глагола **být** ‘быть’ образуются два причастия данного типа:

být ‘быть’ → **jsou** ‘суть’ → **jsoucí** ‘сущий’
být ‘быть’ → **budou** ‘будут’ → **budoucí** ‘будущий’

Причастия типа **udělavší**

В отличие от русских действительных причастий прошедшего времени, чешские причастия на **-vší** образуются только от глаголов совершенного вида, причем только от глаголов с основой инфинитива на

гласный или на дифтонг. При этом употребляются они крайне редко (по статистике приблизительно в 200 раз реже, чем причастия типа **dělající**).

Образуются данные причастия от основы инфинитива с помощью суффикса **-vš-**, перед которым дифтонг **ou** заменяется гласным **u**:

vrátit se 'вернуться' → **vrátivší se** 'вернувшийся'
vynořit se 'вынырнуть' → **vynořivší se** 'вынырнувший'
uplynout 'истечь' → **uplynuvší** 'истекший'

Причастия типа **dělaný / udělaný**

Чешские причастия типа **dělaný / udělaný** по своему значению и употреблению соотносятся сразу с двумя типами русских причастий – страдательных причастий прошедшего времени (**деланный / сделанный**) и страдательных причастий настоящего времени (**делаемый**).

Чешские причастия данного типа, образованные от глаголов совершенного вида, имеют значение причастий прошедшего времени, а образованные от глаголов несовершенного вида – в большинстве случаев значение причастий настоящего времени, например:

uvidět 'увидеть' → **uviděný** 'увиденный'
vidět 'видеть' → **viděný** 'видимый'
uslyšet 'услышать' → **uslyšený** 'услышенный'
slyšet 'слышать' → **slyšený** 'слышимый'

Как и в русском языке, такие формы могут утрачивать значение причастия и превращаться в прилагательные, сравните разную степень «глагольности» в следующих примерах:

Oheň praská a vůně <u>pečených</u> mandlí se šíří po celém okolí	'Огонь трещит, и повсюду разносится аромат <u>поджариваемого</u> миндаля'
brambory <u>pečené</u> v ohni	'картошка, <u>запеченная</u> в золе'
<u>pečená</u> kachna / krůta	' <u>жареная</u> утка / индейка'

Образуются данные причастия, как и в русском языке, с помощью суффиксов **-n-**, **-en-** или **-t-** и соответствующих окончаний от основы прошедшего времени:

smazat 'стереть' → **smazal** 'стёр' → **smaza-n-ý** 'стёртый'
přivést 'привести' → **přivedl** 'привёл' → **přived-en-ý** 'приведённый'
přibít 'прибить' → **přibil** 'прибил' → **přibi-t-ý** 'прибитый'

Суффикс **-t-** используется довольно редко, в основном с теми же глаголами, что и в русском: **(u)mytý** ‘(у)мытый’, **(po)krytý** ‘(по)крытый’, **vypitý** ‘выпитый’, **bitý** ‘битый’ и т.д.

С помощью суффикса **-en-** причастия образуются от глаголов, основа прошедшего времени которых оканчивается на согласный или на гласный **i** (очень редко на гласный **e**), при этом перед причастным суффиксом возможны перегласовки **k → c**, **d → z**, **sl → šl** и т.д.:

upéci / upéct ‘испечь’ → **upekl** ‘испёк’ → **upečený** ‘испечённый’
přivést ‘привезти’ → **přivezl** ‘привёз’ → **přivezený** ‘привезённый’
přinést ‘принести’ → **přinesl** ‘принёс’ → **přinesený** ‘принесённый’
ukrást ‘украсть’ → **ukradl** ‘украл’ → **ukradený** ‘украденный’
osvobodit ‘освободить’ → **osvobodil** ‘освободил’ → **osvobozený** ‘освобождённый’
vymyslet ‘выдумать’ → **vymyslel** ‘выдумал’ → **vymyšlený** ‘выдуманый’

Глаголы с основой прошедшего времени на гласные **a** и **e** образуют причастия данного типа с помощью суффикса **-n-**:

napsat ‘написать’ → **napsal** ‘написал’ → **napsaný** ‘написанный’
uvidět ‘увидеть’ → **uviděl** ‘увидел’ → **uviděný** ‘увиденный’

Поскольку причастия на **-vší**, как только что было сказано, реально употребляются довольно редко, чешские возвратные глаголы совершенного вида могут образовывать причастия на **-ný/-tý** с тем же значением, что и русские **действительные** причастия прошедшего времени, например:

otočit se ‘повернуться’ → **otočený** ‘повернувшийся’
udýchat se ‘запыхаться’ → **udýchaný** ‘запыхавшийся’
poplést se ‘запутаться’ → **popletený** ‘запутавшийся’

Причастия типа **přišlý**

В то время как в русском языке слова типа **обледенелый** (< **обледе-нел**), **побелелый** (< **побелел**) единичны, в чешском языке подобных эловых форм глагола, присоединивших к себе окончания твердого склонения прилагательных, довольно много, причем очень часто они употребляются не как прилагательные, а именно как действительные причастия прошедшего времени, например:

Dopis přišel včera ‘Письмо пришло вчера’ → **přišlý včera dopis**
‘пришедшее вчера письмо’.

Правда, такие формы могут образовываться только от непереходных глаголов, да и то не от всех, но те причастия на **-lý**, которые в языке есть, употребляются в десятки и даже сотни раз чаще, чем соответствующие причастия на **-vší** с тем же значением:

uplynulá / uplynuvší léta ‘минувшие годы’

proběhlý / proběhnuvší volby ‘прошедшие выборы’
vzniklý / vzniknuvší v důsledku velkého třesku vesmír ‘возникшая в результате Большого взрыва Вселенная’

Некоторые употребительные причастия на -lý

bývalý бывший
 minulý минувший
 nabobtnalý надувшийся
 napuchlý припухший
 narůžovělý порозовевший
 navyklý привыкший
 nevybuchlý не взорвавшийся
 nevyspalý не выпавшийся
 obrostlý обросший
 obtloustlý потолстевший
 odkvetlý отцвётший
 ohořelý обгоревший
 okoralý зачерствевший
 olýsalý облысевший
 oněmělý онемевший
 opilý напившийся пьяным
 oplešatělý облысевший
 osmáhlý загоревший на солнце
 otupělý отупевший
 ožralý напившийся пьяным
 padlý упавший
 pobledlý побледневший
 podnapilý выпивший
 pohaslý угасший
 pohublý похудевший
 porostlý поросший
 pozůstalý оставшийся
 promoklý промокший
 promrzlý промерзший
 prošedivělý поседевший
 přimrzlý примерзший
 přivyklý привыкший
 rozkvetlý расцвётший
 rozpadlý распавшийся
 rozteklý растёкшийся
 shnilý сгнивший
 uplynulý истёкший
 uschlý высохший
 vrostlý вросший
 vybledlý выцветший

vyhládlý проголодавшийся
 vyhladovělý изголодавшийся
 vyhublý похудевший
 vychladlý остывший
 vypadlý выпавший
 vyprahlý высохший
 vyschlý высохший
 vystřízlivělý протрезвевший
 vystydlý остывший
 vzniklý возникший
 vzteklý взбесившийся
 zamlklý замолкший
 zarostlý заросший
 zaschlý засохший
 zběsilý взбесившийся
 zblblý одуревший
 zbledlý побледневший
 zbylý оставшийся
 zčernalý почерневший
 zdivočelý одичавший
 zdřevěnělý одеревеневший
 zemřelý умерший
 zesláblý ослабевший
 zesnulý умерший
 zestárlý постаревший
 zežloutlý пожелтевший
 zhmotnělý материализовавшийся
 zchátralý одряхлевший
 zchudlý обедневший
 zjemnělý ставший деликатнее
 zkamenělý окаменевший
 změkklý размягчившийся
 zmizelý исчезнувший
 zmrzlý замерзший
 znejistělý растерявшийся
 znervóznělý разнервничавшийся
 zpitomělý отупевший
 zpuchlý вспухший
 zrezivělý заржавевший
 zrudlý покрасневший

zsinalý посиневший
ztichlý притихший
ztučnělý ожиревший

ztuhlý затвердевший
zvadlý завядший
zvyklý привыкший

Как уже отмечалось, краткие формы причастий типа **přislý** используются для образования прошедшего времени и условного наклонения (**Přišel jsem** ‘Я пришёл’; **Přišel bych** ‘Я пришёл бы’) а краткие формы причастий типа **dělaný / udělaný** – для образования страдательного залога (**Nesen jsem** ‘Меня несут’; **Přinesen jsem** ‘Меня принесли’).

Если страдательное причастие типа **dělaný / udělaný** образовано от глагола на **-at**, то в его краткой форме это **a** становится долгим (в полной форме оно остается кратким):

dělat ‘делать’ → **dělaný** ‘делаемый’ → **dělán** ‘делаем’
udělat ‘сделать’ → **udělaný** ‘сделанный’ → **udělán** ‘сделан’

Краткие формы причастий типа **dělaný / udělaný** используются также в составе конструкций с глаголом **mít** типа **mám to uděláno** ‘я уже сделал это’ (буквально ‘я уже имею это сделанным’).

Краткие формы причастий типа **dělající** и типа **udělavší** в чешском языке стали деепричастиями, которые, в отличие от русских деепричастий, различаются по числу, а в единственном числе еще и по роду:

dělat ‘делать’ → dělající ‘делающий’ →	dělaje ‘делая’ (ед. число, муж. и ср. род) dělajíc ‘делая’ (ед. число, жен. род) dělajíce ‘делая’ (мн. число)
udělat ‘сделать’ → udělavší ‘сделавший’ →	udělav ‘сделав’ (ед. число, муж. и ср. род) udělavši ‘сделав’ (ед. число, жен. род) udělavše ‘сделав’ (мн. число)

Впрочем, в современном чешском языке деепричастия (особенно деепричастия прошедшего времени) употребляются почти исключительно в книжном стиле письменной речи.

МЕСТОИМЕНИЕ

Как склоняются вопросительные местоимения **kdo** ‘кто’ и **co** ‘что’, а также притяжательные местоимения **můj** ‘мой’, **tvůj** ‘твой’, **svůj** ‘свой’, мы уже знаем. Падежные формы местоимений **kdo** и **co** приводились во Вводном курсе, когда речь шла о существующих в чешском языке падежах (собственно говоря, это и были вопросы к падежам), а падежные окончания местоимений **můj**, **tvůj**, **svůj** – в разделе о склонении прилагательных твердой разновидности типа **dobrý**, у которых такие же падежные окончания, как и у этих местоимений.

У многих местоимений, как и у прилагательных, в винительном падеже единственного числа, а также в именительном падеже множест-

венного числа различаются формы, которые согласуются или соотносятся с одушевленными существительными, и формы, соотносимые с неодушевленными существительными. такие случаи отмечаются в соответствующих парадигмах.

Вопросительные местоимения **kdo, co**

Чешские местоимения **kdo, co** склоняются аналогично русским местоимениям **кто, что**:

Именительный падеж	kdo, co	кто, что
Родительный падеж	koho, čeho	кого, чего
Дательный падеж	komu, čemu	кому, чему
Винительный падеж	koho, co	кого, что
Звательный падеж		
Местный падеж	(o) kom, (o) čem	(о) ком, (о) чём
Творительный падеж	kým, čím	кем, чем

Форма винительного падежа местоимения **co** может сливаться с предлогами (**na co** → **nač**, **za co** → **zač**, **pro co** → **proč**), например:

Nač bych vám to vykládal? ‘Зачем же мне это вам рассказывать?’

Tak proč vám to vlastně vykládám? ‘Так и зачем я вам это рассказываю?’

Nemáte se zač stydět? ‘Вам не за что стыдиться’

Внимание: Форма **čím** может употребляться и применительно к человеку, если речь идет о роде его занятий, профессиональной деятельности и т.д., например:

Čím jste? ‘Кто Вы по профессии?’

Čím jsi? ‘Кто ты по профессии?’

Čím je? ‘Кто он (она) по профессии?’и

Относительные местоимения **kdo (kdož), co (což)**

Как и в русском языке, местоимения **kdo** ‘кто’ и **co** ‘что’ могут употребляться для присоединения придаточного предложения, то есть могут быть не только вопросительными, но и относительными, например:

Co se s ním stalo? ‘Что с ним случилось’ (вопросительное местоимение)

Pověz, co se s ním stalo. ‘Расскажи, что с ним случилось’ (относительное местоимение)

Относительные местоимения **kdo** и **co** могут присоединять к себе **ž**: **kdo** → **kdož**, **co** → **což**. Подобные формы с **ž** характерны для книжного или публицистического стиля, при этом местоимение **kdož** реально употребляется только в форме именительного падежа (у местоимения

což встречаются и другие падежные формы – **čehož, čemuž** и т.д.), например:

Připravil tím půdu i pro ty, <u>kdož</u> přicházeli po něm	‘Тем самым он подготовил почву и для тех, кто пришли после него’
Podcenil jsem vás, za <u>což</u> se vám omlouvám	‘Я недооценил вас, за что я перед вами извиняюсь’
V ČR je jich asi 150 tisíc, z <u>čehož</u> polovina je v Praze	‘В Чешской республике их около 150 тысяч, из которых половина в Праге’
Strážníci smějí žebráky pouze vykázat z místa, proti <u>čemuž</u> však protestuje vždy mnoho kolemjdoucích	‘Полицейские могут лишь прогнать нищего с его места, против чего, однако, многие прохожие протестуют’
Rozuměl svému řemeslu, o <u>čemž</u> svědčí výsledky jeho práce	‘Он хорошо разбирался в своем деле, о чем свидетельствуют результаты его работы’
Pak vnější izolaci stáhnete, <u>čímž</u> obnažíte izolované vodiče	‘Потом вы удаляете внешнюю изоляцию, обнажая тем самым изолированные провода’

Личные местоимения **já, ty, my, vy**. Возвратное местоимение

Именительный	já	ty	my	vy	
Родительный	mne, mě	tebe, tě	nás	vás	sebe, se
Дательный	mně, mi	tobě, ti	nám	vám	sobě, si
Винительный	mne, mě	tebe, tě	nás	vás	sebe, se
Звательный		ty!		vy!	
Местный	(o) mně	(o) tobě	(o) nás	(o) vás	(o) sobě
Творительный	mnou	tebou	námi	vámi	sebou

В отличие от соответствующих русских местоимений, чешские личные местоимения **já** и **ty**, а также возвратное местоимение **si** могут употребляться в полной или в краткой форме. Полные формы используются после предлогов, в начале предложения, а также при логическом ударении, во всех остальных случаях следует употреблять краткую форму, например:

Čekám na tebe už hodinu ‘Я жду тебя уже час’ (местоимение стоит после предлога)

Tobě jsem to řekl ‘Тебе я это сказал’ (местоимение стоит в начале предложения)

Řekl jsem to tobě a jen tobě ‘Я сказал это тебе и только тебе’ (логическое ударение)

Řekl jsem ti to ‘Я сказал это тебе’ (ни один из названных выше случаев)

Внимание: Краткая форма **mě** (родительный и винительный падежи местоимения **já**) часто ведет себя так, как если бы она была полной:

Mě se taky ptal ‘Меня он тоже спрашивал’

Podívala se na mě a usmála se ‘Она посмотрела на меня и улыбнулась’

Как уже говорилось, чешские формы именительного падежа местоимений **já, ty, my, vy** употребляются в целом реже, чем соответствующие русские, потому что в чешском языке, в отличие от русского, лицо однозначно определяется без местоимения самой глагольной формой не только в настоящем или будущем, но и в прошедшем времени (эловая форма смыслового глагола + вспомогательная форма **jsem, jsi** и т.д.), а также в кондиционале (эловая форма смыслового глагола + вспомогательная форма **bych, bys** и т.д.), например:

Byl jsem tam ‘Я был там’

Byl jsi tam ‘Ты был там’

Byli jsme tam ‘Мы были там’

Byli jste tam ‘Вы были там’

Nešel bych tam ‘Я бы туда не пошёл’

Nešel bys tam ‘Ты бы туда не пошёл’

Nešli bychom tam ‘Мы бы туда не пошли’

Nešli byste tam ‘Вы бы туда не пошли’

Впрочем, в разговорной чешской речи формы именительного падежа местоимений **já, ty, my, vy** употребляются намного чаще, чем в письменной речи, так что приведённые примеры могут звучать и иначе:

Já jsem tam byl ‘Я был там’

Tys (< Ty jsi) tam byl ‘Ты был там’

My jsme tam byli ‘Мы были там’

Vy jste tam byli ‘Вы были там’

Já bych tam nešel ‘Я бы туда не пошёл’

Ty bys tam nešel ‘Ты бы туда не пошёл’

My bysme tam nešli ‘Мы бы туда не пошли’

Vy byste tam nešli ‘Вы бы туда не пошли’

В литературном же чешском языке формы именительного падежа местоимений **já, ty, my, vy** употребляются тогда, когда на них падает логическое ударение. Это относится и к случаям их употребления в настоящем времени.

Личное местоимение **on, ona, ono**

		мужской род	средний род	женский род
Единственное число				
Им.	on	on	ona	

Род.	jeho, ho, (od) něj	jeho, ho, (od) něj	jí
Дат.	jemu, mu	jemu, mu	jí
Вин.	jeho, ho, jej	je, ho	ji
Зв.			
М.	(o) něm	(o) něm	(o) ní
Тв.	jím	jím	jí
Множественное число			
Им.	oni (одуш.) ony (неодуш.)	ony	ona
Род.	jích	jích	jích
Дат.	jím	jím	jím
Вин.	je	je	je
Зв.			
М.	(o) nich	(o) nich	(o) nich
Тв.	jimi	jimi	jimi

Как и у русского местоимения **он, она, оно**, в косвенных падежах местоимения **он, она, оно** в положении после предлогов начальный звук **j** чередуется с мягким **n'**:

jeho 'его' → **od něho** 'от него'
jemu 'ему' → **k němu** 'к нему'

У личного местоимения **он, она, оно**, как и у местоимений **já, ty, my, vy**, есть полные и краткие формы (правда, это касается только форм мужского и среднего рода единственного числа). Правила употребления полных и кратких форм в целом такие же, как и у местоимений **já, ty, my, vy**: полные формы используются после предлогов, в начале предложения, а также при логическом ударении, во всех остальных случаях следует употреблять краткую форму, например:

Čekám na něho už hodinu 'Я жду его уже час' (местоимение стоит после предлога)

Jemu jsem to řekl 'Ему я это сказал' (местоимение стоит в начале предложения)

Řekl jsem to jemu a jen jemu 'Я сказал это ему и только ему' (логическое ударение)

Řekl jsem mu to 'Я сказал это ему' (ни один из названных выше случаев)

Внимание: Форма **jej** является формой мужского или среднего, а не женского рода!

Vím to od něj 'Я знаю это от него'

Vím to od ní 'Я знаю это от неё'

Форма **jej** может употребляться и там, где требуется полная форма, и там, где требуется краткая форма, например:

Čekám na něj ‘Я жду его’ (условия для полной формы)
Viděl jsem jei ‘Я видел его’ (условия для краткой формы)

Форма винительного падежа **jeho** может употребляться только тогда, когда она замещает одушевлённое существительное, форма **jej** может замещать и одушевленное, и неодушевленное существительное, а потому и более употребительная.

Вопросительно-относительные местоимения **který, jaký, čím**. Относительное местоимение **jenž**

Как и в русском языке, вопросительные местоимения **který** ‘который’, **jaký** ‘какой’, **čím** ‘чей’ могут также использоваться для присоединения придаточного предложения, то есть являются вопросительно-относительными.

Относительно-вопросительные местоимения **který** ‘который’, **jaký** ‘какой’, склоняются по образцу прилагательных твёрдой разновидности, относительно-вопросительное местоимение **čím** ‘чей’ – по образцу прилагательных мягкой разновидности, падежные окончания относительного местоимения **jenž** ‘который’ сходны с падежными окончаниями личного местоимения **on, ona, ono**:

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Именительный	jenž	jež	jež
Родительный	jehož, (z) nějž	jehož, (z) nějž	jíž
Дательный	jemuž	jemuž	jíž
Винительный	jehož, jejž	jež	jíž
Звательный			
Местный	(o) němž	(o) němž	(o) níž
Творительный	jímž	jímž	jíž
Множественное число			
Именительный	jíž (одуш.) jež (неодуш.)	jež	jež
Родительный	jichž, jejichž	jichž, jejichž	jichž, jejichž
Дательный	jímž	jímž	jímž
Винительный	jež	jež	jež
Звательный			
Местный	(o) nichž	(o) nichž	(o) nichž
Творительный	jimiž	jimiž	jimiž

Притяжательные местоимения **náš, váš**

Падежные окончания притяжательных местоимений **náš, váš** почти полностью совпадают с окончаниями личного местоимения **on, ona, ono**:

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Именительный	náš	naše	naše
Родительный	našeho	našeho	naší
Дательный	našemu	našemu	naší
Винительный	našeho (одуш.) náš (неодуш.)	naše	naši
Звательный	náš	naše	naše
Местный	(o) našem	(o) našem	(o) naší
Творительный	naším	naším	naší
Множественное число			
Именительный	naši (одуш.) naše (неодуш.)	naše	naše
Родительный	našich	našich	našich
Дательный	naším	naším	naším
Винительный	naše	naše	naše
Звательный	naše	naše	naše
Местный	(o) našich	(o) našich	(o) našich
Творительный	našimi	našimi	našimi

У притяжательного местоимения **váš** те же окончания, что и у местоимения **náš**.

Указательные местоимения **ten, ta, to; onen, ona, ono**

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Именительный	ten	to	ta
Родительный	toho	toho	té
Дательный	tomu	tomu	té
Винительный	toho (одуш.) ten (неодуш.)	to	tu
Звательный			
Местный	(o) tom	(o) tom	(o) té
Творительный	tím	tím	tou
Множественное число			
Именительный	ti (одуш.) ty (неодуш.)	ty	ta
Родительный	těch	těch	těch
Дательный	těm	těm	těm
Винительный	ty	ty	ta
Звательный			
Местный	(o) těch	(o) těch	(o) těch
Творительный	těmi	těmi	těmi

К указательному местоимению **ten, ta, to** часто прибавляются элемент **-to**, а в разговорной речи – **-hle**, например:

	мужской род	средний род	женский род
Им.	ten → tento / tenhle	to → toto / tohle	ta → tato / tahle
Род.	toho → tohoto / tohohle		té → tého / téhle
Дат.	tomu → tomuto / tomuhle		té → tého / téhle
Вин.	toho → tohoto / tohohle ten → tento / tenhle	to → toto / tohle	tu → tuto / tuhle

и так далее.

Для указания на отдалённый предмет в разговорной речи перед местоимением **ten, ta, to** может появляться элемент **tam** или **tamhle**, который сливается с этим местоимением (**ten** → **tamten / tamhleten**), например:

Vidíte tamten les? ‘Вы видите вон тот лес?’

Tak podívejte, tahle kancelář je vaše kancelář, tamhleten stůl je váš stůl
‘Смотрите, этот офис – ваш офис, а вон тот стол – ваш стол’

Внимание: Указательное местоимение **ten, ta, to** часто соответствует по своему употреблению русскому местоимению **он, она, оно**:

To řekl Einstein, a ten by to měl vědět ‘Так сказал Эйнштейн, а он в этом разбирается’

I snubní prsten jsem vsadil a ten jsem taky prohrál ‘Я поставил на кон даже обручальное кольцо и проиграл его тоже’

Вместо местоимения **ten, ta, to** иногда употребляется, особенно в книжном и публицистическом стилях, местоимение **onen, ona, ono** с такими же падежными окончаниями, например:

Nuže, podlé oné zapomenuté teorie se dělení rolí odehrálo ve středověku

‘Итак, в соответствии с этой забытой теорией распределение ролей произошло в Средние века’

Šlo tu totiž o onu jistou zpronevěru a jiné ošklivé věci

‘Ведь речь шла о той доказанной расстрате и прочих скверных вещах’

Netušil jsem, jaký je status oněch dvou dolarů, která mi vyplatila.

‘Я не думал о статусе тех двух долларов, которые она мне заплатила’

Nastal den onoho slavného vystoupení

‘Настал день этого славного выступления’

Внимание: Чешское выражение **ten i onen** переводится на русский как **тот и другой** а выражение **ten nebo/či onen** – как **тот или другой**:

Nebo je život směsí toho i onoho? ‘Или жизнь – смесь того и другого?’

To je jedno, ten nebo onen stát ‘Всё равно, одна страна или другая’

Притяжательные местоимения *jeho, její, jejich*

Русские притяжательные местоимения **его, её, их** не склоняются (во всяком случае, формы типа **ихнему** хотя и слышны иногда по телевизору, пока литературными не признаются).

В чешском же языке несклоняемыми являются только притяжательные местоимения **jeho** ‘его’ и **jejich** ‘их’, местоимение же **její** ‘её’ изменяется по родам, числам и падежам:

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Именительный	její	její	její
Родительный	jejího	jejího	její
Дательный	jejímu	jejímu	její
Винительный	jejího její	její	její
Звательный			její
Местный	(o) jejím	(o) jejím	(o) její
Творительный	její	její	její
Множественное число			
Именительный	její	její	její
Родительный	jejích	jejích	jejích
Дательный	její	její	její
Винительный	její	její	její
Звательный			
Местный	(o) jejích	(o) jejích	(o) jejích
Творительный	jejími	jejími	jejími

Относительные местоимения *jehož, jejíž, jejichž*

Подобно тому, как присоединение к формам косвенных падежей **личного** местоимения третьего лица элемента **-ž** превращает их в формы **относительного** местоимения (например, *jeho* → *jehož*, *jemu* → *jemuž*, *jím* → *jímž* и т.д.), может происходить образование форм **относительных** местоимений и от местоимений **притяжательных**:

její → jejíž
jejího → jejíhož
jejímu → jejímuž
и так далее

Собирательное местоимение *všechen, všechna, všechno*

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Именительный	všechen	všechno	všechna
Родительный	všeho	všeho	vší

Дательный	všemu	všemu	vší
Винительный	všechn	všechno	všechnu
Звательный			
Местный	(o) všem	(o) všem	(o) vší
Творительный	vším	vším	vší
Множественное число			
Именительный	všichni (одуш.) všechny (неод.)	všechny	všechna
Родительный	všech	všech	všech
Дательный	všem	všem	všem
Винительный	všechny	všechny	všechna
Звательный			
Местный	(o) všech	(o) všech	(o) všech
Творительный	všemi	všemi	všemi

В разговорной речи в именительном и винительном падежах вместо форм **všechn**, **všechna**, **všechno**, **všechny** могут употребляться формы **všecek**, **všecka**, **všecko**, **všecky**.

Сложности может вызвать употребление местоимения **všechn**, **všechna**, **všechno** в единственном числе (во множественном числе оно употребляется в целом так же, как и русское местоимение **весь**, **вся**, **всё**, надо только помнить о роде и одушевленности – **všichni muži** ‘все мужчины’, **všechny ženy** ‘все женщины’, **všechna okna** ‘все окна’).

Итак, в единственном числе местоимение **všechn**, **všechna**, **všechno** употребляется только с собирательными и вещественными существительными: **všechn rum** ‘весь ром’, **všechna voda** ‘вся вода’, **všechno víno** ‘всё вино’.

Если же существительное обозначает то, что воспринимается как целостный объект (по-русски в таких случаях можно и сказать и **весь**, и **целый**), то вместо **všechn**, **všechna**, **všechno** следует употреблять прилагательное **celý**, **celá**, **celé**: **celý svět** ‘весь мир = целый мир’, **celá země** ‘вся страна = целая страна’, **celé náměstí** ‘вся площадь = целая площадь’.

Внимание: В тех случаях, когда по-русски можно сказать и **весь**, и **целый** (**весь мир** = **целый мир**), по-чешски можно сказать только **celý** (**celý svět**). Местоимение **všechn** в таких случаях не используется.

Определительные местоимения **každý**, **samý**, **tentýž**

Определительные местоимения **každý** ‘каждый’, **samý** ‘самый’, **tentýž** ‘тот самый’ склоняются по образцу прилагательных твёрдой разновидности, при этом у форм местоимения **tentýž** падежное окончание прилагательного расширено за счет элемента **-ž**, а также есть дополнительные формы в некоторых падежах:

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Им.	týž, tentýž	totéž	táž, tatáž
Род.	téhož	téhož	téže
Дат.	témuž	témuž	téže
Вин.	téhož (<i>одуш.</i>) tentýž (<i>неодуш.</i>)	totéž	touž, tutéž
Зв.			
М.	(o) témž, (o) tomtéž	(o) témž, (o) tomtéž	(o) téže
Тв.	týmž, tímtéž	týmž, tímtéž	touž, toutéž
Множественное число			
Им.	tíž, titíž (<i>одуш.</i>) tytéž (<i>неодуш.</i>)	táž, tatáž	tytéž
Род.	týchž	týchž	týchž
Дат.	týmž	týmž	týmž
Вин.	tytéž	táž, tatáž	tytéž
Зв.			
М.	týchž	týchž	týchž
Тв.	týmiž	týmiž	týmiž

У местоимения **самý** есть краткие формы в именительном и винительном падежах единственного и множественного числа, в остальных падежах возможны только полные формы:

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Им.	samý, sám	samé, samo	samá, sama
Род.	samého	samého	samé
Дат.	samému	samému	samé
Вин.	samého, sama (<i>одуш.</i>) sám (<i>неодуш.</i>)	samé, samo	samou, samu
Зв.			
М.	(o) samém	(o) samém	(o) samé
Тв.	samým	samým	samou
Множественное число			
Им.	samí, sami (<i>одуш.</i>) samu (<i>неодуш.</i>)	samá, sama	samé, samy
Род.	samých	samých	samých
Дат.	samým	samým	samým
Вин.	samé, samy	samé, sama	samé, samy
Зв.			
М.	samých	samých	самых
Тв.	самými	самými	самými

Внимание: Местоимение **samý** активно используется в выражениях типа:

Cesta byla **samý** kámen 'Дорога была сплошной камень'
Všude byl **samý** bodlák a trn 'Повсюду был один чертополох и терновник'
Ten byl **samý** usměv 'Он был воплощением улыбки'
Ten byl **samá** zlost 'Он только и делал, что злился'
Pořád **samá** Jana! 'Только и разговоров, что о Яне'

Неопределённые и отрицательные местоимения **někdo**, **něco**, **nikdo**, **nic**, **kdosi**, **cosi**, **kdokoli**, **cokoli**, **kdekdo**, **kdeco**, **leckdo**, **ledakdo**, **ledaco**, **nějaký**, **některý**, **něčí**, **nijaký**, **nikterý**, **ničí**, **žádný**, **jakýsi**, **kerýsi**, **čísí**, **jakýkoli**, **kerýkoli**, **číkoli**, **lecjaký**, **leckterý**, **lecčí**, **kdejaký**, **kdekterý**, **kdečí**

Подобно русским неопределённым и отрицательным местоимениям типа **некто**, **нечто**, **никто**, **ничто**, **кто-то**, **что-то**, **кто-нибудь**, **что-нибудь**, **кто-либо**, **что-либо**, чешские местоимения **někdo** 'кто-то', **něco** 'что-то', **nikdo** 'никто', **nic** 'ничто', **kdosi** 'кто-то', **cosi** 'что-то', **kdokoli** 'кто угодно', **cokoli** 'что угодно', **kdekdo** 'кто угодно', **kdeco** 'что угодно', **leckdo** 'кто угодно', **ledakdo** 'кто угодно', **ledaco** 'что угодно' склоняются так же, как и вопросительно-относительные местоимения **kdo**, **co** (неизменяемый элемент **ně-**, **ni-**, **kde-**, **lec-**, **leda-**, **-si**, **-koli** присоединяется к началу или к концу соответствующего местоимения).

Подобным же образом склоняются неопределённые и отрицательные местоимения **nějaký** 'какой-то', **některý** 'какой-нибудь', **něčí** 'чей-нибудь', **nijaký** 'никакой', **nikterý** 'никакой', **ničí** 'ничей', **jakýsi** 'какой-то', **kerýsi** 'какой-то', **čísí** 'чей-то', **jakýkoli** 'какой угодно', **kerýkoli** 'какой угодно', **číkoli** 'чей угодно', **lecjaký** 'какой-нибудь', **leckterý** 'какой-нибудь', **lecčí** 'чей-нибудь', **kdejaký** 'какой угодно', **kdekterý** 'какой угодно', **kdečí** 'чей угодно' приобретают при склонении окончания вопросительно-относительных местоимений **jaký**, **kerý**, **čí**.

Отрицательное местоимение **žádný** 'никакой' склоняется по образцу прилагательных твёрдой разновидности.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В чешских грамматиках принято выделять больше разрядов числительных, чем в русских. Кроме хорошо всем знакомых **количественных** и **порядковых** числительных чешские языковеды говорят еще о **собирательно-видовых** числительных (**dvojí látka** 'материя двух видов'), **кратных** числительных (**dvojnásobný** 'двукратный'; **dvakrát** 'дважды'), **разделительных** числительных (**po dvou** 'по два').

Впрочем, самыми употребительными в речи а потому и самыми для нас важными являются количественные и порядковые числительные.

Количественные числительные

1 – jeden, jedna, jedno	11 – jedenáct	21 – dvacet jeden / jedenadvacet
2 – dva, dvě	12 – dvanáct	22 – dvacet dva / dvaadvacet
3 – tři	13 – třináct	23 – dvacet tři / tříadvacet
4 – čtyři	14 – čtrnáct	...
5 – pět	15 – patnáct	
6 – šest	16 – šestnáct	
7 – sedm	17 – sedmnáct	
8 – osm	18 – osmnáct	
9 – devět	19 – devatenáct	
10 – deset	20 – dvacet	
30 – třicet		
40 – čtyřicet		
50 – padesát		
60 – šedesát		
70 – sedmdesát		
80 – osmdesát		
90 – devadesát		
100 – sto		
200 – dvě stě		
300 – tři sta		
400 – čtyři sta		
500 – pět set		
600 – šest set		
700 – sedm set		
800 – osm set		
900 – devět set		
1 000 – tisíc		
2 000 – dva tisíce		
5 000 – pět tisíce		
1 000 000 – milion		
2 000 000 – dva miliony		
1 000 000 000 – miliarda		
2 000 000 000 – dvě miliardy		

Как мы видим, обозначающие целые сотни количественные числительные в чешском языке, в отличие от русского, пишутся в два слова – **dvě stě**, **tři sta** и т.д.

Числительные **tisíc** и **milion** в чешском языке мужского рода, числительное **miliarda** – женского.

Как и в русском языке, количественные числительные 1 и 2 (а также соответствующие составные числительные – 21, 22, 31, 32, 41, 42 и т.д.) различаются по роду:

jeden, dvacet jeden, třicet jeden ... – мужской род
 jedna, dvacet jedna, třicet jedna ... – женский род
 jedno, dvacet jedno, třicet jedno ... – средний род
 dva, dvacet dva, třicet dva ... – мужской род
 dvě, dvacet dvě, třicet dvě ... – женский и средний род

Как и у русского числительного **два, две**, у чешского числительного **dva, dvě** есть неполный синоним **oba, obě**.

Внимание: В отличие от русских числительных **две, обе**, чешские числительные **dvě, obě** могут быть и женского, и среднего рода:

dvě/obě lavice ‘две/обе парты’, **dvě/obě okna** ‘два/оба окна’

Чешские числительные **dva** используются только для мужского рода:

dva/oba stoly ‘два/оба стола’

Обозначающие неполные десятки составные числительные в чешском языке могут читаться не только привычным для нас образом (например: 23 – **dvacet tři**, 57 – **padesát sedm**), но и «по немецкой модели», когда сначала называются единицы, потом соединительный союз **a**, а уже потом десятки, причем на письме всё это пишется слитно, например: 23 – **třicetdvacet**, 57 – **sedmapadesát**.

Оба названных способа образования чешских составных числительных одинаково распространены.

Склонение числительного **jeden, jedna, jedno**

Числительное **jeden, jedna, jedno** склоняется так же, как указательное местоимение **ten, ta, to**:

	мужской род	средний род	женский род
Единственное число			
Именительный	jeden	jedno	jedna
Родительный	jednoho	jednoho	jedné
Дательный	jednomu	jednomu	jedné
Винительный	jednoho (о <i>душ.</i>) jeden (нео <i>душ.</i>)	jedno	jednu
Звательный	jeden	jedno	jedna
Местный	(o) jednom	(o) jednom	(o) jedné
Творительный	jedním	jedním	jednou
Множественное число			
Именительный	jedni (о <i>душ.</i>) jedny (нео <i>душ.</i>)	jedna	jedny
Родительный	jedněch	jedněch	jedněch

Дательный	jedněm	jedněm	jedněm
Винительный	jedny	jedna	jedny
Звательный	jedni (о <i>душ.</i>) jedny (нео <i>душ.</i>)	jedna	jedny
Местный	(o) jedněch	(o) jedněch	(o) jedněch
Творительный	jedněmi	jedněmi	jedněmi

Наличие множественного числа у числительного **jeden** может показаться странным, однако оно довольно регулярно используется в конструкциях типа **Jedni mluví, jiní zase poslouchají** ‘Одни говорят, а другие слушают’, а также применительно к существительным, у которых нет форм единственного числа: **jedny kalhoty** ‘одни брюки’, **jedny brýle** ‘одни очки’, **jedny nůžky** ‘одни ножницы’ и т.п. Это может касаться и тех чешских существительных, русские соответствия которым грамматическое единственное число имеют, например, **jedny noviny** ‘одна газета’, **jedny dveře** ‘одна дверь’.

Склонение числительного dva, dvě

	мужской род	женский и средний род
Именительный	dva	dvě
Родительный	dvou	dvou
Дательный	dvěma	dvěma
Винительный	dva	dvě
Звательный	dva	dvě
Местный	dvou	dvou
Творительный	dvěma	dvěma

Склонение числительных tři и čtyři

Именительный	tři	čtyři
Родительный	tří	čtyř
Дательный	třem	čtyřem
Винительный	tři	čtyři
Звательный	tři	čtyři
Местный	třech	čtyřech
Творительный	třemi	čtyřmi

Склонение числительных 5–99

Как и у русских, у чешских количественных числительных от пяти до двадцати во всех косвенных падежах, кроме винительного (а также совпадающего с именительным звательного) представлено одно падежное окончание. Точно так же склоняются и чешские числительные от 21 до 99, образованные «по немецкой модели».

Именительный	pět	devět	deset	dvanáct	dvaadvacet
Родительный	pěti	devíti	deseti / desíti	dvanácti	dvaadvaceti
Дательный	pěti	devíti	deseti / desíti	dvanácti	dvaadvaceti
Винительный	pět	devět	deset	dvanáct	dvaadvacet
Звательный	pět	devět	deset	dvanáct	dvaadvacet
Местный	pěti	devíti	deseti / desíti	dvanácti	dvaadvaceti
Творительный	pěti	devíti	deseti / desíti	dvanácti	dvaadvaceti

У числительного **deset** в косвенных падежах наряду с закономерной формой **deseti** может употребляться форма **desíti**. У числительного **devět** в этих же падежах возможна исключительно форма **devíti**.

Внимание: У чешских количественных числительных от 21 до 99, образованных «по русской модели», склоняются, как и в русском языке, обе части составного числительного:

dvacet dva ‘двадцать два’
dvaceti dvou ‘двадцати двух’
dvaceti dvěma ‘двадцати двум’
и т.д.

В отличие от русского языка, при числительных **dva, tři, čtyři** существительные стоят во множественном числе (в том же падеже, что и числительное), например:

dva stoly ‘два стола’ **dvěma stolům** ‘двум столам’
oba zaměstnanci ‘оба сотрудника’ **oběma zaměstnancům** ‘обоим сотрудникам’
tři studenti ‘три студента’ **třem studentům** ‘трём студентам’
čtyři chlapci ‘четыре мальчика’ **čtyřem chlapcům** ‘четырёх мальчикам’

При числительных от пяти и выше существительное употребляется, как и в русском языке, в форме родительного падежа множественного числа

pět stolů ‘пять столов’
šest zaměstnanců ‘шесть сотрудников’
tři sta studentů ‘триста студентов’
tisíc chlapců ‘тысяча мальчиков’

Порядковые числительные

При записи цифрами порядковые числительные в чешском языке, как и в некоторых других языках, обозначаются цифрой, после которой пишется точка (даже если это не конец предложения), например:

Alexandr má narozeniny 1. ledna. ‘У Александра день рождения 1 января’

1. – první, prvý 11. – jedenáctý 21. – dvacátý první / jedenadvacátý

2. – druhý	12. – dvanáctý	22. – dvacátý druhý / dvaadvacátý
3. – třetí	13. – třináctý	23. – dvacátý třetí / třiaadvacátý
4. – čtvrtý	14. – čtrnáctý	...
5. – pátý	15. – patnáctý	
6. – šestý	16. – šestnáctý	
7. – sedmý	17. – sedmnáctý	
8. – osmý	18. – osmnáctý	
9. – devátý	19. – devatenáctý	
10. – desátý	20. – dvacátý	
30. – třicátý		
40. – čtyřicátý		
50. – padesátý		
60. – šedesátý		
70. – sedmdesátý		
80. – osmdesátý		
90. – devadesátý		
100. – stý		
200. – dvoustý		
300. – třístý		
400. – čtyřstý		
500. – pěstistý		
600. – šestistý		
700. – sedmistý		
800. – osmistý		
900. – devítistý		
1 000. – tisíci		
2 000. – dvoutisíci		
1 000 000. – miliontý		

Русскому порядковому числительному **первый** в чешском языке соответствуют два варианта – **první** и **prvý**. Вариант **prvý** используется в речи намного реже, чем вариант **první**. Обычно он встречается в составе устойчивых сочетаний типа **v prvé řadě** ‘в первую очередь’, **po prvé** ‘в первый раз’, **za prvé** ‘во-первых’, **v prvému dopalu** ‘сгорая’, хотя может употребляться и как синоним варианта **první**:

v první / prvé chvíli ‘в первую минуту’
v prvním / prvému případě ‘в первом случае’
na první / prvý pohled ‘на первый взгляд’

Порядковые числительные склоняются так же, как прилагательные твёрдой или мягкой разновидности: числительные на **-í** (**první, třetí, tisíci, dvoutisíci** и т.д.) по мягкой разновидности, числительные на **-ý** (**prvý, druhý, čtvrtý** и т.д.) – по твёрдой.

Внимание: Если чешское порядковое числительное от 21 до 99 образовано «по русской модели», у него два окончания (ведь оно состоит из двух слов) и оба, в отличие от русского языка, склоняются если «по немецкой», то есть в одно слово, то одно:

dvacátý druhý = dvaadvacátý ‘двадцать второй’
dvacátého druhého = dvaadvacátého ‘двадцать второго’
dvacátému druhému = dvaadvacátému ‘двадцать второму’
и т.д.

Собирательно-видовые числительные

Чешские собирательно-видовые числительные могут быть полными (**dvojí, trojí, paterý**) и краткими (**dvoje, troje, patero**).

Хотя на практике лишь некоторые из собирательно-видовых числительных активно используются, теоретически они могут быть образованы от любого количественного числительного, например:

dva → **dvojí, dvoje**
oba → **obojí, oboje**
tři → **trojí, troje**
čtyři → **čtverý, čtvero**
pět → **paterý, patero**
šest → **šesterý, šestero**
sedm → **sedmerý, sedmero**
osm → **osmerý, osmero**
devět → **devaterý, devatero**
deset → **desaterý, desatero**
dvacet → **dvacaterý,**
sto → **sterý, stero**

Числительные **dvojí, obojí, trojí** склоняются по мягкому склонению прилагательных, числительные на **-erý** – по твёрдому склонению прилагательных.

Принято считать, что полные формы собирательно-видовых числительных употребляются во всех падежах, а краткие – только в именительном (+ звательном) и винительном падежах единственного и множественного числа.

Краткие формы **dvoje, oboje, troje** употребляются в этих падежах с существительными всех трех родов и в единственном, и во множественном числе.

Краткие формы **čtvero, patero, šestero** и им подобные употребляются с существительными среднего рода в единственном числе, формы **čtvera, patera, šestera** – женского рода в единственном числе и среднего рода во множественном числе, **čtvery, paterý, šestery** – мужского и женского рода во множественном числе, например:

čtvero víno ‘вино четырёх сортов’ **dvoje víno** ‘вино двух сортов’

čtvera látka ‘материя четырёх сортов’ **dvoje látka** ‘материя двух сортов’
čtvery šaty ‘платья четырёх фасонов’ **dvoje šaty** ‘платья двух фасонов’
čtvera vrata ‘четверо ворот’ **dvoje vrata** ‘двое ворот’

Впрочем, в реальных чешских текстах формы на **-o** типа **patero** встречаются не только с существительными среднего, но также мужского и женского рода, например:

sedmero mudrců ‘семеро мудрецов’ (**mudrc** мужского рода)
desatero hloupostí ‘десять типов глупости’ (**hloupost** женского рода)

Сочетаясь с предметными существительными, собирательно-видовые числительные показывают, сколько видов, типов или сортов имеется в виду (тогда как количественные числительные показывают количество предметов), например:

Vypil jsem dvoje pivo ‘Я выпил два сорта пива (например, светлое и тёмное)’

Vypil jsem dvě piva ‘Я выпил две кружки пива’

Snědl jsem čtvery chlebičky ‘Я съел бутерброды четырех видов’

Snědl jsem čtyři chlebičky ‘Я съел четыре бутерброда’

В сочетании с существительными, не имеющими форм единственного числа, **краткие** формы собирательно-видовых числительных обозначают количество соответствующих предметов, то есть выступают в роли количественных числительных, например:

dvoje noviny ‘две газеты’

troje housle ‘три скрипки’

troje hodinky ‘трое часов’

čtvery plavky ‘четыре купальника’

То же относится и к существительным, которые могут употребляться в единственном числе, но часто продаются или встречаются парами, связками, пачками и т.д., например:

dvoje boty ‘две пары ботинок’

troje cigarety ‘три пачки сигарет’

Полные формы собирательно-видовых существительных применительно к тем же самым существительным обозначают виды, типы или сорта, например:

trojí hodinky ‘часы трёх видов’

čtveré plavky ‘купальники четырёх видов’

dvojí boty ‘ботинки двух типов’

trojí cigarety ‘сигареты трёх сортов’

Внимание: Слово **desatero** часто используется в значении **Desatero božích přikázání** ‘Десять Заповедей’, в том числе в переносном смысле, например:

lékařské desatero ‘десять заповедей врача’
podnikatelské desatero ‘десять заповедей предпринимателя’
mateřské desatero ‘десять заповедей материнства’

Кратные числительные

В отличие от русских слов типа **дважды, трижды, четырежды** или **двойной, тройной**, чешские кратные числительные типа **dvakrát** ‘дважды’ или типа **dvojnásobný** ‘двойной’ в принципе могут быть образованы от любого количественного числительного, например:

dva →	dvakrát	dvojnásobný
tři →	třikrát	trojnásobný
čtyři →	čtyřikrát	čtyřnásobný
pět →	pětkrát	pětinásobný
šest →	šestkrát	šestinásobný
sedm →	sedmkrát	sedminásobný
osm →	osmkrát	osminásobný
devět →	devětkrát	devítinásobný
deset →	desetkrát	desetinásobný
jedenáct →	jedenáctkrát	jedenáctinásobný
dvaatřicet →	dvaatřicetkrát	dvaatřicetinásobný
sto →	stokrát	stonásobný
tisíc →	tisíckrát	tisícinásobný

К подобным числительным примыкают слова **mnohokrát** ‘множественно’, **několikrát** ‘неоднократно’, **vícekrát** ‘множественно’, **mnohonásobný** ‘множественный’, **několikanásobný** ‘неоднократный’, **vícenásobný** ‘множественный’.

Обязательная литература

Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. вузов / *А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская*. – 2 изд. испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1988.

Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А. Чешский язык. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Дополнительная литература

Изотов А.И. Чешский язык: Учебное пособие по развитию навыков устной речи на материале видеофильмов. – М.: Филоматис, 2005. [Упражнения и словарь доступны на: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/ex_mach1-11.pdf

Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Чешский язык: Учебное пособие по развитию речи. – СПб.: Изд-во КАРО, 2010.

Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1986. Díl I.; Díl II; 1987. Díl III.

Příruční mluvnice češtiny / Ed. *P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová*. – Praha: Lidové Noviny, 1996.

Encyklopedický slovník češtiny / Ed. *P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová*. – Praha: Lidové Noviny, 2002.